

№ 4

2016

НАСЛЕДИЕ

ВЕКОВ

HERITAGE
OF CENTURIES

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ЮЖНОГО ФИЛИАЛА ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

**СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ: НАСЛЕДИЕ И ОБЩЕСТВО**

16+

№ 4

(8)

16+

2016

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

HERITAGE
OF CENTURIES

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЮЖНОГО ФИЛИАЛА
ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

УЧРЕДИТЕЛЬ

АНО Центр духовного развития и патриотического воспитания «Родные традиции»

ИЗДАТЕЛЬ:

Южный филиал
ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

Выходит 4 раза в год

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации:
ЭЛ № ФС 77-62997
от 4 сентября 2015 г.

ISSN 2412-9798

Адрес редакции:

350063, г. Краснодар,
ул. Красная, д. 28, оф. 28
Тел. +7 (861) 268-22-98
E-mail:
heritage.krasnodar@gmail.com

Мнение авторов может
не совпадать с точкой зрения
редакции

Номер сверстан: 26.01.2017
Размещен в сети Интернет: 27.01.2017

Главный редактор:

ГОРЛОВА

Ирина Ивановна,
доктор философских наук,
профессор, директор
Южного филиала Института
Наследия

Заместитель главного редактора:

ЧУМАЧЕНКО

Виктор Кириллович,
кандидат филологических
наук, профессор,
старший научный сотрудник
Южного филиала
Института Наследия

Выпускающие редакторы:

КОВАЛЕНКО

Тимофей Викторович,
кандидат философских наук,
заместитель директора
Южного филиала
Института Наследия

КРЮКОВ

Анатолий Владимирович,
кандидат исторических
наук, ученый секретарь
Южного филиала Института
Наследия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БОНДАРЬ Виталий Вячеславович	кандидат исторических наук, начальник отдела экспертно-консультативной деятельности и проблем культурного и природного наследия Южного филиала Института Наследия
БЫЧКОВА Ольга Ивановна	кандидат экономических наук, доцент, начальник отдела научно-образовательных проектов и программ Южного филиала Института Наследия
ГУЦАЛОВ Александр Анатольевич	кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела экспертно-консультативной деятельности и проблем культурного и природного наследия Южного филиала Института Наследия
ЕРЕМЕЕВА Анна Натановна	доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия
КОСТИНА Наталья Анатольевна	кандидат педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела научно-образовательных проектов и программ Южного филиала Института Наследия
НАУМЕНКО Владимир Емельянович	кандидат исторических наук, профессор, начальник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия, заслуженный деятель науки Республики Ингушетия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АКАЕВ Вахит Хумидович	доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела гуманитарных исследований Комплексного научно-исследовательского института имени Х. И. Ибрагимова РАН, действительный член Академии наук Чеченской Республики, г. Грозный, Россия
АРАКЕЛОВА Александра Олеговна	доктор искусствоведения, директор департамента науки и образования Министерства культуры Российской Федерации, заслуженный работник культуры Российской Федерации, г. Москва, Россия
БУЕВА Людмила Пантелеевна	действительный член Российской академии образования, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора истории антропологических учений Института философии РАН, г. Москва, Россия
ГАПУРОВ Шахрудин Айдиевич	доктор исторических наук, профессор, Президент Академии наук Чеченской Республики, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Чеченского государственного университета, заслуженный деятель науки Чеченской Республики, г. Грозный, Россия
ДЕМИН Вадим Петрович	действительный член Российской академии образования, доктор искусствоведения, профессор, академик-секретарь отделения образования и культуры Российской академии образования, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, г. Москва, Россия
КУДРЯВЦЕВ Александр Абакарович	доктор исторических наук, профессор, кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Ставрополь, Россия
КУПЦОВА Ирина Валентиновна	доктор исторических наук, профессор кафедры регионального и муниципального управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия
МАТВЕЕВ Олег Владимирович	доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры Кубанского казачьего хора, г. Краснодар, Россия
МИРОНОВ Арсений Станиславович	кандидат филологических наук, директор Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, г. Москва, Россия
НЕРЕТИН Олег Петрович	доктор экономических наук, советник директора Федерального института промышленной собственности, лауреат премии Правительства Российской Федерации, Москва, Россия
ОРЛОВА Надежда Хаджимерзановна	доктор философских наук, профессор кафедры культурологии, философии культуры и эстетики Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия
ПЕТРОВ Владимир Михайлович	доктор философских наук, профессор, Вице-Президент Международной ассоциации эмпирической эстетики, г. Москва, Россия
РАТУШНЯК Валерий Николаевич	доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Краснодар, Россия
РАХАЕВ Анатолий Измаилович	доктор искусствоведения, профессор, ректор Северо-Кавказского государственного института искусств, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, кавалер Ордена Дружбы, г. Нальчик, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ХАНГЕЛЬДИЕВА
Ирина Георгиевна

доктор философских наук, профессор, декан факультета предпринимательства в культуре, заведующая кафедрой прикладной культурологии и социокультурного менеджмента Международного университета в Москве, г. Москва, Россия

ЧЕЛЫШЕВ
Евгений Петрович

действительный член Российской академии наук, доктор филологических наук, профессор, председатель Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, заслуженный деятель науки Российской Федерации, кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени, г. Москва, Россия

ЩЕРБАКОВА
Анна Иосифовна

доктор культурологии, доктор педагогических наук, ректор Московского государственного института музыки имени А. Г. Шнитке, г. Москва, Россия

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

АБДУЛЛАЕВА
Рена

доктор искусствоведения, профессор, заведующая отделом эстетики и информационной культуры Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджанская Республика

ДЖИВЕНСКА
Малгожата Цецилия

Ph. D. в области географии, доцент Нижнесилезской высшей школы социальных служб «Ассесор», г. Вроцлав, Республика Польша

ДЖОПУА
Аркадий Иванович

кандидат исторических наук, директор Абхазского государственного музея, г. Сухум, Республика Абхазия

ЗАНТАРИА
Владимир Константинович

доктор филологических наук, член-корреспондент Академии наук Абхазии, советник Президента Республики Абхазия, г. Сухум, Республика Абхазия

КУМАР
Капил

профессор истории, декан исторического факультета Высшей школы социальных наук Индийского национального открытого университета имени Индиры Ганди, директор Центра по исследованию борьбы за свободу, Советник индийского конгресса туризма и гостеприимства, г. Нью-Дели, Республика Индия

МАКГАЛА
Кристиан Джон

Ph. D. в области истории, профессор кафедры истории гуманитарного факультета исторического факультета Университета Ботсваны, г. Габороне, Республика Ботсвана

ПАТИНЬО
Хуан Карлос

доктор экономических наук, профессор факультета политических и социальных наук Автономного Университета штата Мехико, Толука, Мексиканские Соединенные Штаты

ПРАБХАКАРА
Джантхьяло Рао

профессор лингвистики, директор Центра изучения иностранных языков Высшей школы гуманитарных наук Центрального университета Хайдарабада, г. Хайдарабад, Республика Индия

САЛАМЗАДЕ
Эртегин

доктор искусствоведения, профессор, директор Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, член-корреспондент Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджанская Республика

ЧОЛАРИЯ
Борис Шаликович

директор Национальной библиотеки Республики Абхазия имени А. Г. Папаскир г. Сухум, Республика Абхазия

VOL.4

(8)

2016

HERITAGE НАСЛЕДИЕ OF CENTURIES ВЕКОВ

THE ONLINE SCIENTIFIC JOURNAL OF THE SOUTHERN BRANCH
OF THE INSTITUTE OF HERITAGE

FOUNDER:

Autonomous Not-for-Profit
Organization Center for Intellectual
Development and Patriotic Education
„Native traditions“

PUBLISHER:

Southern Branch of the Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

Published four times per year

Mass Media Registration Certificate:
ЭЛ ФС № 77-62997
on September 4, 2015

ISSN 2412-9798

Editorial Office:

Address:

office 28, 28 Krasnaya Street,
Krasnodar, Russia, 350063.

Telephone:

+7 (861) 268-22-98

E-mail:

heritage.krasnodar@gmail.com

The views expressed in the Journal
are those of the authors, and do not
necessarily coincide with those of
the Editors, Editorial Board or the
Publications Council.

Imposed on January 26, 2017
Published online January 27, 2017

The Editor-in-Chief:

Irina I. **GORLOVA**

Dr. Sci. (Theory and History
of Culture), Prof., Director,
Southern Branch of the Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

**The Deputy Editor-
in-Chief**

Viktor K. **CHUMACHENKO**

Cand. Sci. (Theory of
Literature), Prof., Senior
Researcher, Southern Branch,
Russian Research Institute for
Cultural and Natural Heritage

Managing Editors:

Timofey V. **KOVALENKO**

Cand. Sci. (Theory and History
of Culture), Deputy Director,
Southern Branch, Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

Anatoly V. **KRYUKOV**

Cand. Sci. (National History),
Academic Secretary, Southern
Branch, Russian Research
Institute for Cultural and
Natural Heritage

EDITORIAL BOARD

- Vitaliy V.
BONDAR
Cand. Sci. (National History), Head, Department of Expert and Advisory Activities and Problems of Cultural and Natural Heritage, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage
- Olga I.
BYCHKOVA
Cand. Sci. (Economics and Economic Management), Assoc. Prof., Head, Department of Scientific and Educational Projects and Programs, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage
- Aleksandr A.
GUTSALOV
Cand. Sci. (History of Philosophy), Senior Researcher, Department of Expert and Advisory Activities and Problems of Cultural and Natural Heritage, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage
- Anna N.
EREMEEVA
Dr. Sci. (National History), Prof., Chief Researcher, Department of Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage
- Natalya A.
KOSTINA
Cand. Sci. (Library Science, Bibliography and Bibliology), Assoc. Prof., Leading Researcher, Department of Scientific and Educational Projects and Programs, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage
- Vladimir E.
NAUMENKO
Cand. Sci. (National History), Prof., Head, Department of Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Honored Worker of Science of the Republic of Ingushetia
-

PUBLICATIONS COUNCIL

Vakhit Kh. AKAEV	Dr. Sci. (History of Philosophy), Prof., Chief Researcher, Department of Humanities, Complex Research Institute, Russian Academy of Science; Academician, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny, Russia
Aleksandra O. ARAKELOVA	Dr. Sci. (Musical Art), Director, Department of Science and Education of the Ministry of Culture of the Russian Federation, Honoured Worker of Culture of the Russian Federation, Moscow, Russia
Lyudmila P. BUEVA	Academician, Russian Academy of Education; Dr. Sci. (Social Philosophy), Prof., Chief Researcher, Department of History of Anthropological Studies, Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia
Shakhrudin A. GAPUROV	Dr. Sci. (National History), Prof., President, Academy of Science of the Chechen Republic; Head, Department of Modern and Contemporary History, Chechen State University, Honoured Worker of Science of the Chechen Republic, Grozny, Russia
Vadim P. DEMIN	Academician, Russian Academy of Education; Dr. Sci. (Theatrical Art), Prof.; Academic Secretary, Department of Education and Culture, Russian Academy of Education, Honored Worker of Arts of the Russian Federation, Moscow, Russia
Aleksandr A. KUDRYAVTSEV	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Foreign History, Political Science and International Relations, North Caucasus Federal University, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Stavropol, Russia
Irina V. KUPTSOVA	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Regional and Municipal Management, Moscow State University, Moscow, Russia
Oleg V. MATVEEV	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of History of Russia, Kuban State University; Senior Researcher, Scientific Research Center for Traditional Culture, The Kuban Cossak Choir, Krasnodar, Russia
Arseniy S. MIRONOV	Cand. Sci. (Journalism), Director, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Moscow, Russia
Oleg P. NERETIN	Dr. Sci. (Economics and Economic Management), Adviser to the Director, Federal Institute of Industrial Property, Laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
Nadezhda Kh. ORLOVA	Dr. Sci. (Religious Studies, Philosophical Anthropology, and Philosophy of Culture), Prof., Department of Culturology, Philosophy of Culture and Aesthetics, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
Vladimir M. PETROV	Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., Vice-President, International Association of Empirical Aesthetics, Moscow, Russia
Valeriy N. RATUSHNYAK	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of History of Russia, Kuban State University, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Krasnodar, Russia
Anatoliy I. RAKHAEV	Dr. Sci. (Musical Art), Prof., Rector, North Caucasus State Institute of Arts, Honored Worker of Arts of the Russian Federation, Cavalier of the Order of Friendship, Nalchik, Russia
Irina G. KHANGEL'DIEVA	Dr. Sci. (Aesthetics), Prof., Dean, Faculty of Business in Culture; Head, Department of Applied Culturology and Sociocultural Management, International University in Moscow, Moscow, Russia

PUBLICATIONS COUNCIL

Evgeniy P.

CHELYSHEV

Academician, Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Philology), Prof., Chairman, Scientific Council for the Study and Protection of Cultural and Natural Heritage, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Cavalier of the Order «For Merit to the Fatherland» 3rd and 4th Classes, Moscow, Russia

Anna I.

SHCHERBAKOVA

Dr. Sci. (Theory and History of Culture; Theory and Methods of Professional Education), Rector, Moscow State Institute of Music, Moscow, Russia

INTERNATIONAL MEMBERS

Rena

ABDULLAYEVA

Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Head, Department of Aesthetics and Information Culture, Institute of Architecture and Art, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Republic of Azerbaijan

Boris Sh.

CHOLARIYA

Director, National Library of the Republic of Abkhazia, Sukhumi, Republic of Abkhazia

Cecylia Malgorzata

DZIEWIECKA

PhD in Geography, Assoc. Prof., Lower Silesian Higher School of Public Services 'ASESOR', Wroclaw, Republic of Poland

Arkadiy I.

DZHOPUA

Cand. Sci. (Archeology), Director, Abkhazian State Museum, Sukhumi, Republic of Abkhazia

Kapil

KUMAR

Professor of History, Dean, Faculty of History, School of Social Sciences, Indira Gandhi National Open University (IGNOU); Director, Indira Gandhi Centre for Freedom Struggle Studies; Advisor, Indian Tourism and Hospitality Congress, New-Dehli, Republic of India

Christian John

MAKGALA

MPhil & PhD in History, Associate Professor in History, Faculty of Humanities, The History Department, University of Botswana, Gaborone, Republic of Botswana

Juan Carlos

PATIÑO

Dr. of Economics, Prof., Faculty of Political and Social Sciences, Autonomous University of Mexico State, Toluca, United Mexican States

Jandhyala

PRABHAKARA RAO

Dr., Professor of Linguistics, Coordinator, Centre for Study of Foreign Languages, School of Humanities, University of Hyderabad, Hyderabad, Republic of India

Ertegin

SALAMZADE

Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Director, Institute of Architecture and Arts, Azerbaijan National Academy of Sciences; Corresponding Member, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Republic of Azerbaijan

Vladimir K.

ZANTARIA

Dr. Sci. (Philology), Corresponding Member, Academy of Sciences of Abkhazia, Advisor, President of the Republic of Abkhazia Sukhumi, Republic of Abkhazia

СОДЕРЖАНИЕ

**СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
«СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ:
НАСЛЕДИЕ И ОБЩЕСТВО»
(РЕДАКТОР Н. А. КОСТИНА)**

Колонка главного редактора	13
СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ: НАСЛЕДИЕ И ОБЩЕСТВО	16
<i>А. М. Бугаев</i> История народов Северного Кавказа как составная часть их культурного наследия	16
<i>Е. Ф. Кринко</i> Роль национальных музеев Северного Кавказа в сохранении культурного наследия региона	23
<i>А. И. Джопуа, В. А. Ньюшков</i> Из истории археологических исследований на территории современной Абхазии	30
<i>А. Ю. Скаков</i> Перспективы сохранения историко-культурного наследия народов Северного Кавказа: вызовы и угрозы	36
АНТРОПОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ	45
<i>З. А. Кучукова</i> Эстетика «черного юмора» в романе Ремарка «На западном фронте без перемен»	45

<i>Л. Н. Рягузова</i>	
Мотив изгнания в творчестве В. Набокова.....	51
Владимир Набоков об изгнании, вымышленной реальности и жизни (из интервью Николасу Гарнхэму, октябрь 1968 г.).....	56
<i>А. А. Гуцалов</i>	
Становление художника. Переписка молодого Н. К. Рериха с В. В. Стасовым и Л. М. Антокольским.....	57
БИОГРАФИКА.....	71
<i>В. Х. Акаев</i>	
Искусство Махмуда Эсамбаева: путь от народной лезгинки до чародея танца.....	71
<i>А. И. Газдиев</i>	
Али Хашагульгов: судьба и творческое наследие	75
МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ, ДОКУМЕНТЫ.....	81
<i>Ф. П. Куценко</i>	
Фёдор Гладков: письма на Кубань.....	81
<i>А. Г. Коржевский</i>	
В стороне от черного квадрата	89
КНИЖНОЕ РЕВЮ: РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ	109
<i>А. Н. Еремеева</i>	
«Кузница кадров» российской военной элиты в условиях Первой мировой и Гражданской войн	109
<i>М. И. Серова</i>	
Свет древних куполов	113
<i>А. В. Крюков</i>	
«Достойны того, чтобы о них знали и помнили...»	117
Перечень статей и материалов, опубликованных в журнале «Наследие веков» за 2016 год	122

CONTENTS

THE SPECIAL THEME OF THE ISSUE:
**THE NORTH CAUCASUS:
HERITAGE AND SOCIETY**
(EDITOR - NATALYA A. KOSTINA)

Editorial	13
THE NORTH CAUCASUS: HERITAGE AND SOCIETY	16
<i>Abdula M. Bugaev</i> The History of the Peoples of North Caucasus As a Part of Their Cultural Heritage	16
<i>Evgeny F. Krinko</i> The Role of the North Caucasus National Museums in the Preservation of the Region's Cultural Heritage	23
<i>Arkady I. Dzhopua & Valentin A. Nuyshkov</i> From the History of Archaeological Research in the Territory of Modern Abkhazia.....	30
<i>Alexandr Yu. Skakov</i> Perspectives of the Preservation of the Historical and Cultural Heritage of the Peoples of the Northern Caucasus: Challenges and Threats	36
ANTHROPOLOGY OF CULTURE	45
<i>Zukhra A. Kuchukova</i> The Aesthetics of «Black Humor» in Remarque's Novel «All Quiet on the Western Front».....	45

<i>Lyudmila N. Ryaguzova</i>	
Motives of “Exile” in Vladimir V. Nabokov’s Publicism	51
Vladimir Nabokov on Exile, Fictional Reality and Life (from an Interview with Nicholas Garnham, October 1968).....	56
<i>Alexander A. Gutsalov</i>	
Formation of an Artist. Correspondence of Young Nicholas K. Roerich with Professor Vladimir V. Stasov and Leo M. Antokolsky	57
BIOGRAPHICA	71
<i>Vahit Kh. Akaev</i>	
The Art of Mahmud Esambayev: the Way from Folk Lezginka to a Dance Magician	71
<i>Ahmet I. Gazdiev</i>	
Ali Khashagulgov: Fate and Creative Heritage	75
MEMOIRS, DIARIES, DOCUMENTS	81
<i>Florina P. Kutsenko</i>	
Fyodor Gladkov: Letters to Kuban.....	81
<i>Alexander G. Korzhevsky</i>	
Aside from the Black Square (Memories of Artist Boris G. Korzhevsky)	89
BOOK REVIEWS: CRITIQUE AND SURVEYS	109
<i>Anna N. Eremeeva</i>	
“Source of manpower” of Russian Military Elite in the First World and Civil Wars	109
<i>Maya I. Serova</i>	
Light of Ancient Doms	113
<i>Anatoly V. Kryukov</i>	
«Worthy of Being Known and Remembered ...»	117
List of Articles and Materials Published in the Journal «Heritage of Centuries» during 2016.....	122

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА EDITORIAL

Дорогие друзья!

В этом и нескольких последующих номерах мы публикуем материалы международного научного форума «Культурное наследие Кавказа как ресурс межнационального согласия». Он проходил в начале октября в селе Кабардинка Краснодарского края и был уже вторым по счету. Таким образом, заложена добрая традиция неформальных академических встреч северокавказских ученых-гуманитариев и их коллег из сопредельных государств в гостеприимном уголке кубанского Причерноморья.

Уходящий 2016 год был для российской культуры непростым. Проблемы в экономике, сложная политическая ситуация в мире активно провоцировали кризис в интеллектуальном сообществе. Бурные профессиональные дискуссии нередко выплескивались на страницы газет и журналов, тем самым становясь фактом общественного сознания. О чем же конкретно спорили? Как всегда о вечном, но только с обязательной поправкой – о вечном в его сегодняшнем понимании и приближении и, прежде всего о том, во имя чего творит художник, в чем предназначение культуры и искусства, необходимы ли они сегодня и к кому адресуются. Отрадно отметить, что все больше наших деятелей культуры и искусства склоняются к мысли о главном предназначении художника быть будителем человечности в человеке. И примеров именно такой гуманистической позиции можно привести множество. Это происходит не по директивам, спущенным откуда-то сверху. Такова наша отечественная традиция, идущая от декабристов и Пушкина, от Достоевского, Чехова и Толстого, Солженицына и Распутина.

Я не случайно напоминаю эти святые для каждого россиянина имена. Сегодня роль русской классической литературы, русского языка в сбережении российской государственности, российской гражданской идентичности как никогда велика. Об этом совсем недавно говорил В. В. Путин, выступая на съезде Общества российской словесности. «Сбережение русского языка, литературы и культуры – это вопросы национальной безопасности, сохранения своей идентичности в глобальном мире», – сказал президент. Россия не раз переживала коренной перелом традиционных культурных устоев и всегда черпала силы в возвращении к своим духовным историческим ценностям», – напомнил глава государства.

Воспринимая слова президента как призыв к действию, мы впервые посвятили один из круглых столов нашего форума русской культуре как фактору межэтнического

взаимодействия на Северном Кавказе, отдав на нем приоритет вопросам изучения проблем этнокультуры, билингвизма, межкультурного взаимообогащения, благотворного влияния русской классической культуры, особенно литературы, на становление и развитие национальных культур всего северокавказского региона, ее роли как механизмов подключения региональных культур к общероссийской, европейской и мировой художественной традиции.

Конечно, нашего внимания и бережной заботы достойны и другие объекты материального и духовного наследия. Велика в этом деле роль современных музеев. Задача их сегодня существенно конкретизирована: не только хранить, но и активно использовать накопленные человечеством сокровища в деле воспитания подрастающего поколения и просвещения взрослых. Искусство и культура, как и в былые времена, активно пошли в массы, а народ пошел в музеи.

Вопросы активного формирования общегражданской, общероссийской идентичности находились в центре внимания участников дискуссии за вторым круглым столом. Тема его сформулирована следующим образом: «Сохранение и актуализация наследия народов Северного Кавказа в контексте этнокультурной политики». Эта формулировка объединила три основные сверхзадачи, которые взял на себя Южный филиал Института наследия в момент своего создания: беречь и приумножить культурные богатства региона, использовать их духовный и нравственный потенциал в деле образования и просветительства, всячески способствовать формированию, корректировке и продвижению этнокультурной политики государства на территории Юга России. В ходе дискуссии ее участники пришли к пониманию необходимости создания в ближайшем будущем единого центра этнокультурных исследований Северного Кавказа, осуществляющего разработку программ и методик сохранения культурного наследия и духовного потенциала для всего региона.

Этнокультурные проекты впервые были представлены на форуме в рамках специальной сессии «Популяризация культурного наследия как основа межэтнического диалога: опыт регионов Юга России». Состоялся обмен уже накопленным опытом тех, кто смог сделать первые успешные шаги в этом направлении, с теми, кто только начинает их делать.

Важным событием в контексте всего форума стала специальная сессия «Культурное наследие Северного Кавказа как фактор противостояния распространению экстремистских идеологий». Разумеется, мы не могли обойти эту тревожащую всех тему, потому что гнезда ползучего экстремизма вьются у самых южных границ Отечества, в самых проблемных, конфликтногенных зонах нашего региона.

Отдельно обсуждался вопрос о самоопределении молодого поколения, выборе им жизненных ориентиров, бережном отношении к своим истокам, осмыслении культуры и традиций народа, любви к Родине. С сожалением следует отметить, что в современной социальной практике встречаются явления, связанные с отторжением отечественной культуры и общественно-исторического опыта предшественников представителями подрастающего поколения. Эти тревожные симптомы убеждают в необходимости разработки концептуальных механизмов воспитания российской молодежи через традицию и наследие, которые должны стать эффективными инструментами формирования ее гражданской культуры.

Одной из форм культурного наследия, ориентированной на установление взаимопонимания между народами, являются традиционные народные промыслы. Их уникальное своеобразие и распространенность обусловили статус Северного Кавказа как важнейшего в России центра декоративно-прикладного искусства. Нынешнее состояние

народных промыслов как особого предмета национального престижа государства, вызывает тревогу. Здесь нужны незамедлительные скоординированные действия органов власти, художников, народных умельцев, бизнес сообщества, представителей гражданского общества. В этой связи актуализируется необходимость разработать при поддержке государства и общества программу возрождения народных художественных промыслов на Северном Кавказе. Такую программу предполагается разработать и представить на обсуждение научного сообщества уже на грядущем форуме, который пройдет в 2017 году.

Пользуясь возможностью, приглашаю принять в нем участие как наших всегдашних, так и новых докладчиков. Организационный комитет уже начал свою работу. Информация о мероприятии будет регулярно обновляться на сайте Южного филиала Института Наследия.

**С уважением,
Ирина Горлова**

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ: НАСЛЕДИЕ И ОБЩЕСТВО

БУГАЕВ Абдула Махмудович

кандидат исторических наук, заведующий отделом гуманитарных исследований Комплексного научно-исследовательского института имени Х. И. Ибрагимова РАН, доцент кафедры истории Чеченского государственного педагогического университета
Грозный, Россия

Abdula M. BUGAEV

Cand. Sci. (National History), Head, Department of Humanities Research, Complex Scientific Research Institute, RAS, Assoc. Prof., Department of History, Chechen State Pedagogical University
Grozny, Russia
yasma@bk.ru

История народов Северного Кавказа как составная часть их культурного наследия

История любого народа – это составная часть его культурного наследия. Её роль в формировании национального самосознания, бесспорно, велика. Северный Кавказ – уникальный полиэтнический и поликонфессиональный регион, народы которого принимали активное участие в формировании и укреплении российского многонационального государства. Этот процесс инкорпорации был сложным, противоречивым. Были войны, конфликты с тяжелыми последствиями. Но в конечном итоге возобладали мудрость. Горские народы в единой семье народов всей России достигли очевидных успехов в своем развитии. Этот богатый исторический опыт должен быть востребован как ценный ресурс межнационального согласия.

Ключевые слова: история, Северный Кавказ, многонациональное государство, культура, культурное наследие, историческое наследие, межнациональное согласие.

The History of the Peoples of North Caucasus As a Part of Their Cultural Heritage

The peoples' history is the part of their cultural heritage. Naturally, the history plays the great role in the modeling of national identity. The North Caucasus is a unique multi-ethnic and multi-religious region. Its peoples took part in the formation of the nation and consolidation of the Russian statehood. That incorporation process was complicated and controversial. Finally, the mountain peoples achieved considerable success in their development within the united community of Russian peoples. That vast historical experience should be demanded as a valuable resource of interethnic concord.

Keywords: history, North Caucasus, multinational state, culture, cultural heritage, legacy, interethnic concord.

Одним из наиболее важных факторов, способных цементировать многонациональное сообщество народов единого государства является общность исторической судьбы. Об этом свидетельствует история формирования российского многонационального государства, сложный процесс становления которого увенчался единством многообразия. Естественно, для достижения этого высочайшего уровня, требовалась прозорливая мудрость народов. Во-первых, для того, чтобы преодолеть барьеры, которые в силу совокупности причин порою возникали на этом тернистом пути, во-вторых, чтобы не затаить непреодолимую историческую обиду, имеющую свойство передаваться из поколения в поколение. Бесспорно, такая констатация не является, говоря словами Эрика Хобсбаума, «результатом сознательного ослепления» [17, с. 258] или иллюзорного представления о тех сложных противоречивых процессах, которые происходили на Северном Кавказе в период вовлечения его народов в орбиту российского государства. Да, были кровопролитные войны и сражения, периоды вражды и недоверия. Даже совсем недавно, в 90-е гг. XX в., на Северном Кавказе, в Чечне, грохотали пушки, гремели взрывы, гибли люди, в руины превращались города и сёла, уничтожались природные и рукотворные памятники культуры. Всё это тяжело ранило души и сердца людей: русских, чеченцев, ингушей, осетин, дагестанцев, да всех, кто независимо от своей национальной принадлежности жил и творил, уверовав, что межнациональные распри остались в далёком прошлом.

С чем связано появление (в разное время) этих «линий разломов»?

Вопрос – масштабный, требующий обзора и комплексного анализа широких временных рамок, большого круга проблем, аспектов и нюансов. Эти сложные вопросы являются объектом серьёзных исследований известных отечественных и зарубежных ученых (см.: [5] [8] [10] [15] [19]). Оценка их весомого вклада заслуживает отдельного осмысления. Однако, позволю себе процитировать монографию О. В. Матвеева, недавно изданную Краснодаре [9]. Автор пишет: «Пути «невольного сближения, завещанные М. Ю. Лермонтовым (я бы добавил – А. С. Пушкиным, Л. Н. Толстым и др. – А. Б.), вдохновляют современных кавка-

зоведов выбраться из тупика (катастрофы!) «Кавказской войны историографий», взглянуть на проблему сквозь межкультурные границы как на контактные пространства непростого, но компромиссного сосуществования и взаимоузнавания». По мнению исследователя, которое мы разделяем, такие «системно-интегративные подходы... позволяют уйти от крайностей, вдохновить на творческий поиск ответов на суровые вызовы времени, преодолеть межцивилизационные разломы, осознать старую как мир истину: постижение другого есть познание себя» [9, с. 4].

Действительно, «постижение другого есть познание себя»! Это, бесспорно, методологически верный путь, а не банальная метафора. Однако следует воспроизвести известную истину о том, что одним из наиболее верных средств «постижения другого» является культура народов.

Что такое культура? В данном случае такой постановкой вопроса автор не преследует цель спровоцировать проблемную дискуссию, ограничиваясь констатацией, что культура – зеркало человеческого бытия. Но при этом мы далеки от желания абсолютизировать панораму отражения реальности, понимая условность отдельных дефиниций. Мы пытаемся найти несложный инструмент для «реконструкции процесса образования смысла» и смысловых трансформаций.

Итак, культура охватывает практически все стороны жизнедеятельности человека, ещё шире – социума. Но известно, что время, а точнее – история, сохраняет и воспроизводит прошлое не всецело, а лишь наиболее жизнестойкое, востребованное для последующих этапов эволюции человеческого общества. В связи с этим нам представляется интересным и ёмким высказывание известного отечественного этнографа, автора очерков по этнологии Кавказа Г. Ф. Чурсина (1874–1930). Он писал: «Всякое приобретение культуры при первом своем появлении должно было производить глубокое впечатление на человека, особенно в эпохи дикого и варварского состояния. С каждым новым завоеванием в области культуры человек приобретал что-либо такое, что облегчало ему тягости повседневного существования. Естественно, что он смотрел на эти создания своего ума и трудовой энер-

гии с благоговейным преклонением, как на благодетельные существа или как на дивный дар небес. С постепенным увеличением населения наступает, однако, момент, когда существующие виды и системы хозяйственной деятельности, с их освященными древностью убогими орудиями, примитивными приемами техники и т. п., оказываются уже не в состоянии обеспечить размножившееся население необходимыми жизненными средствами. Тогда, под давлением экономической необходимости, человек делает новый шаг вперед по пути культурного развития – вносит в жизнь новое изобретение, переходит к новому виду хозяйственной деятельности и т. п. Старое, как отжившее, сходило с жизненной сцены, и на смену ему водворялось новое. Так совершался процесс культурного роста в реальной, практической жизни. Но вытесненная из практического обихода старина не исчезала бесследно. В глубине человеческого сознания оставался отголосок вековой привязанности к этому старому, сослужившему некогда великую службу. И в тяжкие минуты жизни, равно как и в особо торжественных случаях, человек чтит эту прародительскую старину благоговейным воспоминанием. Так в области культа, обрядов, суеверных обычаев слагаются многочисленные переживания, эти бледные памятники пройденных ступеней культуры. Изучение этих уцелевших обрывков старины развертывает перед нами любопытные картины культурного прошлого человечества» [20, с. 1–2].

Таким образом, нарисована достаточно ясная, диалектически цельная картина культурной эволюции социума, обозначены всеобъемлющие смысловые границы самой классической культуры как результата многосторонней человеческой деятельности, роль и функции культурного наследия – этого звена, связующего культуру исторического прошлого с культурой сегодняшнего.

Культурное наследие – это материальный и духовный мир прошедшего времени, сохранившийся в разных формах и предметах в различных сферах жизнедеятельности, в т. ч. и повседневной, для нынешних и грядущих поколений.

Таким образом, культура – это продукт эволюции человеческого общества, его исто-

рии с древнейших времён до наших дней. История аккумулирует культурное наследие в разрезах и масштабах: региональных и глобальных. По большому счёту, историческое наследие – это синтез культур во всем их многообразии.

На Кавказе, по данным, которые используются в академической среде, более 44 аборигенных народов, говорящих на кавказских языках, из них 33 – в Дагестане [1, с. 10]. Все они «исторически взаимосвязаны и взаимодействуют друг с другом». Но при этом сохраняют свою самобытность [1, с. 10]. Может быть, прозвучит пафосно, но факт остаётся фактом: несмотря на все попытки былых времён – царских и советских – кавказским народам удалось сохранить свою культуру, свои обычаи и традиции. А в нынешних условиях народы Северного Кавказа – составной части многонациональной России – имеют наиболее благоприятные условия не только для сохранения самобытности своих национальных культур, но и для их поступательного развития и обогащения новым содержанием.

Есть, конечно, определённые трудности и объективного, и субъективного свойства. Однако нет сомнений в том, что они будут преодолены.

Одним из самых выдающихся памятников мировой культуры является история человечества. Она многогранна и многофункциональна. В ней много связей, переплетений, противоречий, взаимоисключений. Историю не переделать, хотя известны попытки её переписать. И следует признать, что они таят в себе реальную угрозу общественного раскола с далеко идущими последствиями.

«Вся мировая история, отмечал академик РАН Ю. А. Поляков, полна драматических событий» [14, с. 209]. И при этом «в первых рядах регионов по насыщенности истории драматизмом» он выделял и Северный Кавказ.

Данный вывод выдающегося отечественного историка лаконично, но достаточно ёмко реконструирует диалектически-сложную картину всемирно-исторического процесса, и вполне обоснованно вписывает в этот контекст Северный Кавказ – регион, уникальный по богатству историко-культурных оттенков. На самом деле, богатая история народов, здесь издревле проживающих, «в концентрирован-

ном виде отразила сложность, противоречивость, трагические изломы мировой истории» [14, с. 209], в том числе и новейшей. Поэтому мы считаем, что эта парадигма вполне может рассматриваться как путеводная нить в сложном лабиринте современных проблем, в преодолении которых существенную роль могут сыграть известные уроки истории.

К настоящему времени в республиках Северного Кавказа накоплен богатый опыт по изучению истории горских народов. Расширилась источниковедческая база этих исследований, более содержательными стали выводы и обобщения, в результате чего новый уровень обрело концептуальное осмысление сложных проблем, неоднозначных и противоречивых процессов, фактов, в том числе и так называемых пятен – черных и белых.

Практически каждая северокавказская республика уже имеет свою писаную национальную историю. Например, учеными Чеченской Республики в начале нулевых была подготовлена и издана двухтомная История Чечни с древнейших времён до наших дней [7]. В настоящее время готовится четырёхтомная история Чечни. Уже вышли в свет второй и третий тома этого академического издания.

Еще в конце 70-х – начале 80-х гг. в высших эшелонах власти было признано целесообразным, прежде всего с точки зрения политико-идеологических оценок, вместо так называемых национальных историй, акценты переместить в область исследования истории целых многонациональных регионов, народы которых были тесно связаны узами общности исторической судьбы. В связи с этим известный политолог-кавказовед профессор В. В. Черноус отмечал, что было осознана «необходимость дополнить унифицированную историю СССР историей её макрорегионов», что давало возможность «показать страну не только в единстве, но и в многообразии». При этом не в качестве формальной ремарки, а в целях объективной иллюстрации доминировавших в то время идеологических концептов (детерминантов) того времени, исследователь детализировал: «Но не локально, как историю отдельных народов, республик и областей, а как крупных культурно-исторических областей...» [18, с. 172].

Огромная заслуга в обосновании значения академического обобщения многовекового регионального исторического опыта принадлежала члену-корреспонденту АН СССР Юрию Андреевичу Жданову. Именно он явился инициатором такого изучения. При его активном участии началась работа по таким научным проектам, как «История литератур народов Северного Кавказа», «История журналистики Северного Кавказа», «История гражданской войны и иностранной интервенции на Северном Кавказе» и др. Таким образом, была поставлена задача изучить и обобщить исторические и культурные процессы, происходившие в пределах региона, в едином хронологическом и территориальном контексте. Логически замыкающим звеном этого фундаментального проекта планировалась «История народов Северного Кавказа» [2, с. 24–26]. При этом предусматривалось, что эта серия, как и другие региональные, будет четырёхтомной. Её ответственным редактором был утверждён академик А. Л. Нарочницкий, в то время являвшийся директором Института истории СССР АН СССР. В качестве авторов соответствующих томов и разделов были привлечены известные ученые, представлявшие не только центральные (всесоюзные) научные учреждения, но и местные – северокавказские. В их числе были академики Ю. В. Бромлей, М. П. Ким, И. И. Минц, В. Б. Пиотровский, Б. А. Рыбаков, члены-корреспонденты АН СССР Ю. А. Жданов, А. П. Новосельцев, Ю. А. Поляков, профессора Е. И. Кушева, В. П. Шерстобитов, Н. Ф. Бугай, Г. Е. Трапезников, а также известные ученые из республик Северного Кавказа В. Г. Гаджиев, Г. Г. Гамзатов, А. И. Османов, Р. М. Мунчаев, Р. М. Магомедов, Ж. Ж. Гакаев, А. И. Козлов, Ю. И. Серый, Ф. А. Напсо, А. Г. Кучиев, Б. А. Калоев, А. П. Пронштейн, Ф. И. Хутуев, В. К. Гарданов, Т. Х. Кумыков, М. М. Блиев, М. С. Тотоев, Н. П. Гриценко, Л. Н. Колосов, К. И. Ефанов, В. Б. Виноградов, В. П. Крикунов, Г. Х. Мамбетов, Х. Х. Рамазанов, А. Х. Хасбулатов, И. Р. Лоов, Х. А. акаев, З. А-Г. Гойгова и многие другие. Всего – более 200 ведущих кавказоведов [18, с. 177].

В процессе этой масштабной работы в Ростове-на-Дону, Нальчике, Грозном, Махачкале и других научных центрах проводились совещания, всесоюзные конференции по раз-

личным проблемам истории, источниковедения и историографии. За период подготовки «Истории народов Северного Кавказа» Ростов-на-Дону превратился в интеллектуальную столицу Юга России, Грозный – в центр исследования историографической тематики и проблем педагогики высшей школы. Непосредственными кураторами этих направлений являлись ныне покойные профессора В. П. Крикунов и В. А. Кан-Калик.

В 1988 г. в издательстве «Наука» вышли два тома. Авторы первого тома впервые в советской исторической науке предприняли попытку обобщить историю северокавказских народов с древнейших времен до конца XVIII в. На основе достаточно широкой для того времени источниковой базы, включавшей многоязычные письменные источники и богатый археологический материал, ученые предприняли попытку воссоздать (в рамках официального дискурса) панорамную картину сложнейших и противоречивых событий истории народов Северного Кавказа. Учёным удалось обозначить контуры основных тенденций их социально-экономического, политического и культурного развития. Важное место в книге было уделено вопросам процесса сближения горских народов с русским народом, формированию их государственного единства.

Второй том в хронологическом плане охватывал период с конца XVIII в. и до кануна октябрьского большевистского переворота.

В силу известных катаклизмов в общественном и государственном устройстве Советского Союза, которые произошли на рубеже 80-х – 90-х гг., третий и четвертый тома, посвященные истории региона периода советской эпохи, практически завершённые, не были востребованы ни государством, ни научным сообществом. Поэтому они и не изданы.

В процессе всей этой масштабной по объёму и многогранной по концептуальным направлениям работы возникали трудности, обусловленные различными причинами. Отдельные исследователи отмечают, что «сама история подготовки издания, длившаяся более десяти лет, не обошлась без внутренних интриг, коллизий, борьбы амбиций» [6, с. 36]. Эти перипетии нашли отражение в публикациях отечественных исследователей (см.: [3] [4] [11] [12]).

Однако следует отметить, что, несмотря на сложность порою возникавших концептуальных, источниковедческих и историографических проблем, схематизм и поверхностность отдельных авторских выводов и обобщений, конъюнктурность отдельно взятых оценок, в целом подготовка «Истории народов Северного Кавказа» положила начало качественно новому направлению в отечественной исторической науке – историческому регионоведению.

Однако проблемы Северного Кавказа, как отмечал академик Ю. А. Поляков, «с какой стороны не подойди, имеют значение не только региональное, но и глобальное» [14, с. 208].

Сегодня учеными-историками Северного Кавказа, как уже было отмечено, достаточно успешно осуществляется научно-исследовательская работа по изучению и новому осмыслению различных исторических проблем.

Удивление, мягко говоря, вызывают некоторые опасения, высказываемые отдельными авторами в связи с активизацией научно-исследовательской работы в национальных республиках Российской Федерации. Это вполне закономерное явление склонны рассматривать (беспочвенно) как «...тревожную тенденцию затухания русского кавказоведения... и передачу кавказоведческих исследований почти исключительно в руки национальных ученых». При этом с сожалением делается (с нашей точки зрения, далеко идущий) вывод о том, что «это предупреждение не было вовремя осознано, что сказалось на принятии политических решений по проблемам Кавказа в 90-е гг. прошлого века» [2, с. 25].

Однако никакой явно ощутимой (причинно-следственной) связи в этих процессах обнаружит сложно. Другое дело, что в то время в национальных республиках, как повсюду в стране в целом, отдельные псевдо-ученые целенаправленно тиражировали свои околонаучные новации. И к сожалению, это же самое продолжается и в наше время, и не только в национальных республиках. Рубеж 80-х-90-х гг. – время сложных решений и трудного выбора. Перед каждым народом в момент разгула центробежных сил, т. н. парада суверенитетов, паралича верховной власти как в центре, так и на местах, встала дилемма выбора пути дальнейшего развития. Как отмечал академик

Ю. А. Поляков, возникли очаги межнациональных конфликтов, «ослабли, а то и вовсе исчезли контакты между деятелями науки, искусства...» [14, с. 212]. И поэтому главную задачу историков этот мудрый человек, талантливый ученый, истинный друг народов Северного Кавказа, в декабре 2012 г. ушедший из жизни в возрасте 91 года, видел в том, чтобы «способствовать уничтожению вражды между людьми, показывая примеры благородства, чести, человеколюбия, показывая, к каким тяжким последствиям приводит амбициозность, этническая ненависть...» [14, с. 213].

Говоря о Северном Кавказе, он не устал повторять: «О Северном Кавказе написано много, но я убежден, что роль Северного Кавказа в истории России явно недооценивалась. Надо четко, твердо, ясно писать, говорить, что

Северный Кавказ – один из столпов Российской Федерации. Невозможно представить Россию без Северного Кавказа и Северный Кавказ вне России. Национальное многоцветие этих территорий накрепко увязано с российским стержнем» [14, с. 210–211].

Фундаментальный труд «История народов Северного Кавказа» призван был внести весомый вклад в укрепление братских уз не только в региональном, но и во всесоюзном масштабе. Сегодня эта задача, бесспорно, не менее, если не более, актуальна и важна. Исходя из этого, а также других факторов, мы убеждены в необходимости нового, более фундаментального труда по истории народов нашего северокавказского региона. При этом важно помнить, что «...история учит не через аксиомы, а через аналогии» [16, с. 17].

Использованная литература:

1. Абдулатипов Р. Г. Российский Кавказ: связь времён // Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения / под общ. ред. Р. Г. Абдулатипова, А.-Н. З. Дибирова. М.: Аспект Пресс, 2015.
2. Волков Ю. Г. Интеллектуальный круг Ю. А. Жданова // В кругу Юрия Андреевича Жданова: учителя, сподвижники, ученики: сб. ст. / отв. редактор Ю. Г. Волков. М.; Ростов н/Д.: Социально-гуманитарные знания, 2012. С. 24–26.
3. Виноградов В. Б. Академик Алексей Леонтьевич Нарочницкий. М.; Армавир: б/и, 2007.
4. Гаджиев В. Г. Мастера отечественного кавказоведения. Махачкала: б/и, 2005.
5. Дагестан в российском историческом процессе: мат-лы междунар. научн. конф., посвящ. Году российской истории (16 ноября 2012 г., г. Махачкала) / отв. ред. Э. М. Далгат; сост. О. Б. Халидова. Махачкала: АЛЕФ, 2013.
6. Дегоев В. В. Кавказская война XIX века и идеологические конъюнктуры советского и постсоветского времени // Россия XXI. 1997. № 11–12. С. 34–63.
7. История Чечни с древнейших времен до наших дней: в 2-х т. / отв. ред. М. М. Ибрагимов. Грозный: Кн. изд-во. Т. I: История Чечни с древнейших времен до конца XIX в., 2006; Т. II: История Чечни XX и начала XXI вв., 2008.
8. Культура Чечни: история и современные проблемы / отв. ред. Х. В. Туркаев. М.: Наука, 2006.
9. Матвеев О. В. Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. Краснодар: Эдви, 2015.
10. Материалы Второго международного форума историков-кавказоведов (15–16 октября 2014 г., г. Ростов-на-Дону) / отв. ред. В. В. Черноус. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2014.
11. Мясников В. С., Нарочницкая Е. А., Нарочницкая Н. А., Светачев М. С. Алексей Леонтьевич Нарочницкий // Актуальные и дискуссионные проблемы истории

References:

1. Abdulatipov, R. G., Rossiyskiy Kavkaz: svyaz' vremen (Russian Caucasus: the Connection of Times), in *Rossiyskiy Kavkaz: problemy, poiski, resheniya*, Abdulatipov, R. G., Dibirov, A.-N. Z., Eds., Moscow: Aspekt Press, 2015.
2. Volkov, Yu. G., Intellektual'nyy krug Yu. A. Zhdanova (The Intellectual Circle of Yury A. Zhdanov), *V krugu Yuriya Andreevicha Zhdanova: uchitelya, spodvizhniki, ucheniki: Sel. Papers*, Volkov, Yu. G., Ed., Moscow; Rostov-on-Don: Sotsial'no-gumanitarnye znaniya, 2012, pp. 24-26.
3. Vinogradov, V. B., *Akademik Aleksey Leont'evich Narochnitskiy* (Academician Alexei L. Narochnitskiy), Moscow; Armavir: no publ., 2007.
4. Gadzhiev, V. G., *Mastera otechestvennogo kavkazovedeniya* (Masters of the Russian Caucasology), Makhachkala: no publ., 2005.
5. *Dahestan v rossiyskom istoricheskom protsesse* (Dagestan in the Russian Historical Process): *Proc. Int. Sci. Conf. Devoted to the Year of the Russian History (November 16, 2012, Makhachkala)*, Dalgat, E. M., Ed., Khalidova, O. B., Comp., Makhachkala: ALEF, 2013.
6. Degoev, V. V., *Kavkazskaya voyna XIX veka i ideologicheskie kon'yunktury sovetskogo i postsovetskogo vremeni* (The Caucasian War of the 19th Century and the Ideological Conjunctions of the Soviet and Post-Soviet Period), *Rossiya XXI*, 1997, no. 11-12, pp. 34-63.
7. *Istoriya Chechni s drevneyshikh vremen do nashikh dnei* (History of Chechnya from the Ancient Times to Our Days): in 2 vols., Ibragimov, M. M., Ed., Groznyy: Knizhnoe izdatel'stvo, vol. 1: *Istoriya Chechni s drevneyshikh vremen do kontsa XIX veka* (The History of Chechnya from the Ancient Times to the End of the 19th Century), 2006; vol. 2: *Istoriya Chechni XX i nachala XXI vekov* (The History of Chechnya of the 20th and the Early 21st Centuries), 2008.
8. *Kul'tura Chechni: istoriya i sovremennyye problem* (Culture of Chechnya: History and Contemporary Problems), Turkaev, Kh. V., Moscow: Nauka, 2006.
9. Matveev, O. V., *Kavkazskaya voyna: ot fronta k*

Северного Кавказа. Южнороссийское обозрение. Вып. 45. / отв. ред. В. В. Черноус. Ростов н/Д.: Северо-Кавказский науч. центр высш. школы Южного фед. ун-та, 2007.

12. Патракова В. Ф., Черноус В. В. Ю. А. Жданов и развитие исторической науки в Ростовском госуниверситете // Научная мысль Кавказа. 2010. ? 1. С. 10–17.

14. Поляков Ю. А. Историческая наука: люди и проблемы: в 3-х кн. М.: РОССПЭН, 2004. Кн. 2.

15. Россия и Кавказ: история и современность: сб. мат-лов Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 1150-летию зарождения рос. государственности (19–20 июня 2012 г., г. Грозный) / отв. ред. С. С. Магамадов. Махачкала: АЛЕФ, 2013.

16. Старков Б. А. Мифы «Большого дома» и Лубянки // Исторические чтения на Лубянке: 1997–2008. М.: Кучково поле, 2008.

17. Хобсбаум Э. Дж. Нации и национализм после 1780 г. СПб.: Алетейя, 1998.

18. Черноус В. В. На пути к историческому регионоведению (А. Л. Нарочницкий и Ю. А. Жданов) // В кругу Юрия Андреевича Жданова: учителя, сподвижники, ученики: сб. ст. / отв. редактор Ю. Г. Волков. М.; Ростов н/Д.: Социально-гуманитарные знания, 2012. С. 177–182.

19. Чеченцы в сообществе народов России: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 420-летию установления добрососедских отношений между народами России и Чечни (18–20 декабря 2008 г., г. Грозный): в 2-х т. / отв. ред. С. С. Магамадов. Назрань: Пилигрим, 2008.

20. Чурсин Г. Ф. Очерки по этнологии Кавказа. М.: ЛИБРОКОМ, 2012.

frontiru. Istoriko-antropologicheskie ocherki (The Caucasian War: from the Front to the Frontier. Historical and Anthropological Essays), Krasnodar: Edvi, 2015.

10. *Materialy Vtorogo mezhdunarodnogo foruma istorikov-kavkazovedov* (Proceedings of the Second International Forum of the Caucasian Historians) (October 15-16, 2014, Rostov-on-Don), Chernous, V. V., Ed., Rostov-on-Don: Fond nauki i obrazovaniya, 2014.

11. Myasnikov, V. S., Narochnitskaya, E. A., Narochnitskaya, N. A. and Svetachev, M. S., Aleksey Leont'evich Narochnitskiy (Alexei L. Narochnitsky), in *Aktual'nye i diskussionnye problemy istorii Severnogo Kavkaza. Yuzhnorossiyskoe obozrenie*, vol. 45., Chernous, V. V., Ed., Rostov-on-Don: Severo-Kavkazskiy nauchnyy tsentr vysshey shkoly Yuzhnogo federal'nogo universiteta, 2007.

12. Patrakova, V. F. and Chernous, V. V., Yu. A. Zhdanov i razvitie istoricheskoy nauki v Rostovskom gosuniversitete (Yury A. Zhdanov and the Development of Historical Science in the Rostov State University), *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, 2010, no. 1, pp. 10-17.

14. Polyakov, Yu. A., *Istoricheskaya nauka: lyudi i problemy* (Historical Science: People and Issues), in 3 vols., Moscow: ROSSPEN, 2004, vol. 2.

15. *Rossiya i Kavkaz: istoriya i sovremennost'* (Russia and the Caucasus: History and Modernity): *Proc. All-Russian Sci.-Pract. Conf., Devoted to the 1150th Anniversary of the Birth of the Russian Statehood (June 19-20, 2012, Groznyy)*, Magamadov, S. S., Ed., Makhachkala: ALEF, 2013.

16. Starkov, B. A., Mify «Bol'shogo doma» i Lubyanki (Myths of the "Big House" and the Lubyanka), in *Istoricheskie chteniya na Lubyanke: 1997–2008*, Moscow: Kuchkovo pole, 2008.

17. Hobsbawm, E. J., *Natsii i natsionalizm posle 1780 goda* (Nations and Nationalism since 1780), Saint Petersburg: Aleteyya, 1998.

18. Chernous, V. V., Na puti k istoricheskomu regionovedeniyu (A. L. Narochnitskiy i Yu. A. Zhdanov) (On the Way to the Historical Regional Studies (Alexei L. Narochnitsky and Yury A. Zhdanov)), in *V krugu Yuriya Andreevicha Zhdanova: uchitelya, spodvizhniki, ucheniki: Sel. Papers*, Volkov, Yu. G., Ed., Moscow; Rostov-on-Don: Sotsial'no-gumanitarnye znaniya, 2012, pp. 177-182.

19. *Chechentsy v soobshchestve narodov Rossii* (Chechens in the Community of the Peoples of Russia): *Proc. All-Russian Sci. Pract. Conf. Devoted to the 420th Anniversary of the Establishment of the Good-Neighborly Relations between the Peoples of Russia and Chechnya (December 18-20, 2008, Grozny)*: in 2 vols., Magamadov, S. S., Ed., Nazran: Piligrim, 2008.

20. Chursin, G. F., *Ocherki po etnologii Kavkaza* (Essays on the Ethnology of the Caucasus), Moscow: LIBROKOM, 2012.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Бугаев, А. М. История народов Северного Кавказа как составная часть их культурного наследия [Электронный ресурс] / А. М. Бугаев // *Наследие веков*. – 2016. – № 4. – С. 16–22. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/12/2016_4_Bugaev.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Bugaev, A. M., *Istoriya narodov Severnogo Kavkaza kak sostavnaya chast' ikh kul'turnogo naslediya* (The History of the Peoples of North Caucasus As a Part of Their Cultural Heritage), *Nasledie Vekov*, 2016, no. 4, pp. 16–22. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/12/2016_4_Bugaev.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

КРИНКО Евгений Федорович
доктор исторических наук,
директор Института социально-экономических
и гуманитарных исследований
Южного научного центра РАН
Ростов-на-Дону, Россия
Evgeny F. KRINKO
Dr. Sci. (National History), Director,
Institute of Social-Economic and Humanities Research,
Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences
Rostov-on-Don, Russia
krinko@ssc-ras.ru

Роль национальных музеев Северного Кавказа в сохранении культурного наследия региона¹

The Role of the North Caucasus National Museums in the Preservation of the Region's Cultural Heritage

Национальные музеи республик Северного Кавказа играют важную роль в сохранении, изучении и репрезентации историко-культурного наследия региона. Материальность и аутентичность – качества, присущие музейным артефактам – придают особую достоверность концепциям, которые закладываются в экспозиции и выставки. В результате музеи превращаются не только в объекты, но и в средства осуществления исторической и культурной политики.

Ключевые слова: национальный музей, историческая политика, культурное наследие, Северный Кавказ, музейная экспозиция, музейный фонд, экспонат.

The National Museums of the North Caucasus republics play a significant role in the preservation, study and representation of the regional historical and cultural heritage. The materiality and authenticity, the qualities of museum artifacts, give a special credibility to the concepts which are put on the basis of the exposition. As a result, museums are transforming not only into the objects but also to the means of carrying out the historical and cultural policy.

Keywords: national museum, historical policy, cultural heritage, North Caucasus, museum exhibition, museum fund, museum piece.

В силу самого своего предназначения музеи призваны собирать, сохранять, изучать и экспонировать природные и историко-культурные объекты, обладающие ценностью в глазах общества и наделяемые определенными смыслами. При комплектовании музейных фондов, а затем подготовке выставок и экспозиций всегда возникает проблема выбора: далеко не все объекты природного и культур-

ного наследия превращаются в экспонаты, а выставляется для публичного обозрения в лучшем случае одна десятая от содержимого музейных фондов. Этот выбор определяется обстоятельствами различного характера – не только личными и профессиональными качествами самих музейных работников и имеющимися у них возможностями, но и определенным социальным и политическим заказом. В результате музей, особенно историко-культурной направленности, представляющий собой, казалось бы, учреждение, обращенное к

¹ Статья подготовлена в рамках темы НИР базового бюджетного финансирования № 0260-2014-0006 «Историко-культурное наследие народов Юга России в условиях модернизации».

прошлому, мало связанному с современными событиями, превращается не только в объект, но и в средство осуществления исторической и культурной политики [9].

В начале 1990-х гг. бывшие автономные области и республики Северного Кавказа стали полноправными республиками в составе Российской Федерации. Стремление к суверенизации, нашедшее отражение в принятых конституционных актах новых республик, нашло свое отражение и в музейной сфере. В большинстве республик Северного Кавказа – в Республике Адыгее, Кабардино-Балкарской Республике, Республике Северной Осетии-Алании и Чеченской Республике – прежние краеведческие музеи были преобразованы в национальные музеи. Для самих музейных учреждений это означало не простую замену вывесок, но и возложение на них прямых обязанностей по сохранению, изучению и экспонированию историко-культурного наследия республик, в первую очередь, истории и культуры государствообразующих («титულных») этносов. Соответствующие положения о приоритетности указанной тематики внесены в уставы национальных музеев. Подобные обязанности возложены и на главные музейные учреждения Карачаево-Черкесской Республики и Республики Ингушетия, хотя они и не носят официально названия национальных музеев. А успешное развитие музейного дела в Республике Дагестан прямо связывается с преобразованием Дагестанского государственного объединенного исторического и архитектурного музея (далее - ДГОИиАМ) в Национальный музей Дагестана [8]. Повышение статуса сопровождалось соответствующими изменениями в штатах, порядке функционирования и финансирования музеев, работающих сегодня по республиканским государственным программам.

Руководители ведущих музеев республик Северного Кавказа они подчеркивали необходимость учитывать культурные потребности представителей не только государствообразующих, но и других этносов, населяющих республики. Так, по словам генерального директора Национального музея Республики Северная Осетия-Алания (далее – НМРСО-А) Л. Х. Сохиевой, одной из задач возглавляемого ей учреждения является «сохранение культурного наследия осетинского народа. Хотя, в общем-то, республика многонациональная, и наши фонды, которые составляют порядка 270 тыс. единиц хранения, аккумулируют [наследие] представителей всех народов, которые населяют нашу республику <...>, поскольку даже исторически так сложилось, что Владикавказ – город многонациональный и многоконфессиональный, а посему отделять не приходится. Тем самым, тогда мы не раскрываем сущность ни города, ни республики, и поэтому такого четкого разграничения нет» [4].

Заместитель директора по научной работе Государственного Карачаево-Черкесского историко-культурного и природного музея-заповедника (далее – ГКЧИКиПМЗ) Т. У. Байрамукова также утверждает: «...мы показываем все народы, которые проживают здесь у нас <...> Этот вопрос для музея один из главных» [2]. Стремление подчеркивать существование пяти равноправных «титулных» этносов проходит «красной нитью» по всем направлениям музейной деятельности в Карачаево-Черкесской Республике.

Однако выполнять указанные задачи не всегда удается, в том числе и по причинам отсутствия необходимых экспонатов, так как «не по всем народам, проживающим здесь, у нас есть полновесные коллекции. Что-то утеряно, что-то восполняется» [2]. Особые трудности существуют с показом истории и культуры представителей «нетитулных» этносов. Директор Национального музея Республики Адыгея (далее – НМРА) Ф. К. Джигунова признает, что материалов, рассказывающих об адыгах в его фондах «значительно больше, естественно. Мы изначально так формировались, когда еще музей был в Краснодаре, при первом директоре, цель была – собрать именно адыгский материал». Позже в музейные фонды стали откладываться и материалы о представителях других этносов, но их значительно меньше. Поэтому расширяется сотрудничество музеев с национально-культурными организациями. В частности, с их участием в НМРА проведен ряд выставок по теме «Адыгея – наш общий дом» [3]. В НМРСО-А реализован специальный выставочный проект о различных народах, проживающих в республике. По словам Л. Х. Сохиевой, «мы пошли именно путем показа многонациональности республики,

и мы сделали такой совместный проект с различными диаспорами Осетии <...>. У них нет фондов, как таковых, это же не музей <...>. И диаспора каждая, что могла, показала, кто-то из своих коллекций – семейных, частных и т.д. Они принесли там какие-то очень интересные предметы, рассказывающие о культуре, о быте, о каких-то религиозных своих воззрениях, вот этот материал был представлен» [4].

Расширение интереса к этнической тематике существенно отличает работу музеев в современных условиях от советской эпохи, когда, по воспоминаниям самих музейных сотрудников, «мы подходили к этому как бы усреднено, не выпячивая». В прежних экспозициях были лишь фрагментарно представлены отдельные особенности материальной и духовной культуры этносов: «Мы показываем, допустим, шерстяное производство. У одного народа, у абазин, допустим, больше развито плетение циновок – мы их показываем через абазин, там у кого-то еще что-то. Т.е., показываем наиболее характерное для каждого народа в экспозиции. Теперь вот, наверное, думаем, что мы будем показывать уже по каждому народу. Его костюм мы должны будем восстановить, даже если у нас не хватает [материалов]. Будут отдельные [экспозиции]». Происшедшие изменения объясняются возросшим национальным самосознанием, порождающим стремление людей узнать как можно больше о своем этносе и его культуре: «Потому что все, кто приходят, вот, дети приходят и говорят: “А вот что здесь про абазин? Вот здесь вот про этих есть, а вот эти, почему их у вас нет?”» [2]. Музей и его экспозиции становятся инструментами конструирования национальной и этнической идентичности для посетителей – как жителей республик и представителей определенных этносов. Указанные тенденции приобретают особое значение с учетом того, что главной целевой аудиторией музеев остаются молодежь, дети и подростки. В ряде республик Северного Кавказа приняты специальные решения о посещении учащимися музеев – на обязательной или добровольной основе.

Руководители музеев Северного Кавказа говорят о необходимости показывать позитивные аспекты взаимоотношений между

народами, «надо находить мир все-таки, а как же. От этого кто выиграет? Никто не выиграет. А в таких многонациональных регионах вообще нельзя эти искры пускать, потому, что это религиозная рознь, национальная – все. И даже потом забудут, из-за чего это все началось, а это останется». Отмечается также стремление уйти от спорных положений при формировании экспозиций: «Музей – это не та сфера, где должны быть какие-то баталии. Мы таких фактов просто избегаем или говорим, что существует и такое, и такое мнение» [2].

Однако полностью избежать дискуссий, например, об этнической принадлежности той или иной группы артефактов все-таки не удастся. Пожалуй, самым ярким их примером являются споры об «аланском наследии», на которое претендуют одновременно осетины, карачаевцы и балкарцы [10]. Политико-правовым способом решения данного исторического вопроса в Северной Осетии стало официальное закрепление соответствующего термина (Алания) в самом названии республики. Еще до этого в ее государственной символике стали использоваться аланские изображения (барс на фоне гор). В свою очередь, герб Кабардино-Балкарии украсил хеттский орел.

В то же время в трактовке многих вопросов ощутимо влияние сложившихся еще в советское время подходов. Так, в постоянной экспозиции Национального музея Кабардино-Балкарской Республики (далее – НКБР) при характеристике присоединения Кабарды и Балкарии к России рассказывается о взаимоотношениях кабардинских князей с Иваном Грозным в середине XVI в. Немало места занимают материалы о культуре и искусстве кабардинцев и балкарцев в XVIII–XIX вв. – предметы национальной одежды, ювелирные изделия, предметы из дерева и металла, войлочные ковры. Особое значение уделено участию в Великой Отечественной войне жителей Кабардино-Балкарии. Специальные комплексы посвящены наиболее известным уроженцам региона – адмиралу А.Г. Головкину, в годы Великой Отечественной войны командовавшему Северным флотом, а затем занимавшему должность заместителя главнокомандующего ВМФ СССР, Герою Советского Союза летчику А.-Х.Т. Канкошеву.

Уважительное отношение к советскому прошлому, стремление сохранить и представить посетителям свидетельства боевых и трудовых достижений жителей региона в советское время, характеризует и деятельность других национальных музеев Северного Кавказа. Тем не менее, постепенно находят свое отражение в экспозициях и новые сюжеты. Наряду со сведениями о революции, Гражданской и Великой Отечественной войнах, восстановлении и развитии народного хозяйства, подъеме культуры все чаще приводятся материалы о массовых политических репрессиях, депортации карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей, хотя в музеях сохранилось о них не так много соответствующих артефактов.

Для НМРА приобретение нового статуса в 1993 г. сопровождалось переездом в специально построенное здание. Но только в 2001 г. в нем была открыта первая этнографическая экспозиция «Культура и быт адыгов в конце XVIII – начале XIX вв.». В мае 2005 г. создана стационарная экспозиция «Адыгея в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». В 2006 г. добавилась археологическая экспозиция, посвященная эпохе бронзы на территории Адыгеи. В настоящее время фонды НМРА насчитывают более 290 тыс. экспонатов, относящихся к коллекциям археологии, естественной истории, изделий традиционного декоративно-прикладного искусства, музыкальных инструментов, фарфора, изделий из драгоценных металлов, монет и других предметов [5].

Большинству музеев региона в 1990–2000-е гг. приходилось решать проблемы выживания, а недостаток финансирования оставался одной из самых серьезных трудностей их развития. В 1991 г. в связи с аварией отопительной системы закрылось на ремонт основное здание НМРСО-А, построенный еще в начале XX в. Хотя филиалы и отделы музея продолжают свою работу, затянувшийся почти на четверть века ремонт основного здания имеет негативные последствия, в республике *«выросло не одно поколение без музея <...> А где можно с артефактами, вот так вот тесно пообщаться, со своими корнями, если не в музее? <...> А музей все-таки давал возможность с этим непосредственно общаться, знакомиться через конкретные артефакты, где есть вот такая возможность общаться*

с реальной историей» [4]. В последние годы строительство нового корпуса музея ускорило, но, как минимум, продлится еще несколько лет. В течение длительного времени продолжается ремонт и краеведческого музея – головного учреждения ГКЧИКиПМЗ, насчитывающего более 80 тыс. единиц хранения. Несмотря на переезд в новое здание, затянулась реконструкция ДГОИиАМ, насчитывающего 164 тыс. единиц хранения, но не имеющего постоянной стационарной экспозиции [8]. Ухудшились возможности пополнения музейных фондов.

Трагично сложилась судьба музейных учреждений бывшей Чечено-Ингушской АССР. К 1994 г. фонды Чеченского государственного объединенного музея с входившими в него филиалами насчитывали около 230 тыс. единиц хранения. В ходе боевых действий на территории республики в 1994–1996 гг. музей практически потерял свою материально-техническую базу, лишившись до 90 % своих фондов. Полностью уничтожен его филиал – историко-мемориальный музей А. Шарипова в селе Шатой. Утрачены картины Ф. Рубо, В. Тропинина, П. Верещагина, И. Айвазовского, И. Репина, П. Захарова, вся этнографическая коллекция, включая 68 чеченских истангов – традиционных войлочных ковров, украшенных национальным орнаментом, коллекция холодного и огнестрельного оружия XVII–XIX вв., печать и шашка Шамиля, а также инвентарные книги с данными о музейных фондах, отчеты археологических экспедиций и другая документация. В последние годы руководством республики оказывается значительная поддержка восстановлению работы Национального музея Чеченской Республики (далее – НМЧР). В новом здании открылась этнографическая экспозиция, выставка произведений профессиональных художников Чеченской Республики. В настоящее время музей насчитывает в своих фондах более 30 тыс. единиц хранения [7].

Непросто происходит и становление музейных учреждений Республики Ингушетия. Еще осенью 1973 г. Т. Х. Мальсагов создал народный музей на основе собранных им лично материалов об ингушах-участниках Великой Отечественной войны. В 1978 г. он был преобразован в Назрановский музей боевой и трудо-

вой славы в качестве филиала Чечено-Ингушского краеведческого музея. Сама тематика музея и собранные материалы воспринимались как общественно значимые, чрезвычайно важные для ингушского национального самосознания, но недостаточно представленные в других музейных учреждениях республики. Создание Назрановского музея рассматривалось как восстановление исторической справедливости по отношению к ингушам, как репрессированному народу, чьи боевые подвиги незаслуженно замалчивались. В августе 1990 г. музею было присвоено имя его основателя, за 7 лет до этого ушедшего из жизни. После образования Республики Ингушетия в апреле 1993 г. Назрановский музей боевой и трудовой славы был преобразован в Ингушский государственный музей краеведения им. Т. Х. Мальсагова, насчитывающий до 15 тыс. единиц хранения.

В последние два с лишним десятилетия деятельность музеев Северного Кавказа стала активно использоваться в создании позитивного имиджа данного региона за его пределами. Так, в 2005 г. в Москве в качестве филиала НМЧР открылась галерея заслуженного деятеля искусств России и Чеченской Республики, народного художника России, первого профессионального кинорежиссера Чечни И. Татаева. Помимо экспозиции в самой галерее были организованы выставки в здании Государственной Думы Российской Федерации, в Союзе художников России, Академии художеств России, Третьяковской галерее, в Доме кино и других местах [1]. Очевидно, что подобные культурные проекты призваны не только познакомить жителей столицы и других регионов страны с культурными достижениями мастеров искусств Северного Кавказа, но и способствовать отказу от негативных представлений о чеченцах и других «лицах кавказской национальности», а также о самом регионе как символе терроризма и бандитизма.

В связи с Олимпиадой в Сочи практически во всех республиках Северного Кавказа прошли выставки, посвященные спорту и спортивным достижениям их жителей. Особое звучание они приобрели в Адыгее и Кабардино-Балкарии, где черкесские общественные организации активно выступали против проведения Олимпиады на «земле геноцида чер-

кесов». Тем не менее, в 2014 г. в Олимпийском парке НМРА открыл выставочный проект «Традиционная культура адыгов» совместно с отделом этнографии филиала музея истории города-курорта Сочи в поселке Лазаревском. Выставка была направлена на формирование представлений об эволюции картины мира и особенностей ментальности адыгского народа, характере экономических и культурных отношений внутри этноса и с другими народами [6].

Еще большее значение имеет выбор тем выставок и экспозиций для жителей самих республик. В начале 1990-х гг. НМРА решил на проведение выставки, посвященной политическим репрессиям, вызвавшей возмущения со стороны представителей властных структур: ни тогда, ни сейчас данная тема у них не пользуется «спросом». Несмотря на это, выставка продолжала свою работу [3]. Музей в те годы вообще выступал одним из центров адыгского национального движения, в значительной степени благодаря позиции его прежнего директора А. Н. Абрегова (в 1989–1990 гг. – заместителя, в 1991–1994 гг. – председателя Совета общественно-политического движения «Адыгэ Хасэ» Республики Адыгея), подталкивавшего власти республики, прагматично занимавшие более умеренные позиции, к более решительной защите адыгских национальных интересов.

Новое руководство музея уже не играет столь активной роли в политической жизни республики. В 2011 г. при активном сотрудничестве с органами власти, промышленными предприятиями и общественными организациями в НМРА была организована выставка «20 лет Республике Адыгея». Она отражала достижения и перспективы республики развития в политической и социально-экономической сфере, в области образования, медицины и культуры. Отдельные выставки посвящены выдающимся деятелям культуры республики - Р. Шеожевой, К. Тлецуруку и др. Музейные средства также используются в реализации программы адаптации адыгов-репатриантов.

Материальный, овековеченный характер музейных артефактов придает особую достоверность формируемым с их помощью версиям прошлого. Отражение в выставках и экспозициях национальных музеев Северного

Кавказа современных интерпретаций истории государствообразующих этносов свидетельствует о том, что они не только выполняют

функции хранителей культурного наследия, но и превращаются в активных участников процессов нациестроительства в регионе.

Использованная литература:

1. Галерея Илеса Татаева (филиал Национального музея ЧР) [Электронный ресурс] // Министерство культуры Чеченской Республики. URL: <http://www.mkchr.com/main.mhtml?Part=19&PubID=96> (дата обращения: 30.06.13, ресурс более не доступен).

2. Интервью с Байрамуковой Тamarой Унуховной, заместителем директора по научной работе ГКЧИ-КиПМЗ. Интервьюеры: Е. Ф. Кринко, Т. П. Хлынина. Запись 25.04.2014. Продолжительность 30 мин. Место проведения г. Черкесск, ГКЧИКиПМЗ // Архив лаборатории истории и этнографии Ин-та социально-экономических и гуманитарных исследований Южного науч. центра РАН.

3. Интервью с Джигуновой Фатимой Кадырбеcheвной, директором НМРА. Интервьюеры Е. Ф. Кринко, Т. П. Хлынина. Время проведения 06.08.2014. Продолжительность: 80 мин. Место проведения – г. Майкоп, НМРА // Архив лаборатории истории и этнографии Ин-та социально-экономических и гуманитарных исследований Южного науч. центра РАН.

4. Интервью с Сохией Ларисой Хангериевной, генеральным директором НМРСО-А. Интервьюеры Е. Ф. Кринко, Т. П. Хлынина. Запись 10.07.2013. Продолжительность 69 мин. Место проведения г. Владикавказ, НМРСО-А // Архив лаборатории истории и этнографии Ин-та социально-экономических и гуманитарных исследований Южного науч. центра РАН.

5. Кумпан С. Национальное достояние: музей Республики Адыгея [Электронный ресурс] // МК. Краснодар. 2013. 3 апр. URL: <http://kuban.mk.ru/articles/2013/04/03/835607-natsionalnoe-dostoyanie-muzey-respubliki-adygeya.html> (дата обращения: 07.07.13).

6. Национальный музей Республики Адыгея [Электронный ресурс]. URL: <http://adyg-museum.ru> (дата обращения: 06.08.14).

7. Национальный музей Чеченской Республики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mkchr.com/main.mhtml?Part=19&PubID=80> (дата обращения: 30.06.14).

8. О музее [Электронный ресурс] // Дагестанский государственный объединенный исторический и архитектурный музей. URL: <http://dgom.ru/content/o-muzee> (дата обращения: 29.06.16).

9. Хлынина Т. П., Кринко Е. Ф. История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. Ростов н/Д: Изд-во Южного науч. центра РАН, 2014.

10. Шнирельман В. А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX в. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

References:

1. Galereya Ilesa Tataeva (filial Natsional'nogo muzeya Chechenskoj Respubliki) (Iles Tatayev's Gallery (The Branch of the National Museum of the Chechen Republic)), in *Ministerstvo kul'tury Chechenskoj Respubliki*. URL: <http://www.mkchr.com/main.mhtml?Part=19&PubID=96>. Accessed June 6, 2013. The site is not available on December 1, 2016.

2. Interv'y u s Bayramukovoy Tamaroy Unukhovnoy, zamestitelem direktora po nauchnoy rabote Gosudarstvennogo karachaevo-cherkesskogo istoriko-kul'turnogo iprirodnogo muzeya-zapovednika (Interview with Tamara U. Bairamukova, Deputy Director for Scientific Research, Carachayevo-Circassian State Historical, Cultural and Natural Museum-Reserve), Krinko, E. F. and Khlynina, T. P., Interviewers, Rec. on April 25, 2014, Duration: 30 min, Place of Rec.: Cherkessk, Karachayevo-Circassian State Historical, Cultural and Natural Museum-Reserve, in *Arkhiv laboratorii istorii i etnografii Institututa sotsial'no-ekonomicheskikh i gumanitarnykh issledovaniy Yuzhnogo nauchnogo tsentra RAN*.

3. Interv'y u s Dzhigunovoy Fatimoy Kadyrbechevnoy, direktorom Natsional'nogo muzeya Respubliki Adygeya (Interview with Fatima K. Dzhigunova, Director, National Museum of the Republic of Adygea), Krinko, E. F. and Khlynina, T. P., Interviewers, Rec. on August 6, 2014, Duration: 80 min, Place of Rec.: Maykop, National Museum of the Republic of Adygea, in *Arkhiv laboratorii istorii i etnografii Institututa sotsial'no-ekonomicheskikh i gumanitarnykh issledovaniy Yuzhnogo nauchnogo tsentra RAN*.

4. Interv'y u s Sokhievoj Larisoy Khangerievnoy, general'nym direktorom NMRSO-A (Interview with Larisa Kh. Sokhieva, General Director, National Museum of the Republic of the North Ossetia-Alania), Krinko, E. F. and Khlynina, T. P., Interviewers, Rec. on July 10, 2013, Duration: 69 min, Place of Rec.: Vladikavkaz, National Museum of the Republic of the North Ossetia-Alania, in *Arkhiv laboratorii istorii i etnografii Institututa sotsial'no-ekonomicheskikh i gumanitarnykh issledovaniy Yuzhnogo nauchnogo tsentra RAN*.

5. Kumpan, S., Natsional'noe dostoyanie: muzey Respubliki Adygeya, in *MK. Krasnodar*, April 3, 2013. URL: <http://kuban.mk.ru/articles/2013/04/03/835607-natsionalnoe-dostoyanie-muzey-respubliki-adygeya.html>. Accessed July 7, 2013.

6. *Natsional'nyy muzey Respubliki Adygeya* (National Museum of the Republic of Adygea). URL: <http://adyg-museum.ru>. Accessed August 6, 2014.

7. *Natsional'nyy muzey Chechenskoj Respubliki* (National Museum of the Chechen Republic). URL: <http://www.mkchr.com/main.mhtml?Part=19&PubID=80>. Accessed June 30, 2014.

8. O muzee (About the Museum), *Dagestanskiy gosudarstvennyy ob'edinennyi istoricheskiy i arkhitekturnyy muzey*. URL: <http://dgom.ru/content/o-muzee>. Accessed June 26, 2016.

9. Khlynina, T. P. and Krinko, E. F., *Istoriya, politika i natsiestroitel'stvo na Severnom Kavkaze*, Rostov-on-Don: Izdateľ'stvo Yuzhnogo nauchnogo tsentra RAN, 2014.

10. Schnirelmann, V. A., *Byt' alanami: intellektualy i politika na Severnom Kavkaze v XX veke (To be the Alans: Intellectuals and Politics in the Northern Caucasus in the 20th Century)*, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Кринко, Е. Ф. Роль национальных музеев Северного Кавказа в сохранении культурного наследия региона [Электронный ресурс] / Е. Ф. Кринко // Наследие веков. – 2016. – № 4. – С. 23–29. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/12/2016_4_Krinko.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Krinko, E. F., Rol' natsional'nykh muzeev Severnogo Kavkaza v sokhranenii kul'turnogo naslediya regiona (The Role of the North Caucasus National Museums in the Preservation of the Region's Cultural Heritage), *Nasledie vekov*, no. 4, 2016, pp. 23–29. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/12/2016_4_Krinko.pdf Accessed: Month DD, YYYY.

ДЖОПУА Аркадий Иванович

кандидат исторических наук,
директор Абхазского государственного музея,
Сухум, Республика Абхазия

Arkady I. DZHOPUA

Cand. Sci. (Archaeology), Abkhazian State Museum, Director,
Sukhum, Republic of Abkhazia
info@museum-ra.org

НЮШКОВ Валентин Александрович

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник отдела археологии
Абхазского государственного музея,
Сухум, Республика Абхазия

Valentin A. NUYSHKOV

Cand. Sci. (National History), Abkhazian State Museum,
Department of Archaeology, Senior Researcher,
Sukhum, Republic of Abkhazia
valenti74@yandex.com

Из истории археологических исследований на территории современной Абхазии

Во второй половине XIX в. русские археологи проявляли огромную заинтересованность в изучении археологических объектов на современной территории Республики Абхазии, располагающей неповторимым культурным наследием, древнейшие памятники которого относятся к эпохе палеолита. В тот же период наиболее подробно исследованы ими были историко-археологические памятники периода античности и раннего средневековья. В истории древней Абхазии этот период отмечен важными событиями: древнегреческая колонизация, появление римлян и строительство крепостей Себастополис и Питиунт, персо-византийские войны и т. д. Большая заслуга в исследовании этих объектов культурного наследия принадлежит А. Н. Введенскому, В. И. Чернявскому, В. И. Сизову, П. С. Уваровой, А. М. Павлинову и др. В данной работе отмечены наиболее значительные научные достижения, которые, главным образом, касаются изучения памятников (церкви, могильники, крепостные сооружения и т.д.) Себастополиса, древней Апсилии и Абасгии, Драндского собора и др.

Ключевые слова: Кавказ, Абхазия, русские археологи, храмы, съезд, памятники.

From the History of Archaeological Research in the Territory of Modern Abkhazia

In the second half of the 19th century Russian archaeologists showed great interest in studying archaeological sites in the modern territory of the Republic of Abkhazia, which has a unique cultural heritage, the oldest monuments of which date back to the Paleolithic era. During this period they explored most thoroughly the historical and archaeological monuments from the period of antiquity and the early Middle Ages. In the history of ancient Abkhazia this period is marked by important events: the ancient Greek colonization, the appearance of the Romans and the construction of the fortresses of Sebastopolis and Pitiunt, the Byzantine-Sasanian Wars, etc. Great merits in the study of these objects of cultural heritage belong to A. N. Vvedensky, V. I. Chernyavsky, V. I. Sizov, P. S. Uvarova, A. M. Pavlinov, and others. In this paper, the most significant scientific achievements are noted, which mainly concern the study of monuments (churches, burial grounds, fortifications, etc.) of Sebastopolis, ancient Apsilia and Abasgia, Drand Cathedral, etc.

Keywords: Caucasus, Abkhazia, Russian archaeologists, temples, congress, monuments.

История исследования античных и средневековых памятников Абхазии довольно богата, и начало применения научных методов в их изучении было положено еще в первой половине XIX века. Поэтому уже во второй половине XIX века, зная глубокую древность земли абхазской, русские археологи-краеведы начинают систематическое обследование и изучение археологических памятников на ее территории. Между тем дореволюционные краеведческие исследования по сравнению с многообразием и богатством памятников средневековья были отрывочны, эпизодичны, в результате, «ни один из исследователей никаких больших археологических и историографических задач перед собой не ставил» [1, с. 115]. В то же время они заложили крепкую основу для дальнейшего археологического изучения края, и «ценность их трудов заключается, прежде всего, в качественной фиксации тогдашнего состояния впервые описанных ими памятников» [5, с. 115].

Для проведения археологических изысканий в 1850-х гг. Абхазию посетил А. Фиркович. В результате поездки им были осмотрены многие памятники истории и культуры. В эти же годы изучением археологических памятников Абхазии занимались Н. М. Мурзакевич, В. Б. Антонович, А. Н. Введенский. В 1859 г. была создана Археологическая комиссия, в задачи которой входило руководство археологическими исследованиями на всей территории страны и сбор обнаруженных древностей.

Здесь следует остановиться на А. Н. Введенском, начальнике Сухумского военного отдела (1884-1891 гг.). Его очень интересовала история Абхазии, он собрал большую археологическую коллекцию предметов древности, найденных в различных частях страны. Впоследствии она была выставлена в городском музее Сухума, который А. Н. Введенский и создал. К сожалению, музей недолго просуществовал, помешала начавшаяся русско-турецкая война 1877-78 гг., и все, что было собрано, будучи вывезенным, бесследно исчезло. В 1869 г. краевед А. Н. Введенский в местности Хуап раскопал три древние гробницы, в одной из них были найдены глиняная чашка, золотые крючок и петля и железная секира. Вещи эти были переданы в бывший Сухумский музей и впоследствии перевезены в Кутаис

[2, с. 130]. Также А. Н. Введенский считал, что остатки фундаментов, лежащие на водоразделе рек Келасури и Беслетки, по всей вероятности, «служили основанием древних заводских построек», так как, по преданию абхазцев, в этом месте добывали свинец [2, с. 126].

Очень много для выявления исторических позднеантичных памятников Абхазии сделал другой местный любитель древностей, краевед сухумчанин В. И. Чернявский («Записка о памятниках Западного Закавказья, исследование которых наиболее настоятельно» [11] и другие). Обосновавшись с 1870 г. в Абхазии, он занялся изучением черноморской фауны, а также выявлением и исследованием археологических памятников практически по всем периодам истории Абхазии. В частности, В. И. Чернявский (естественно, с большой долей преувеличенности) считал, что Великая Абхазская стена заходит в море у устья реки Келасури и доходит до Сухумской крепости. Вместе с тем на данное ошибочное утверждение его натолкнули впервые исследованные им в 70-х гг. подводные стены на дне Сухумской бухты напротив устья р. Басла и фрагменты стен римского укрепления в основании Сухумской крепости. Неслучайно он уделил большое внимание изучению древностей Диоскуриады. В результате многолетних поисков В. И. Чернявский первым доказал, что древняя Диоскуриада находилась на месте современного Сухума ее значительная часть погребена на дне Сухумской бухты [11, с. 15], и стал добиваться начала археологических исследований под руководством В. И. Сизова¹, являвшегося археологом, членом Московского археологического общества (с 1877), одним из основателей Исторического музея в Москве. По заданию Московского археологического общества он провел археологические раскопки на территории Абхазии в 1886 г., ставшие первыми раскопками профессионального археолога в нашем крае. Отчет о них, изданный в 1889 г. отдельной книгой с хорошо иллюстрированными материалами, будет проанализирован ниже.

¹ В 1896 г. В. И. Чернявский опубликовал в «Черноморском вестнике» заметку о находке в Сухумской крепости плиты с надписью, подтверждавшей пребывание римского легиона Флавия Ариана во II в. н.э. в Севастополисе.

Итак, 80-е гг. XIX в. характеризуются заметным оживлением археологического изучения Кавказа, в том числе и Абхазии, и связано это было преимущественно с работой V Археологического съезда. В Закавказье к этому времени уже активно работало организованное в Тифлисе Кавказское общество любителей археологии, которое было тесно связано с Московским археологическим обществом. Инициатива созыва V Археологического съезда на Кавказе принадлежала русскому археологу А. С. Уварову. Съезд прошел в сентябре 1881 г., в Тифлисе. Еще в 1878 г. в Москве был образован Подготовительный комитет, который разработал обширную программу проведения раскопок на Кавказе.

На заседаниях V Археологического съезда участниками были доложены сообщения, касающихся не только археологии, но и этнографии, истории, языка абхазов. В частности, интересные сведения о древностях на территории Абхазии были приведены в материалах означенного съезда. Данный форум способствовал делу постановки археологических изысканий на Кавказе на научную почву, разбудил общий интерес к этому краю в научных кругах не только России, но и за рубежом и, таким образом, оказал самое благотворное влияние на дальнейшее развитие кавказоведения. Подводя итог прошедшему съезду, археолог Всеволод Миллер отмечал: «В виду необъятности задач, представляемых Кавказом для археологии, было бы конечно слишком смелым ожидать решения их от одного археологического съезда. Все, чего можно было бы желать, состояло бы в том, чтоб ученые специалисты указали эти задачи, наметили главное, на что нужно направить работы, и дали метод для археологических разысканий» [6].

В данном случае на примере Абхазии можно с уверенностью утверждать, что избранное направление работы и ее методы были успешно применены русскими археологами. В большей степени это коснулось христианских памятников, на изучение которых делался основной упор. Здесь необходимо выделить 1886 г., который вошел в историографию Абхазии как предел, знаменующий начало академических исследований в крае, осуществленных рядом маститых специалистов (В. И. Сизов, П. С. Уварова, А. М. Павлинов и др.).

Уже упоминавшийся русский археолог В. И. Сизов подтвердил вывод В. И. Чернявского, указав его правильность относительно локализации древнего города, после того как в 1886 г. провел исследования по заданию Московского археологического общества в Сухуме, на берегах Сухумской бухты, а также безрезультативную разведку на Скурче [8, с. 19]. В. И. Сизов, в частности, писал, что средневековый Сухум соответствует Акуа абхазов. Он выделил в Сухумской крепости кладку римского времени; локализовав, таким образом, Себастополис на месте современного Сухума.

Немаловажно также отметить и результаты его исследований в районе сквера недалеко от госдрамтеатра на набережной, об итогах которых русский археолог отмечал следующее: «Вообще нижний слой канавы по обилию найденных в ней фрагментов греческих сосудов можно сравнить только с насыпными частями горы Митридата в Керчи» [8, с. 17].

Таким образом, можно утверждать, что первые серьезные археологические раскопки по заданию и на средства Московского археологического общества на берегу Сухумской бухты произвел в 1886 г. В. И. Сизов. При участии В. И. Чернявского и известного русского ботаника Н. М. Альбова он обнаружил (ныне на ул. Пушкина) довольно мощный культурный слой, который содержал обломки черепиц, чернолаковых сосудов, различного вида керамику, медные гвозди, свинцовые пластинки, пирамидальное глиняное грузило и бронзовую монету Амиса [8, с. 14].

Обследование памятников Абхазии, начатые В. И. Сизовым, продолжил также по заданию Московского археологического общества в 1888 г. архитектор А. М. Павлинов. Им были осмотрены соборы в Мокве, Дранде, Илоре, Бедиа и составлены краткие описания находящихся там церковных сооружений. Как указывает А. М. Павлинов, эти сооружения представляют смесь, сочетание центрально-купольной системы с базиличной, в которых эффект сосредотачивается у алтаря и над ним. Однако ошибочным, как нам кажется, выглядит следующий его вывод: «Церкви эти, хотя и принадлежат Кавказу, но, вероятно, построены греками», так как, не умаляя роли Византии, нельзя также не учитывать ту местную традицию в архитектуре, которая уже прочно уста-

новилась к X–XII вв. в постройках большинства церквей на территории Абхазии. Между тем, А. М. Павлинов дал более подробное описание Драндского храма, правда, не зная точно, когда храм был построен [7, с. 8], он, тем не менее, считал данную постройку древней. А. М. Павлинов отмечал: «Проем крестового плана с большим куполом в середине, подобный Драндскому, встречается в самых древнейших церквях Кавказа, например в церкви Св. Креста, напротив Мцхета, в Сионской церкви, в главной церкви Мартвильского монастыря, в Атени, в церкви Св. Рипсима в Вагаршападе и др. Единственная разница, отличающая все эти храмы от Дранды, состоит только в том, что у них концы креста прямоугольные, как в Дранде, а полукруглые» [7, с. 13].

В тоже время исследовательница древностей Абхазии П. С. Уварова справедливо отнесла Драндский храм к византийским постройкам: «К древнейшему периоду, находящемуся в прямой зависимости от Византии, припишу... в особенности собор в Драндах, имеющий, как и все остальные переименованные церкви, крестовый план и купольное покрытие, напоминающее низкие, как бы придавленные восточные покрытия древней Византии с приземистыми, низкими барабанами и более или менее сферическими куполами. Церкви подобного образца в Грузии не имеют пока ни даты, ни истории и приурочиваются к древнейшей эпохе только по сходству их с подобными им византийскими постройками» [10, с. 191].

Огромная роль в изучении абхазских древностей принадлежала графине Прасковье Сергеевне Уваровой, одной из первых женщин, интересовавшихся археологией Кавказа, внесшей важную лепту в развитие археологии Абхазии. Ее муж был основателем Московского археологического общества и Исторического музея. После его смерти в 1884 г. вдова взяла на себя обязанности председателя Московского археологического общества. Она совершила девять поездок на Кавказ, оставив письменные отчеты по этим экспедициям: «Кавказ (Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок), Путевые заметки. П.-М.: 1891, «Могильники Северного Кавказа» / Материалы по археологии Кавказа, 8, 1900, и «Христианские памятники Кавказа» / Материалы по археоло-

гии Кавказа, 4, 1894. К этим книгам археологи нередко обращаются и в настоящее время.

П. С. Уварова, в частности, описала три храма в окрестностях с. Цебельда (Вороновский, Полтавский и Ольгинский), а также объекты, относящиеся к территории Цхумского воеводства (Апсилия) и отдельные находки (храмы Бырцх, Яштхо, Беслетский комплекс, рельефы Дранды, Келасурская стена и др.) [9, с. 98]. Так, характеризуя Ольгинскую церковь, она указала, что «церковь эта построена из известняковых тесаных плит в виде облицовки с обеих сторон, с бутовой заливкой внутри. Церковь была продолговатая, с одним коробковым сводом и, вероятно, была расперта теми деревьями, которые засеялись, выросли и укрепились в ее стенках и сводах» [9, с. 99]. Одновременно исследовательницей было высказано мнение, что иконостасы Вороновского и Полтавского храмов имеют «более глубокую древность». В дальнейшем эти три церкви в окрестностях с. Цебельда были описаны также К. А. Владимировым [3, с. 6].

Между тем П. С. Уварова разделила неверное мнение своих предшественников, что Анакопия, Никопсия и Апсар – разновременные наименования одного пункта. Справедливо подвергнув сомнению возможность отнесения Келасурской стены (графине Уваровой принадлежит введение в научный оборот названия «Гигантская Абхазская стена») к юстиниановским постройкам VI в., П. С. Уварова склонялась к точке зрения Дюбуа о строительстве этой стены еще древними греками задолго до н.э. [9, с. 112]. Ею была разработана и первая научная периодизация христианской архитектуры на Кавказе, в развитии которой выделено четыре этапа со своими характерными чертами. На первом этапе, когда данная территория находилась в прямой зависимости от Византии, был, по мнению исследовательницы, построен Драндский храм, ко «второму, также византийскому периоду», определенному рамками X–XI вв., отнесен храм в Мокве, а к четвертому этапу – «самостоятельного расцвета грузинской архитектуры» восточной ориентации (XIII–XVI в.) – церкви Цебельдинского ущелья», а также сохранено важнейшее свидетельство о том, что «в стороне от Мачарского... местный житель Райман производил раскопки и открыл могилы с при-

знаками сожжения». Тем самым П. С. Уварова отметила находку погребений с трупосожжением в окрестностях Пацхирского ущелья в окрестностях Цебельды. Можно сказать, что это первое упоминание в литературе о могилах-апсилах с зафиксированным обрядом кремации [4, с. 88].

В 1866 г. на правом берегу р. Келасур недалеко от Сухума были обнаружены два небольших разрушенных храма. Предпринятые полковником Циросани раскопки выявили несколько медных предметов. В земле под престолом одного из храмов был найден четырехконечный железный крест, несколько медных розеток с остриями, серебряный золоченый образок и другие предметы [3, с. 14].

В деле описания, фиксации и первичного анализа форм христианских храмов Абхазии следует отдать должное труду, подготовленному архимандритом Леонидом (Кавелиным) (настоятелем Троицко-Сергиевой Лавры) «Абхазия и ее христианские древности». Эта работа стала, по выражению Ю. Н. Воронова:

«своеобразным обобщением историко-археологических свидетельств с прошлым края» [4, с. 87], в ней был дан первый исторический очерк Абхазии с описанием и фотографиями многих христианских памятников края; книга содержит обзор истории христианства в Абхазии. Особенно интересно составленное автором подробное описание древностей города-крепости Анакопия [5, с. 115].

В заключение хочется присоединиться к словам К. А. Владимиров: «Кавказское побережье Черного моря представляет еще доныне богатый край для исследования и ждет опытного археолога, который путем тщательных исследований, изучит его и в ярких чертах, воспроизведет древнюю жизнь и всю роскошь и богатство этого оживленного в древности края» [3, с. 22] и заметить, что хотя на протяжении более чем сотни лет в разных местах Абхазии проводились масштабные археологические работы, тем не менее и сегодня прошлое этого богатого своим наследием края нуждается в дальнейшем изучении.

Использованная литература:

1. Бгажба О. Х. История изучения средневековых памятников Абхазии // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси: Мецниереба, 1967. С. 115-128.
2. Введенский А. И. Замечания на записки В. Чернявского // Пятый археологический съезд в Тифлисе. Протоколы подготовительного комитета, изд. под ред. секретаря комитета И. Д. Мансветова. М.: Синодальная типография, 1879. С. 126-130.
3. Владимиров К. А. Древности Черноморского побережья Кавказа. С-Пб: Тип. гл. упр-я уделов, 1900.
4. Воронов Ю. Н. Древняя Апселия. Источники. Историография. Археология / отв. ред. О. Х. Бгажба. Сухум: Алашара, 1998.
5. Ендольцева Е. Ю. К вопросу об изучении христианского искусства Абхазского царства // Ученые записки Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья. Т. 1 / отв. ред. А. Ю. Скаков. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2013. С. 95-106.
6. Миллер В. Ф. Пятый археологический съезд в Тифлисе // Русская мысль. 1882. № 1. С. 17-36.
7. Павлинов А. М. Экспедиция на Кавказ в 1868 г. // Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества. Вып. 3: Христианские памятники. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1893. С. 1-30.
8. Сизов В. И. Восточное побережье Черного моря // Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества. Вып. 2: Восточное побережье Черного моря. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1889. С. 10-39.

References:

1. Bgzhba, O. Kh., *Istoriya izucheniya srednevekovykh pamyatnikov Abkhazii* (History of the Study of Medieval Monuments of Abkhazia), in *Materialy po arkheologii Abkhazii*, Tbilisi: Metsniereba, 1967, pp. 115-128.
2. Vvedenskiy, A. I., *Zamechaniya na zapiski V. Chernyavskogo* (Comments on V. Chernyavsky's notes), in *Pyaty arkheologicheskiy s'ezd v Tiflise. Protokoly podgotovitel'nogo komiteta, izdannye pod redaktsiey sekretarya komiteta I. D. Mansvetova* (The 5th Archaeological Congress in Tiflis. Protocols of the Preparatory Committee, Published under Edition of the Secretary of the Committee I. Mansvetov), Moscow: Sinodal'naya tipografiya, 1879, pp. 126-130.
3. Vladimirov, K. A., *Drevnosti Chernomorskogo poberezh'ya Kavkaza* (Antiquities of the Black Sea Coast of the Caucasus), Saint Petersburg: Tipigrafiya glavnogo upravleniya udelov, 1900.
4. Voronov, Yu. N., *Drevnyaya Apsiliya. Istochniki. Istoriografiya. Arkheologiya* (Ancient Apsilia. Sources. Historiography. Archaeology), Bgzhba, O. Kh., Ed., Sukhumi: Alashara, 1998.
5. Endoltseva, E. Yu., *K voprosu ob izuchenii khristianskogo iskusstva Abkhazskogo tsarstva* (To the Issue of Studying Christian Art of the Abkhazian Kingdom), in *Uchenye zapiski Tsentra izucheniya Tsentral'noy Azii, Kavkaza i Uralo-Povolzh'ya*, T. 1, Skakov A. Yu., Ed., Moscow: Institut vostokovedeniya Rossiyskoy Akademii Nauk, 2013, pp. 95-106.
6. Miller, V. F., *Pyaty arkheologicheskiy s'ezd v Tiflise* (The 5th Archaeological Congress in Tiflis), in *Russkaya mysl'*, 1882, no. 1, pp. 17-36.

9. Уварова П. С. Кавказ (Абхазия, Аджария, Шавшети, Псховский участок). Путевые заметки. Ч. 2. М.: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1891.

10. Уварова П. С. Христианские памятники // Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества. Вып. 4: Христианские памятники графини Уваровой. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1894. С. 1-190.

11. Чернявский В. И. Записка о памятниках Западного Закавказья, исследование которых наиболее необходимо // Пятый археологический съезд в Тифлисе. Протоколы подготовительного комитета, изданные под ред. секретаря комитета И. Д. Мансветова. М.: Синодальная типография, 1879. С. 14-25.

7. Pavlinov, A. M., *Ekspeditsiya na Kavkaz v 1868 godu* (Expedition to the Caucasus in 1868), in *Materialy po arkheologii Kavkaza, sobrannye ekspeditsiyami Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva*, vol. 3: *Khristianskie pamyatniki* (Christian Monuments), Moscow: Tipografia A. I. Mamontova i K°, 1893, pp. 1-30.

8. Sizov, V. I., *Vostochnoe poberezh'e Chernogo morya* (The Eastern Coast of the Black Sea), *Materialy po arkheologii Kavkaza, sobrannye ekspeditsiyami Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva* Materials on the Archaeology of the Caucasus, Collected by the Expeditions of the Moscow Archaeological Society), vol. 2: *Vostochnoe poberezh'e Chernogo morya* (The Eastern Coast of the Black Sea), Moscow: Tipografia A. I. Mamontova i K°, 1889, pp. 10-39.

9. Uvarova, P. S., *Kavkaz (Abkhaziya, Adzhariya, Shavshetiya, Pskhovskiy uchastok). Putevye zametki*, vol. 2, Moscow: Tovarischestvo skoropechati A. A. Levenson, 1891.

10. Uvarova, P. S., *Khristianskie pamyatniki*, in *Materialy po arkheologii Kavkaza, sobrannye ekspeditsiyami Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva* (Materials on the Archaeology of the Caucasus, Collected by the Expeditions of the Moscow Archaeological Society), vol. 4: *Khristianskie pamyatniki grafini Uvarovoy* (Christian Monuments of Countess Uvarova), Moscow: Tipografia A. I. Mamontova i K°, 1894, pp. 1-190.

11. Chernyavskiy, V. I., *Zapiska o pamyatnikakh Zapadnogo Zakavkaz'ya* (A Note on the Monuments of the Western Caucasus, Whose Investigation Is the Most Needed), in *Pyatyy arkheologicheskyy s'ezd v Tiflise. Protokoly podgotovitel'nogo komiteta, izdannye pod red. sekretarya komiteta I. D. Mansvetova* (The 5th Archaeological Congress in Tiflis. Protocols of the Preparatory Committee, Published under Edition of the Secretary of the Committee I. Mansvetov), Moscow: Sinodal'naya tipografiya, 1879, pp. 14-25.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Джопуа, А. И. Из истории археологических исследований на территории современной Абхазии [Электронный ресурс] / А. И. Джопуа, В. А. Ньюшков // Наследие веков. – 2016. – № 4. – С. 30-35. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/12/2016_4_Dzhopua_Nyushkov.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Dzhopua, A. I. and Nyushkov, V. A., *Iz istorii arkheologicheskikh issledovaniy na territorii sovremennoy Abkhazii* (From the History of Archaeological Research in the Territory of Modern Abkhazia), *Nasledie Vekov*, 2016, no. 4, pp. 30-35. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/12/2016_4_Dzhopua_Nyushkov.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

СКАКОВ Александр Юрьевич

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья
Института востоковедения РАН,
научный сотрудник Отдела бронзового века
Института археологии РАН,
Москва, Россия

Alexandr Yu. SKAKOV

Cand. Sci. (National History), Senior Researcher,
Center for Central Asian Studies, Caucasus and Ural-Volga Region,
Institute of Eastern Studies, Russian Academy of Sciences;
Researcher, Bronze Age Department, Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
skakov09@gmail.com

Перспективы сохранения историко-культурного наследия народов Северного Кавказа: вызовы и угрозы

Perspectives of the Preservation of the Historical and Cultural Heritage of the Peoples of the Northern Caucasus: Challenges and Threats

В статье анализируются основные угрозы сохранению памятников историко-культурного наследия Северного Кавказа, с привлечением также материалов по Республике Абхазия. К таким угрозам отнесены проведение грабительских «раскопок» на археологических памятниках, уничтожение памятников археологии и истории при новом строительстве, непрофессиональная реставрация исторических зданий и памятников архитектуры, в том числе, по вине церковных организаций, гибель старой застройки исторических городов региона. Приведены многочисленные конкретные случаи, предложены некоторые механизмы противодействия негативным процессам.

Ключевые слова: историко-культурное наследие, археологические памятники, архитектурные памятники, уничтожение объектов культурного наследия, реставрация памятников архитектуры.

The article examines the main threats to the preservation of the historical and cultural heritage of the Northern Caucasus, involving material of the Republic of Abkhazia. Such threats include: predatory excavations at archaeological sites, destroying archaeological and cultural legacy during construction of new buildings, unprofessional restoration of historical buildings and archaeological monuments, including due to the fault of church organizations, decay of old buildings in historical parts of cities of the region. A few concrete examples are given, and some mechanisms of combating negative processes are suggested.

Keywords: historical and cultural legacy, archaeological monuments, architectural monuments, destruction of objects of cultural heritage, restoration of architectural monuments.

Кавказ в целом и Северный Кавказ в частности исторически сложились как контактные зоны различных цивилизаций, мировых религий, как поликультурные и этнически многообразные регионы. На территории Евра-

зии таких регионов было не так много, можно назвать еще, к примеру, Балканы, Анатолию, Левант, Крым, Среднее и Нижнее Поволжье. Поликультурность, поликонфессиональность, полиэтничность этих регионов делали их уяз-

вимыми, превращая, при наличии негативной роли внешних факторов и при условии нарастания социально-политической напряженности, в «пороховые бочки» Евразии. Недавние кровавые войны и этнические чистки на территории бывшей Югославии 1991-2001 гг., гражданская война в Ливане 1975-1990 гг., унесшая жизни, по различным оценкам от 100 до 144 тыс. чел., непрекращающаяся и не имеющая пока перспективы мирного завершения война в Сирии – все это демонстрирует нам один из вариантов будущего для поликультурного региона. Возможность другого будущего мы видим на постсоветском пространстве, в первую очередь, несмотря на все недостатки и огрехи российской/советской/российской национальной политики – на территории Российской Федерации.

Межэтнические конфликты, приобретающие, как правило, характер межконфессионального противостояния и неприятия инокультурного соседства, имеют своим неизбежным следствием разрушение памятников культурного наследия, связываемых с иной стороной конфликта, с его историей и самосознанием, символизирующих его самоидентификацию. Но бывают и несколько иные примеры, в частности, недавние разрушение Пальмиры и уничтожение музея в Мосуле, когда не имеющее отношения к сегодняшнему дню наследие античной цивилизации и древней Ассирии стало для одной из сторон конфликта воплощением чуждой и неприемлемой культуры. Причиной уничтожения этих объектов культурного наследия стала не столько их принадлежность к враждебному культурному миру, сколько их чуждость и инаковость, их не соответствие образу мира нынешних пришельцев и завоевателей. В свое время почти та же самая причина привела к гибели значительной части культурного наследия Восточной Пруссии после выселения отсюда немецкого населения в 1947-1949 гг. Зачастую причиной уничтожения объектов культурного наследия является не ненависть, а неприятие из-за незнания и недостаточной информированности, и это характерно не только для периодов исторических катаклизмов, но и для мирного времени.

Не является исключением и ситуация на Северном Кавказе. К сожалению, отсутствие

информированности, адекватного представления о ценности культурного наследия и о преступности его безвозвратного уничтожения, как и безнаказанность такого уничтожения, приводят к гибели или серьезному повреждению ценнейших памятников прошлого. Здесь очень много зависит от СМИ, но серьезными проблемами является недостаточное количество профессионально написанной научно-популярной литературы, а также крайне незначительное и лишь эпизодическое участие молодежи, школьников и студентов в деятельности по охране памятников истории и культуры, по археологическому изучению региона.

Одна из основных угроз памятникам культурного наследия – процветающая на Северном Кавказе, как и во многих других регионах постсоветского пространства, «черная археология», то есть проведение грабительских раскопок на археологических памятниках с целью извлечения эффектных и эстетически привлекательных артефактов. Это приводит к полному уничтожению всей сопутствующей этим находкам научной информации и, соответственно, к утрате той или иной вещи значительной части своей научной и культурной ценности, её обезличиванию. По словам директора ИА РАН Н.А. Макарова, «растаскивая по частным коллекциям и антикварным прилавкам археологические предметы, мы разрушаем общий фонд источников для изучения «большой» истории нашей страны» [11, с. 192].

Особенно катастрофическая ситуация с грабительским разрушением археологических памятников сложилась в большинстве районов Краснодарского края, Малокарачаевском и Усть-Джегутинском районах Карачаево-Черкесии [19, с. 172-175], большинстве районов Кабардино-Балкарии, особенно, в Баксанском ущелье (могильники района сел. Заюково – [см., в частности: 5, с. 183-185; 22, с. 237-239]). По подсчетам на 2002 г., в Усть-Джегутинском районе КЧР за 8 лет количество разграбленных курганов увеличилось в 7 раз и достигло трети от общего количества насыпей [19, с. 173-174]. В 2000-е гг. «черная археология» с территории Краснодарского края проникла в Абхазию, в первую очередь, в приграничные районы республики [20, с. 57-61].

Представители «черной археологии», с целью легализации своего преступного промысла, активно работают с общественным мнением, со средствами массовой информации, пытаются найти подходы к органам власти и правоохранительным структурам. Используются несколько основных методик. Одна из них – это стремление опорочить представителей археологической науки и музейных сотрудников, «белых» археологов, обвинив их в торговле артефактами, грабительских раскопках, махинациях с целью завышения объема новостроечных работ. Наличие среди лиц, получивших по заявке того или иного учреждения Открытый лист на право археологических работ, не только честных профессионалов и ученых, но и, порою, случайных людей, может давать какие-то основания для подобных обвинений.

Приведу пример: начиная с 2011 г. на просторах Интернета активно обсуждается скандальный случай, произошедший на территории Шовгеновского района Адыгеи и получивший известность благодаря публикациям в СМИ [2]. Некий археолог Роман Морозов (ни одна его научная работа мне неизвестна) получил Открытый лист на раскопки курганной группы «Чернышев-5», но сам провел раскопки кургана «Чернышев-20», то есть заведомо другого объекта. Факт незаконных раскопок был установлен выехавшими на место специалистами Управления по охране и использованию объектов культурного наследия Адыгеи, по факту было возбуждено уголовное дело по статье 243 УК РФ (уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры)). С тех пор этот случай активно обсуждается на сайтах кладоискателей и поисковиков (к примеру, <http://iskatelklada.tuapse.ru/> или «Искатели Юга России», проект «Территория поиска»), являясь примером нечистоплотности «белых» археологов (основная идея – «сами архи хуже черных копателей»).

С целью выяснения истины я обратился к базе данных Отдела полевых исследований Института археологии РАН. Роман Морозов три раза получал Открытый лист, в 2007 (разведки в Теучежском районе), 2009 (раскопки кургана в а. Уляп), 2011 (на курганную группу Чернышев 5) гг. При этом заявки на пер-

вые два листа шли от Управления по охране и использованию объектов культурного наследия Адыгеи. Листы выдавались Росохранкультурой, выдача ею листов должна была проходить при согласовании с Институтом археологии РАН (Росохранкультуры направляет запрос в ИА РАН, тот подтверждает или не подтверждает возможность выдачи листа, исходя из опыта заявителя, сданных им отчетов и т.д.). Но это правило иногда нарушалось и Росохранкультуры выдавало лист без согласования, нарушено оно было и в 2011 г. по отношению к Морозову. Его заявка на лист не была переслана для согласования в ИА РАН, а Росохранкультуры само выдало ему лист. Отметим, что с 2012 г. листы выдает Министерство культуры, и вроде бы случаев подобных нарушений (отсутствия согласования с ИА РАН) сейчас нет. Так как заявка на лист Морозову 2011 г. не была переправлена в ИА РАН, мы не знаем, от какой организации она была, но скорее всего от того же адыгейского Управления по охране памятников. Которое в итоге «само себя высекло», обнаружив, что его, по сути, сотрудник занимается совсем не тем, чем должен заниматься. Конечно, отчет за работы по листу 2011 г. Морозов не сдал, соответственно, получение нового Открытого листа ему в любом случае «не светит». Ситуация достаточно типичная, если бы не скандал. Местные Управления охраны памятников и подобные организации, занимающиеся, в том числе (или в первую очередь), новостроечными работами, ищут потенциальных держателей открытых листов. Проблема в том, что своих держателей Открытых листов у них зачастую нет (если они и были, то, не сдав отчет за очередной лист, потеряли право брать новый). И появляются вот такие морозовы, имеющие к археологии косвенное отношение. Это проявление того, что получило название «серой» археологии – «внешне легальной, а на деле частной («коммерческой») археологии в форме НПЦ, НПО и т.д., связанной преимущественно с обслуживанием разнообразных строительных проектов» и «завязанной» на определенный сегмент административно-чиновничьего мира [16, с. 70, 74]. Парадоксальным образом учреждения, обязанные заниматься охраной археологического наследия, нередко большую часть времени и сил тратят на зарабатывание

денег и обслуживание интересов заказчиков, абсолютно абстрагируясь от противодействия «черной археологии».

Еще одна цель «черных археологов» - легализация их незаконного промысла и их коллекций. Дело в том, что прослойка «бизнесменов от черной археологии», то есть ориентированных на рынок профессионалов-грабителей, очень невелика и, по различным оценкам, не превышает 10 % от общего числа «кладоискателей». Остальные – это так называемые «археологи-любители», «романтики», в том числе, коллекционеры древностей. По данным одного из соответствующих сайтов, «кладоискательство» является хобби для более чем 93 % участников опроса, заработком или профессией – для 3,5 % [8].

Для легализации своего «хобби» организуются выставки или даже настоящие «музеи». В качестве примера приведу существующий в Болгарии фонд «Фракия» с музеем «Васил Божков», скупающий артефакты у «черных археологов» и организующий выставки, две из которых уже прошли в России (выставка 2009 г. «Спасенные сокровища Древней Фракии» в Государственном музее Востока и часть выставки 2013 г. в Государственном историческом музее «Фракийское золото из Болгарии. Ожившие легенды»). В Киеве в Киево-Печерской лавре была выставлена скандально известная коллекция древнего золота «Платан» (Сергея Платонова и Сергея Тарута), переданная в 2001 г. в количестве 1300 предметов Национальному музею истории Украины. Хотя, по некоторым оценкам, до 80 % предметов из этой коллекции – подделки [9].

Другой путь – публикация добытых «черными археологами» частных коллекций с привлечением маститых ученых, с предоставленной ими атрибуцией и датировкой находок. К примеру, в 2011 г. на Украине в издании альбомного типа «Наш недавний бронзовый век» была опубликована обширная частная коллекция Анатолия Козыменко, автором выступил известный археолог Виктор Ключко, рецензентами – также известные исследователи В. Мурзин и С. Пустовалов. Легализации способствуют и собственные издания «черных археологов», в частности, в России это «альманах древней культуры и искусства» «Домонгол», издающийся на достаточно высоком

профессиональном и полиграфическом уровне. На его страницах публикуется и «добыча» кладоискателей с Северного Кавказа, так, в № 2 «Домонгола» за 2011 г. был опубликован комплекс (?) из меча и кинжала предскифского времени, найденный в 2010 г. близ г. Ессентуки. Кстати, на примере этого «альманаха» мы видим один из немногих случаев, когда «шефство» над «черной археологией» взял профессиональный археолог - доктор исторических наук Андрей Станюкович.

Безусловно, публикация незаконно полученного археологического материала является его атрибуцией, увеличивающей рыночную стоимость артефакта [12, с. 174]. Как отметил директор ИА РАН Н. А. Макаров, «глянцевые издания придают «копанине» наукообразную респектабельность» [11, с. 191]. С другой стороны, полный отказ от использования в научных целях материала, уже опубликованного (в интернете в том числе) «любителями древностей», искусственно обедняет базу источников в археологических исследованиях, искажает реальную картину и, по сути, довершает начатое «черными археологами» уничтожение значительного объема научной информации. Именно с этой дилеммой неоднократно сталкиваются профессиональные археологи и музейные сотрудники, перед которыми встает еще один трудноразрешимый вопрос – возможно ли покупать или принимать в дар артефакты, если представляющее их лицо с высокой степенью вероятности является «черным археологом», то есть преступником. В качестве примера публикации находок «черных археологов» можно привести т.н. «Корпус случайных археологических находок» (КСАН), издаваемый (уже вышло 9 выпусков) профессиональным археологом Игорем Бажаном. Как вполне справедливо отмечает автор этого проекта, «мизерная часть находок департизированными идут на сувениры, украшая кухни состоятельных граждан. Но многое просто погибает, идет на переплавку, выбрасывается за невостребованностью». Публикуя хоть малую часть этих находок, И. Бажан тем самым пытается ввести их в научный оборот. В одном из выпусков опубликованы, в частности воинские комплексы римского времени с побережья Черного моря в районе Адлера, умбоны от щитов и другие находки из Краснодарского

края эпохи переселения народов, клад римско-сарматских денариев с Тамани, античные шлемы с побережья Черного моря, меотские конские налобники с верхнего течения р. Кубань и других районов Краснодарского края, бронзовый котел эпохи раннего железа и т.д. [10, с. 6,29,33,35,37-39,46-49,51,62-63,65-66,68-70,84,87-90,93,100-104, 106-108].

Недавнее ужесточение норм российского законодательства, предусматривающее ответственность за незаконную добычу археологических предметов, пока не привело к кардинальному изменению ситуации. Тем не менее, случаи изъятия награбленных артефактов и передачи их в музеи и археологические учреждения, привлечения грабителей древностей к судебной ответственности перестали быть исключениями, что не может не радовать.

Столь же важной, но уже вполне традиционной проблемой является уничтожение памятников археологии и истории при новом строительстве, что, в первую очередь, затрагивает наиболее интересные для изучения и насыщенные древностями, а в настоящее время наиболее заселенные и интенсивно застраиваемые районы Черноморского побережья. Сотрудники Института археологии РАН в свое время уже обращали внимание на шедшее в 1990-е – первой половине 2000-х гг. тотальное уничтожение новой застройкой территории некрополя и хоры античной Горгииппии в Анапе, сопровождавшееся «выработкой» поистине уникальной «методики» строительства в пределах памятника на железобетонных плитах-подушках с устройством люков для наблюдения (?) за состоянием культурного слоя [16, с. 81-82]. Необходимо признать, что подобные примеры уничтожения культурных ценностей все-таки, на сегодняшний день, уходят в прошлое, что показало широкомасштабное изучение археологических памятников районов Сочи и Красной Поляны во время подготовки к проведению Олимпиады-2014 [4; 13].

В настоящее время не менее серьезной угрозой для памятников культурного наследия является непрофессиональная реставрация или, вернее, реконструкция исторических зданий и памятников архитектуры. В российском масштабе в этом процессе, к сожалению, особенно негативную роль играет Русская

православная церковь [24], что обусловлено, в том числе, и объективными причинами: необходимостью скорейшего приспособления отремонтированных зданий к совершению богослужений. Нередко, однако, такое искажение исторического облика зданий, в том числе, культовых объектов, происходит из-за низкого культурного уровня новых собственников, в том числе, прихожан, имеющих свои представления о «благолепии» и о красоте [3] [15] [17] [25, с. 601-630]. По словам Андрея Чекмарева, «сложилась ситуация, при которой судьбы существенной части национального (а не только церковного) достояния определяется в первую очередь культурным уровнем рядового сельского священника. Вероятность сохранения или утраты исторических форм памятника поставлена в прямую зависимость от оценочных представлений настоятеля о допустимом и недопустимом в облике православного храма. Государство покинуло эту сферу столь стремительно, что пока внутри Церкви немногие успели осознать меру возложенной на нее исторической ответственности и ее тяжесть» [25, с. 602-603]. Этот же автор, кстати, приводит «один из самых вопиющих случаев издевательства над выдающимся памятником архитектуры» - кардинальную и уродливую перестройку в ходе восстановления под дворье Троице-Сергиевой лавры церкви Св. Михаила Черниговского в Геленджике, построенной выдающимся архитектором неорусского стиля Владимиром Покровским в 1910-1913 гг. [25, с. 619-621] Эти процессы, отметим, затронули и соседнюю Абхазию, где священник Илорского храма XI в. водрузил над ним неуместную большую главку с крестом, а в Драндском храме на остатках древней купели VI-VII вв. установили уродливую железобетонную конструкцию (слава богу, удаленную под давлением возмущенной общественности) [21].

Впрочем, достаточно многочисленны случаи привлечения к работам непрофессиональных или недостаточно профессиональных реставраторов, способных либо просто погубить памятник (как случилось в 1981 г. в Северной Осетии, когда рухнул средневековый Тартартупский минарет на городище Верхне-го Джулата), либо превратить его в новодел. К примеру, как известно, «работы по восстановлению Шоанинского храма (один из древней-

ших на территории РФ храмов средневековой Алании – А.С.) велись местными строителями без согласования с сотрудниками музея и привели к уничтожению остатков фресковой живописи» [18, с. 50]. «Реставрация» была проведена силами местных жителей без всякого участия профессиональных реставраторов. При этом в находящемся также в Карачаево-Черкесии бесхозном Сентинском храме древнейшие на территории России христианские фрески X-XI вв. продолжают погибать, просто облетая со стен здания [1, с. 10]. Но и там, где реставраторами вроде бы являются профессионалы, итог их работ также иногда представляется спорным. По словам Д.В. Белецкого и А.Ю. Виноградова, «Северный Зеленчукский храм был «зареставрирован» и в своем нынешнем состоянии практически недоступен для нового натурного исследования, хотя некоторые реконструированные элементы в нем вызывают большие сомнения» [1, с. 327]. Аналогичная ситуация, по словам тех же исследователей, с средневековым Дзигисским храмом в Северной Осетии: «в 1995 г. в результате реставрации его облик был частично изменен» [1, с. 260]. «Во время реставрации над наосом был возведен двускатный свод (из монолитного бетона?), но по недостатку данных сделано это было гипотетично, на основе спорных аналогий. В результате у постройки появилось практически не встречающееся у осетинских церквей ступенчатое завершение. В нынешнем виде храм внешне напоминает святилища Ингушетии» [1, с. 261].

Серьезные вопросы вызывает и восстановление восточной башни Анакопийской крепости в Новом Афоне в Абхазии (XI или XIV вв.), чьи загадочные и живописные руины были дополнены смотровой площадкой с угловыми зубцами. По заключению миссии Российского комитета ИКОМ (Международный совет музеев), «вопрос о целостном восстановлении данного памятника представляется весьма сложным и неоднозначным» [14]. Там же, в Новом Афоне, недавно разразился

очередной скандал, связанный с демонтажем директором местного музея исторического объекта конца XIX в. – внутриапсидной стенки, выложенной из около 80 фрагментов ценнейших средневековых рельефов. Разрушение объекта было произведено из благих побуждений, с целью спасти древние памятники от вандалов и грабителей, поместив их в экспозиции музея. При этом демонтаж стено-лапидария был произведен поспешно, бесконтрольно, а изъятые рельефы не были заменены копиями. Соответственно, начавшийся через несколько месяцев после изъятия рельефов скандал [6; 7; 23] вовлек в свою орбиту не только абхазских археологов и специалистов, но и некоторых российских экспертов, и был с воодушевлением использован в соседней Грузии как пример варварского отношения абхазов к объектам историко-культурного наследия. Необходимо, конечно, учитывать, что во многих случаях приходится выбирать между гибелью памятника от естественных причин и его фактическим уничтожением в ходе непрофессиональной реставрации.

Наконец, серьезной проблемой является постепенная и идущая практически на глазах гибель старой застройки исторических городов Кавказа, в первую очередь, Владикавказа и Краснодара, сохранивших наиболее обширный дореволюционный жилой фонд. Здания доживают свой век, требуя капитального ремонта и благоустройства, но подвергаясь, в большинстве случаев, тотальной перестройке. Особенно быстро и заметно уходят малые формы – решетки балконов, козырьки подъездов, двери, оконные переплеты и т.д. Сохранением этой части историко-культурного наследия, по сути, никто не занимается.

Как видим, сохранение историко-культурного наследия Северного Кавказа, как и Российской Федерации в целом, стоит перед серьезнейшими вызовами и проблемами и позитивная динамика на сегодняшний день почти, за небольшими исключениями, не просматривается.

Использованная литература:

1. Белецкий Д. В. Виноградов А. Ю. Нижний Архыз и Сенты: древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алании и Северо-западного Кавказа. М.: Индрик, 2011.

References:

1. Beletskiy, D. V. and Vinogradov, A. Yu., *Nizhniy Arkhyz i Senty: drevneyshie khramy Rossii. Problemy khristianskogo iskusstva Alanii i Severo-zapadnogo Kavkaza* (Nizhny Arkhyz and Senty: the Oldest Temples of Russia.

- <http://icom-russia.com/upload/iblock/b62/b62f1f3c421115fa3ce9e1bc7164edc8.pdf> (дата обращения 24.09.16).
15. Мусин А. Е. Вопиющие камни. Русская церковь и культурное наследие России на рубеже тысячелетий. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 371 с.
16. Незаконные раскопки и археологическое наследие России. Материалы круглого стола, проведенного редакцией и редколлегией журнала «Российская археология» // Российская археология. 2002. № 4. С. 81-82.
17. Подсудная реставрация [Электронный ресурс] // «Хранители наследия», 26.01.2017. URL: <http://hraniteli-nasledia.com/articles/bedstviya/podsudnaya-restavratsiya/> (дата обращения 27.01.17).
18. Рысин М.Б. Мониторинг памятников на территории Карачаево-Черкесской Республики в 2003-2009 гг. // Археологические памятники России: охрана и мониторинг. Группа археологического мониторинга ИИМК РАН (2001-2010): сб.ст. СПб.: Инфо Ол, 2012. С. 37-51.
19. Рысин М. Б., Субботин А.В., Красниенко С.В. О разграблении памятников археологии в Карачаево-Черкессии // Российская археология. 2003. № 3. С. 172-175.
20. Скаков А. Ю. «Черная археология» в Абхазии // Международный художественный бизнес в контексте глобализации: материалы Всеросс. науч.-практ. конфер., (Санкт-Петербург, 25 января 2007 г.). СПб.: Санкт-Петербургский гуманитар. ун-т профсоюзов, 2007. С. 57-61.
21. Скаков А. Ю. Как памятники становятся инструментами политики [Электронный ресурс] // Sputnik Абхазия, 23.11.2015. URL: <http://sputnik-abkhazia.ru/analytics/20151123/1016389956.html> (дата обращения 23.09.14).
22. Скаков А.Ю. Обзор новых находок кобано-колхидских орнаментированных топоров //Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа: материалы междунар. науч. конфер., посвященной памяти Марии Николаевны Погребовой (Москва, 25-27 апреля 2016 г.). М.: Институт востоковедения Рос. акад. наук, 2016. С. 229-241.
23. Тхайцук Томас. Ученый спор о храме и ресторане [Электронный ресурс] // Sputnik Абхазия, 20.01.2017. URL: <http://sputnik-abkhazia.ru/Abkhazia/20170120/1020260902/uchenyj-spor-o-xrame-i-restorane.html> (дата обращения 21.01.17).
24. Церковь и культура: взаимодействие или конфронтация. Дискуссия // Историческая экспертиза. Журнал рецензий. 2015. № 4(5). С. 162-209.
25. Чекмарев А.В. Вандализм из благих побуждений. Об актуальных проблемах охраны и восстановления памятников церковной архитектуры // Русская усадьба: сб. Общества изучения русской усадьбы. Вып. 20 (36). СПб.-М.: Коло, 2015. С. 601-630.
- Skvortsov, E. N., Comp., Kaliningrad; Kursk: Kaliningradskiy oblastnoy istoriko-khudozhestvennyy muzey, Kurskiy gosudarstvennyy oblastnoy muzey arkheologii, 2010, Rossiyskaya arkheologiya, 2012. no. 3, pp. 171-176.
13. Mimokhod, R. A., Skakov, A. Yu. and Kleshchenko, A. A., Mogil'nik epokhi rannego zheleza Veseloe 2 (predvaritel'naya publikatsiya) (Burial Ground of the Era of the Early Iron Age Veseloe 2 (preliminary publication)), in *Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy: goroda, poseleniya, mogil'niki*, vol. 17, Cheboksary: Perfektum, 2015, pp. 78-99.
14. Missiya IKOM Rossii v Respublike Abkhaziya (Mission of ICOM of Russia in the Republic of Abkhazia), *Vesti IKOM*, 2012, no.2. URL: <http://icom-russia.com/upload/iblock/b62/b62f1f3c421115fa3ce9e1bc7164edc8.pdf>. Accessed September 24, 2016.
15. Musin, A. E., *Vopiyushchie kamni. Russkaya tserkov' i kul'turnoe nasledie Rossii na rubezhe tysyacheletiy* (Screaming Stones. Russian Church and Cultural Heritage of Russia at the Turn of the Millennium), Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2006.
16. *Nezakonnye raskopki i arkheologicheskoe nasledie Rossii. Materialy kruglogo stola, provedennogo redaktsiyey i redkollegiyey zhurnala «Rossiyskaya arkheologiya»* (Illegal Excavation and Archaeological Heritage of Russia. Materials of the Round Table Held by the Editorial Board and Editorial Council of the Magazine "Russian Archeology"), Rossiyskaya arkheologiya, 2002, no. 4, pp. 81-82.
17. *Podsudnaya restavratsiya* (The Litigation Restoration), in *„Khraniteli naslediya“*, January 26, 2017, URL: <http://hraniteli-nasledia.com/articles/bedstviya/podsudnaya-restavratsiya/>. Accessed January 26, 2017.
18. Rysin, M. B., *Monitoring pamyatnikov na territorii Karachaev-Cherkesskoy Respubliki v 2003-2009 godakh* (The Monument Monitoring in the Territory of the Karachaev-Cherkess Republic in 2003-2009), in *Arkheologicheskie pamyatniki Rossii: okhrana i monitoring. Gruppy arkheologicheskogo monitoringa Instituta istorii material'noy kul'tury RAN (2001-2010)*, Saint Petersburg: Info-Op, 2012, pp. 37-51.
19. Rysin, M. B., Subbotin, A. V. and Krasnienko, S. V., *O razgrablenii pamyatnikov arkheologii v Karachaev-Cherkessii* (On the Plundering of Archeological Monuments in Karachay-Cherkessia), Rossiyskaya arkheologiya, 2003, no. 3, pp. 172-175.
20. Skakov, A. Yu., «Chernaya arkheologiya» v *Abkhazii* ("BlackArcheology" in Abkhazia), in *Mezhdunarodnyy khudozhestvennyy biznes v kontekste globalizatsii: Proc. All-Russian Sci. Pract. Conf. (Saint Petersburg, January 25, 2007)*, Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gumanitarnyy universitet profsoyuzov, 2007, pp. 57-61.
21. Skakov, A. Yu., *Kak pamyatniki stanovyatsya instrumentami politiki* (How Monuments Become the Tools of Politics), Sputnik Abkhaziya, November 23, 2015. URL: <http://sputnik-abkhazia.ru/analytics/20151123/1016389956.html>. Accessed September 23, 2014.
22. Skakov, A. Yu., *Obzor novykh nakhodok kobano-kolkhidskikh ornamentirovannykh toporov* (Survey of New Finds of the Kobano-Kolkhid Ornamented Axes), in *Kavkaz i step' na rubezhe epokhi pozdney bronzy i rannego zheleza: Proc. Int. Sci Conf. Devoted to the Memory of Maria N. Pogrebova (Moscow, April 25-27, 2016)*, Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, 2016, pp. 229-241.

23. Tkhaytsuk, T., Uchenyy spor o khrame i restorane (Scientific Dispute about the Temple and the Restauration), *Sputnik Abkhaziya*, January 20, 2017. URL: <http://sputnik-abkhazia.ru/Abkhazia/20170120/1020260902/uchenyyj-spor-o-xrame-i-restorane.html>. Accessed January 20, 2017.

24. Tserkov' i kul'tura: vzaimodeystvie ili konfrontatsiya. Diskussiya (Church and Culture: Interaction or Confrontation. Discussion), *Istoricheskaya ekspertiza. Zhurnal retsenziy*, 2015, no. 4(5), pp. 162-209.

25. Chekmarev, A.V., Vandalizm iz blagikh pobuzhdeniy. Ob aktual'nykh problemakh okhrany i vosstanovleniya pamyatnikov tserkovnoy arkhitektury (Vandalism of Good Motives. On the Actual Problems of the Protection and Restoration of Monuments of Church Architecture), in *Russkaya usad'ba: Sel. Pap. of the Society of Studying Russian Manor*, vol. 20 (36), Saint Petersburg; Moscow: Kolo, 2015, p. 601-630.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Скаков, А. Ю. Перспективы сохранения историко-культурного наследия народов Северного Кавказа: вызовы и угрозы [Электронный ресурс] / А. Ю. Скаков // Наследие веков. – 2016. – № 4. – С. 36–44. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/12/2016_4_Skakov.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Skakov, A. Yu., Perspektivy sokhraneniya istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Severnogo Kavkaza: vyzovy i ugrozy (Perspectives of the Preservation of the Historical and Cultural Heritage of the Peoples of the Northern Caucasus: Challenges and Threats), *Nasledie vekov*, 2016, no. 4, pp. 36-44. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/12/2016_4_Skakov.pdf

КУЧУКОВА Зухра Ахметовна

доктор филологических наук,
профессор кафедры русской и зарубежной литератур
Кабардино-Балкарского государственного университета
им. Х. М. Бербекова,
Нальчик, Россия

Zukhra A. KUCHUKOVA

Dr. Sci. (Literature of the Peoples of the Russian Federation),
Prof., Department of Russian and Foreign Literatures
Kabardino-Balkarian State University,
Nalchik, Russia
kuchuk60@list.ru

Эстетика «черного юмора» в романе Ремарка «На Западном фронте без перемен»

Автор статьи исследует особенности «черного юмора» как мировоззренческой категории на материале романа Ремарка «На Западном фронте без перемен». Главное предназначение ремарковского поливариативного «черного юмора» – защитить сознание солдата от деструктивного абсурда жестокой войны.

Ключевые слова: немецкая литература, потерянное поколение, Ремарк, антивоенный роман, черный юмор, алогизм, абсурд.

The Aesthetics of «Black Humor» in Remarque's Novel «All Quiet on the Western Front»

The author examines the characteristics of “black humor” as a worldview category presented in the Remarque’s novel “All Quiet on the Western Front”. The main purpose of Remarque’s polyvariative «black humor» is to protect the soldier’s mind from destructive absurdity of the brutal war.

Keywords: German literature, «lost generation», Remarque, anti-war novel, black humor, alogism, absurd.

Немецкий писатель Эрих Мария Ремарк (1898–1970) – один из летописцев «потерянного поколения», в чьем творчестве своеобразное и многомерное преломление получает эстетика «черного юмора». В настоящей работе мы поставили перед собой задачу исследовать внутреннюю природу и функциональные особенности «черного юмора» в художественном мире Ремарка. Поле своего исследования

мы ограничили текстом романа «На Западном фронте без перемен», учитывая, что именно в этом произведении наиболее рельефно проявляется мировидение представителей «потерянного поколения», созерцающих мир сквозь очки «черного юмора».

«Черный юмор» – категория, слабо разработанная в науке о литературе. Среди работ, посвященных исследованию внутренней

*Эрих Мария Ремарк (1898-1970),
фото 1928 г.*

природы «черного юмора», можно выделить труд Л. Черниченко «Черный юмор как форма модернистского романа» [6], а также две научные статьи о «черном юморе» в «Литературной Энциклопедии терминов и понятий» [3]. Анализ этих теоретических работ показывает имеющееся разночтение в трактовке статуса «черного юмора» различными авторами. По мнению одних теоретиков, «черный юмор» является обозначением специализированной литературной школы в США. Другие квалифицируют «черный юмор» как составную часть постмодернизма, имеющего много сходных черт с явлением романтической иронии. Наша концептуальная точка зрения сводится к тому, что понятие «черный юмор» – категория мировоззренческого характера, приближенная к поэтологическому понятию.

В этом нас убеждает тот факт, что Ремарк не является ни представителем американской школы «черного юмора», ни сюрреалистом в классической его форме. Но, тем не менее, как художник, он является одним из самых актив-

ных «генераторов» черного юмора в литературе двадцатого столетия. Именно этот фактор дает нам основание считать, что черный юмор, помимо обозначенных в «Литературной Энциклопедии» функциональных ролей, служит еще и как поэтологическая категория, выражающая мировоззренческие особенности летописцев «потерянного поколения».

Изучив весь юмористический дискурс романа «На Западном фронте без перемен» мы пришли к выводу, что «черный юмор» Ремарка – явление далеко не однозначное, а скорее многомерное, многогранное, меняющееся как по «степени окрашенности», по атрибутивным признакам, так и по функциональной роли в разных художественных ситуациях.

Чаще всего в произведениях Ремарка «черный юмор» высекается на пересечении бинарных линий двоемирия: с одной стороны, официальная истина, а с другой, народный взгляд на войну, войну бессмысленную и абсурдную. Представители «потерянного поколения», используя гротеск, каламбур, иронию, сарказм, насмешку, опрокидывают санкционированную, растиражированную, официальную истину о войне. Эта форма смеха чаще всего направлена против военных чиновников, которые издают красивые уставы и приказы на бумаге и плохо себе представляют, как они абсурдно выглядят в обстановке боевых действий.

К примеру, герой Ремарка, пародируя чрезмерный абсолютизм военных приказов, молодежато спрашивает у офицера: «Разрешите выйти из строя? Дозвольте отправиться на тот свет!». В этом экспрессивном монологе Кроппа, направленном против мании величия армейских чиновников, содержится завуалированная философия дегуманизации человека на войне. Условия войны приводят к нейтрализации личностного начала в сочетаниях «человек-солдат» и «человек-офицер» с одновременным раздуванием до невероятных размеров официального начала в человеке. Фигура военачальника пародийно доводится до размеров божества, властелина мира, он чуть ли не претендует на роль Всевышнего, который будет решать, «кому отправиться на тот свет, а кому – нет». В понятии же «солдат» раздувается «подчинительная семантика», согласно которой рядовой не имеет права даже

на смерть без разрешения командира. Можно сделать вывод о том, что во многих ситуациях, где сталкиваются солдат и чиновник, эстетика «черного юмора» рождается из-за перевеса формы над содержанием, перевеса социального статуса над природно-человеческим.

Нередко источником «черного юмора» становится смещение привычной системы ценностей. Давая оценку военному миропорядку, Пауль Боймер замечает: «Начищенная пуговица важнее, чем целых четыре тома Шопенгауэра» [5, с. 19]. Вот другие его афоризмы, порожденные эстетикой «черного юмора»: «здесь все решает не разум, а сапожная щетка»; «здесь все решает не мысль, а заведенный некогда распорядок»; «через неделю нам казалось непостижимым, что офицер имеет над нами больше власти, чем все носители человеческой культуры от Платона до Гете, вместе взятые» [5, с. 20].

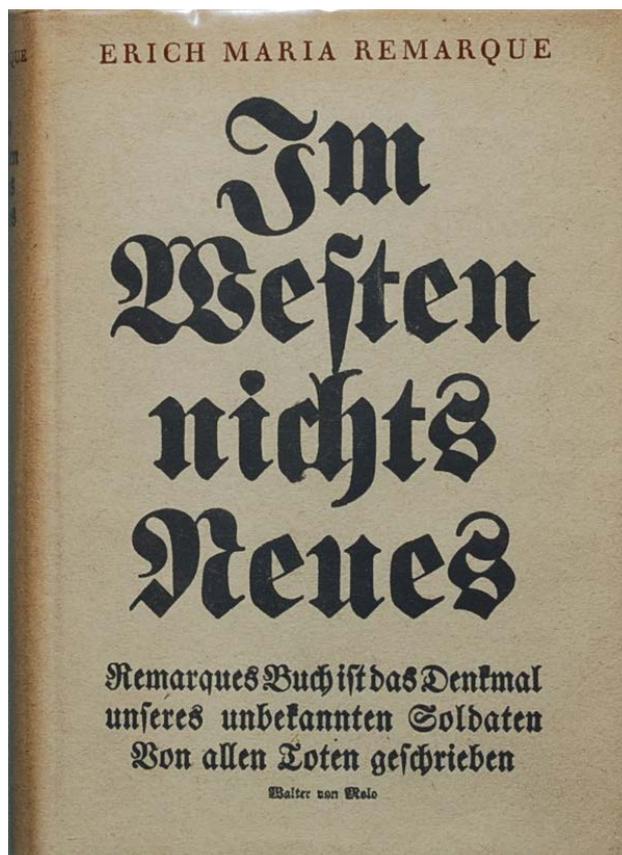
Молодые люди не только высмеивают войну, но, находясь в эстетическом поле «черного юмора», ищут альтернативу войне. «В противоположность Кату Кролл – философ. Он предлагает, чтобы при объявлении войны устраивалось нечто вроде народного праздника, с музыкой и с входными билетами, как во время боя быков. Затем на арену должны выйти министры и генералы враждующих стран, в трусиках, вооруженные дубинками, и пусть они схватятся друг с другом. Кто останется в живых, объявит свою страну победительницей. Это было бы справедливее, чем то, что делается здесь, где друг с другом воюют совсем не те люди» [5, с. 31].

Классик французской литературы Ф. Рабле одним из первых в мировой культуре высмеял абсурдность войны вообще как социально-политического явления. В романе «Гаргантюа и Пантагрюэль» описывается, как феодальный король Пикрохол задумал пойти с войной на владения Грангузье. Начав с него, он желает покорить Испанию, Африку, Ликию, Фригию, Россию, Турцию, – одним словом, желает овладеть всем миром. Один из дворян при этом невинно осведомляется, каков будет конец их трудов и походов? «Конец будет таков, – отвечает Пикрохол, – что по возвращении мы как следует отдохнем». На что дворянин резонно замечает: «Не лучше ли нам отдохнуть прямо сейчас, не ввязываясь во все

эти похождения?» [4, с. 100]. Здесь великолепно показана абсурдность философии войны. Автор берет хорошо известную мысль о войне, добросовестно следуя законам внутреннего развития этой мысли, доводит ее до логического конца и показывает, что концом являются тупик и абсурд.

Данная раблезианская идея о войне находит художественное воплощение и у Ремарка. Рефлексирующие герои немецкого писателя часто размышляют о войне, пытаются докопаться до ее сути и объяснить ее первопричину. И каждый раз нить размышлений приводит их к тому же абсурду. Так, пытаясь вскрыть истоки войн, Альберт говорит: «Чаще всего войны возникают от того, что одна страна наносит другой тяжелое оскорбление. Ему возражает Тьяден, уверяя своего оппонента в том, что «не может гора в Германии оскорбить гору во Франции, или река, или лес, или пшеничное поле» [5, с. 133].

Ю. Борев, исследуя природу комического, пишет: «Сущность комического – в про-

«На Западном фронте без перемен», обложка первого издания романа, издательство Ullstein Verlag, Берлин, 1929 г.

тиворечии. Комизм – результат контраста, разлада, противостояния: безобразного – прекрасному, ничтожного – возвышенному, нелепого – рассудительному, бесконечной предопределенности – бесконечному произволу, автоматического – живому, ложного, мнимо основательного – значительному, прочному и истинному, внутренней пустоты – внешности, притягающей на значительность, низсреднего – вышесреднему. В комическом присутствуют два противоположных начала, первое из которых кажется положительным и привлекает к себе внимание, но на деле оборачивается отрицательным свойством» [2, с. 83].

Наилучшей художественной иллюстрацией теоретических положений Ю. Борева служит эпизод из романа, где отправляющиеся в наступление солдаты, «проезжая мимо разбитой снарядами школы», видят вдоль ее фасада сложенные штабелями «новенькие светлые неполированные гробы, пахнущие смолой, сосновым деревом и лесом». Комментируя увиденное, солдаты острят по поводу гуманного правительства, которое так сильно заботится о солдатах, что для каждого заготовило «новенький светлый гроб». Здесь искра «черного юмора» высекается инверсионными играми оппозиционных точек бинара, где сверхзаботливость на самом деле означает равнодушие; природное, добротное – физическую кончину; свет – могильную тьму.

В том же поле «черного юмора» находится и история с сыром, которую рассказывает Пауль Боймер. «На следующий день нам выдают сыр. Каждый получает почти по четверти головки. С одной стороны, это хорошо, потому что сыр – вкусная штука, но, с другой стороны, это плохо, так как до сих пор эти большие красные шары всегда были признаком того, что нам предстоит попасть в переплет. После того, как нам выдали еще и водку, у нас стало еще больше оснований ждать беды» [5, с. 70]. С точки зрения здравого смысла получать деликатесы – благо, но здесь все вывернуто наизнанку и имеет особую подоплеку с поправкой на абсурдные законы войны.

Совсем другой оттенок приобретает ремарковский «черный юмор» в системе коммуникативного поведения героев с родными, близкими, особенно матерями, чьи просьбы,

наставления, предостережения выглядят трагикомичными, с точки зрения солдат действующей армии. Это так называемый грустный, лиричный «черный юмор», рождающийся на пересечении двух правд: правды войны и материнской правды, а также «экзистенциальной неуместности» материнской тревоги в условиях военной обстановки. Показательным является эпизод, связанный с Кеммерихом. В момент, когда молодые солдаты стоят возле кровати умирающего одноклассника, Пауль Боймер из глубины своей памяти выуживает фразу, сказанную матерью Кеммериха: «Ты уж там присмотри за моим сыночком на фронте!» [5, с. 121]. Само по себе это высказывание, казалось бы, не содержит налета «черного юмора», однако, попав в контекст военной обстановки, оно приобретает «черную» окраску. «Но как прикажете присматривать за человеком, если он на фронте!» – в сердцах восклицает Пауль Боймер. Приведенный пример мы относим к так называемому контекстуальному «черному юмору», под которым подразумевается трансформация нейтральных слов и выражений, приобретающих в условиях абсурда войны абсурдный характер.

Алогизм – составная часть «черного юмора», высекающая смех из несоизмеримости, несоответствия объекта оценки и системы оценки. Значимость вещи (предмета, явления, человека) судится, исходя не из ее внутренних законов, а с применением мерил совершенно иной плоскости. В эстетической системе Ремарка нередка ситуация, когда сталкиваются две разные системы ценностей: военного времени и мирного. Реалии мирного времени судятся с привлечением системы оценок военного времени или наоборот. Происходит неизбежный аксиологический сдвиг, порождающий эстетику «черного юмора».

Самый характерный пример из романа «На Западном фронте без перемен»: Пауль Боймер с друзьями смотрят на изображение девушки на довоенной афише и начинают осуждать плохое качество ее обуви, «в которой и одного километра не прошагаешь» [5, с. 95]. Характерно, что повествователь в заключительной части этого эпизода сам оперирует словом «нелепо», подтверждая нашу мысль о том, что источником «черного юмора» часто является нелепость, абсурд.

Однопорядковый пример встречается на страницах романа «Три товарища»: Роберт Камп, глядя на розовощекого карапуза, произносит фразу, которую мог произнести только представитель «потерянного поколения». Он говорит: «Интересно, к какой войне он созреет?». В этом риторическом вопросе содержится эстетика смещенной аксиологии – все судится мерилom войны, а представитель мужского пола ассоциируется у представителя «потерянного поколения» только с тематикой войны.

Много общего обнаруживается между Рабле и Ремарком в использовании мотивов и образов, связанных с телесным низом: непристойности, органично звучащие в устах солдат, выражения типа «прищурил задницу», подробные описания похода воинов в импровизированную уборную, яркие сцены переправы бойцов «в костюме Адама» к французенкам на другой берег, любовные свидания, не лишённые физиологических подробностей. И все это на фоне войны, перед лицом смерти.

Отталкиваясь от книги М. Бахтина «Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса», можно дать объяснение ремарковским микросюжетам телесного низа. По Бахтину «круг мотивов и образов обратного лица и замещение верха низом теснейшим образом связан со смертью и преисподней» [1, с. 418]. Все эти перевертыши можно истолковать как вариации карнавального ада и все они в той или иной степени включают в себя момент побежденного смехом страха.

«Народная культура прошлого всегда, на всех этапах своего тысячелетнего развития, стремилась победить смехом, протрезвить, перевести на язык материально-телесного низа (в амбивалентном значении) все узловые мысли, образы и символы официальных культур. Космический страх и связанные с ними образы мировых катастроф и эсхатологических теорий, культивируемые в системах официального мировоззрения, находили смеховой эквивалент в образах карнавальных катастроф, пародийных пророчеств и т.п., освобождавших от страха, приближавших мир к человеку, улегчавших время и его ход, превращавших его в праздничный ход веселого времени смен и обновлений» [1, с. 436].

Ремарк, как и Рабле, показывает разномирность двух культур, двух мировоззрений: официальной и народной. Язык телесного низа – это своеобразный мировоззренческий суд, которым солдаты, выходцы из гущи народной судят официальных представителей милитаристского мира. Народная культура, воплощенная в лексиконе, поведенческой стилистике ремарковских солдат, стремится победить смехом предельный ужас мрачной серьезности войны. А в смешных любовных сценах, на наш взгляд, бесплодной сущности войны противопоставляется всепобеждающая витальная сила любви, жизнепорождающая и бесстрашная. Образы телесного низа в произведениях Ремарка становятся образом побежденного смехом страха, притом двойного: перед адом войны, смертью, с одной стороны, а с другой, – перед официальной властью. Это ответ солдатского «карнавального» сознания на экзистенциальный страх. Раблезианским веселым смехом пронизано также описание веселого пиршества с жареным гусем.

У войны множество страшных спутников, среди которых опаснейшее место занимает проблема педикулеза. Есть некий онтологический закон, согласно которому вши появляются там, где образовалась брешь в системе здорового человеческого бытия, то есть там, где есть болезни, нищета, голод, война. По воспоминаниям многих ветеранов войны, «и пули не так страшны, и бомбы, и мины, как эти омерзительные кровососы, особенно когда они заползают под гипс». Герои Ремарка и от этой напасти спасаются посредством юмора, «веселым нигилизмом» снимая трагическую сторону страшного клинического явления.

Для того чтобы прояснить сущность «карнавального ответа», приведем один микробраз. Давая характеристику Кантореку, представителю военного начальства, солдат Миттельштедт говорит: «Жаль, что ты не видел, какое у него было лицо! Нечто среднее между соленым огурцом и неразорвавшимся снарядом» [5, с. 115]. Сравнение грозного военного оружия (снаряд) с овощем, спроецированное на личность военачальника, ментально снижает как образ войны, так и ее официального представителя. Смех, рожда-

ющийся из сравнения, направлен против тотального страха перед смертоносной войной и репрессивного страха перед начальством.

Важное место в смеховой стихии романов Ремарка занимает и совсем другого рода смех – смех бичующий, изобличающий, сатирический, призванный высмеять недобросовестных и непрофессиональных военачальников. Свои сатирические стрелы герой Ремарка направляет в адрес военных врачей и военных чиновников. Вот один из анекдотов, «обошедших весь фронт от Вогезов до Фландрии, – анекдот о военном враче, который читает на комиссии фамилии по списку и, не глядя на подошедшего, говорит: «Годен. На фронте нужны солдаты». К нему подходит солдат на деревяшке, врач опять говорит: «Годен». И тогда солдат отвечает ему: «У меня уже есть деревянная нога, но, если вы меня пошлете на фронт и мне оторвут голову, я закажу себе деревянную голову и стану врачом» [5, с. 178]. Судя по приведенному отрывку, «черный юмор» Ремарка может приобретать и такую сатирическую окраску. Здесь налицо его обли-

чительный характер, направленный против конкретного социального зла.

По ходу анализа романа мы обращали внимание и на тот уровень смеховой культуры, который таится в ненормативных лексических единицах, иносказаниях, зооморфных сопоставительных образах (дерьмо, дрыгалка, драпать, дисциплинка, прищурить задницу, котятка, щенята, бараны, зайцы, старый хомяк, быки), которые работают на снижение образа войны вообще.

Таким образом, наш основной вывод: в художественной системе классика немецкой литературы Э. М. Ремарка мы встречаем целый спектр оттенков «черного юмора»: экзистенциальный хохот, тонкую иронию, мудрую улыбку, карикатурный смех, строгую сатиру, колючую иронию, грустный юмор, озорной комизм, кривую скептическую улыбку и т. д. В совокупности вся эта гамма оттенков «черного юмора» складывается в единый карнавальнo-мировоззренческий смех, который отрицает несовершенство бытия во имя гармоничного общества, где нет места войнам.

Использованная литература:

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990.
2. Боров Ю. Б. Эстетика. 4-е изд. М.: Политиздат, 1988.
3. Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2003.
4. Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. М.: Правда, 1991.
5. Ремарк Э. М. Избранные произведения в 2-х томах. Кишинев: Литература артистикэ, 1979. Т. 1.
6. Черниченко Л. Л. «Черный юмор» как форма модернистского романа // Современный роман: Опыт исследования. М.: Наука, 1990. С. 245-255.

References:

1. Bakhtin, M. M., *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* (Creative Work of Francois Rabelais and Popular Culture of the Middle Ages and the Renaissance), Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1990.
2. Borev, Yu. B., *Estetika* (Aesthetics), 4th ed., Moscow: Politizdat, 1988.
3. *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy* (Literary Encyclopedia of Terms and Concepts), Nikolyukin, A. N., Ed., Comp., Moscow: Intelvak, 2003.
4. Rabelais, F., *Gargantuya i Pantagryuel'* (Gargantua and Pantagruel), Moscow: Pravda, 1991.
5. Remarque, E. M., *Izbrannyye proizvedeniya* (Selected Works), in 2 vols., Chisinau: Literatura artistike, 1979. vol. 1.
6. Chernichenko, L. L., «Chernyy yumor» kak forma modernistskogo romana («Black humor» as a form of a modernist novel), in *Sovremennyy roman: Opyt issledovaniya*, Moscow: Nauka, 1990, pp. 245-255.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Кучукова, З. А. Эстетика «черного юмора» в романе Ремарка «На Западном фронте без перемен» [Электронный ресурс] / З. А. Кучукова // Наследие веков. – 2016. – № 4. – С. 45-50. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/12/2016_4_Kuchukova.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Kuchukova, Z. A., *Estetika «chernogo yumora» v romane Remarka «Na Zapadnom fronte bez peremen»* (The Aesthetics of «Black Humor» in Remarque's Novel «All Quiet on the Western Front»), *Nasledie Vekov*, 2016, no. 4, pp. 45-50. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/12/2016_4_Kuchukova.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

РЯГУЗОВА Людмила Николаевна

доктор филологических наук,
профессор кафедры русской литературы,
теории литературы и критики
Кубанского государственного университета,
Краснодар, Россия

Lyudmila N. RYAGUZOVA

Dr. Sci. (General Linguistics, Sociolinguistics, Psycholinguistics), Prof.,
Department of Russian Literature, Literature Theory and Criticism
Kuban State University,
Krasnodar, Russia,
r-margo79@mail.ru

Мотивы «изгнания» в публицистике В. В. Набокова

В статье сопоставляется выражение мотива «изгнание» в публицистическом и художественном дискурсе Набокова в аспекте ассоциативно-семантического анализа. Мотив изгнания проходит через большинство тем, отраженных в творчестве Набокова, при этом художественная проблематика эмигрантского бытия в образной форме реализуется во многих набоковских текстах. Рассмотрены понятия («изгнание», «эмигранты»), которые получают индивидуально-авторское выражение в прозе и публицистике писателя и раскрываются через ассоциативный ряд определений. Автор делает вывод о том, специфические образные представления и их индивидуально-авторское выражение в идиостиле и понятийной системе Владимира Набокова служат познанию языковой структуры текста, поэтического мира писателя и связанных с ним проблем самоидентификации (социальной и творческой).

Ключевые слова: В. Набоков, литература, русское зарубежье, публицистика, эмиграция, изгнание, концепт, мотив.

Motives of “Exile” in Vladimir V. Nabokov’s Publicism

The author of the article compares the expression of the motive “exile” in Nabokov’s publicistic and literary discourse in the aspect of associative-semantic analysis.

The motive of an exile runs through the most of the topics reflected in the works of Nabokov, and also the artistic problems of the emigrant’s being implemented in many of Nabokov’s texts. The concepts (“exile”, “immigrants”), which receive individual expression in the prose and journalism of the writer and disclosed through the array of associative definitions are considered. The author concludes that the specific figurative representations and their individual expression in Nabokov’s idiosyncratic and conceptual system help to study the linguistic structure of the text, the writer’s poetic world and the social and creative identity problems associated with it.

Keywords: Vladimir Nabokov, literature, Russian abroad, journalism, immigration, exile, concept, motive.

Ассоциативно-семантический анализ, или «вивисекция» слова в индивидуально-авторской мифологии Набокова – привлекательная тема для исследователей его творчества. В манере концептуального анализа Набоков поясняет в лекциях по литературе значение некоторых слов и понятий, например: «измена», «истина», «пошлость», «искусство», «буржуазный», «сентиментальность», «романтизм», «здоровый смысл» и др. Он описывает их

через систему наиболее общих, абстрактных обозначений, по терминологии писателя, – «слов-указателей», или «кодовых фраз». Некоторые его высказывания по форме близки к определениям, являются денотатом, другие воспринимаются как дополняющие его коннотации, обретающие в сознании читателя почти терминологический смысл. В духе ассоциативно-семантического анализа представлено в романе «Подвиг» слово «изгнание» – это

блаженство, духовное одиночество, дорожные волнения героя-эмигранта (вольного странника), жизнь которого обернулась счастливым и мучительным путешествием.

Эмиграцию исследователи творчества писателя рассматривают как жизненный объект, чреватый возможностями семиотизации и преобразования в объект искусства или источник литературных мотивов и образов [5]. Ассоциативно-семантическое поле концепта «эмиграция» и его эмоциональный фон у Набокова включает индивидуально-авторские коннотации и оттенки, особенно в лирике и художественной прозе (название романа «Другие берега» стало эмблемой мемуарной прозы эмиграции). З. Зиник назвал книгу о зарубежье многозначительно: «Эмиграция как литературный прием» [4]. Семантические эквиваленты и эмоциональные оттенки понятия «эмиграция» в литературе русского зарубежья, как известно, различны: это *великий исход*, особая «*миссия*» (И. А. Бунин), «*послание*» (З. Гиппиус), «*чужбина*», «*изгнание*», «*вынужденная эмиграция*» (З. Шаховская), «*странничество*», «*двойной вид на жительство*» в одной культуре и другой, «*убежище*» (М. Алданов), «*подвиг изгнания*», «*пустыня изгнания*» (Д. Мережковский). В эссе «Юбилей» (1927) Набоков сформулировал новое самосознание эмиграции как творческой свободы. Не проклиная «изгнание», он повторяет слова античного воина, который в пустынной земле разбивал палатку, и палатка была его Римом. В читательском сознании сложился легендарный образ космополита, пересекающего страны и континенты. В критике закрепилось представление о «двойном изгнании» Набокова и соответственно трансформации его образа: Годунов-Чердынцев якобы эмигрировал в Америку, сменил имя на Гумберта Гумберта, стал приемным отцом Лолиты [4, с. 160–179].

В героях романов Сирина видели, как правило, эмигрантское завершение типа русского *скитальца* (с его бегством от определенности, устойчивости). М. Осоргин, напротив, не сводил проблематику Сирина к теме «беженства». Древняя, гомеровская тема *изгнания/возвращения* воспринимается Л. Улицкой, в частности, через некий внутренний литературно-биографический параллелизм Набокова с «Улиссом» Джойса («Священный мусор»).

Онтологический подход к ситуации изгнания (топографического, лингвистического, духовного) в автобиографической прозе и поэзии, западноевропейское видение проблемы на примере творчества Набокова и Д. Джойса также рассматривается в книге С. Горациано «Автобиографическая поэтика Владимира Набокова в контексте русской и европейской культуры» [10]. В. Млечко прослеживает связь художественного дискурса «Современных записок» (1920–1940) и укорененного в коллективной ментальности «эмигрантского мифа», мифологем «изгнания», «возвращения», «возрождения»: мифологем Космоса (дореволюционная Россия), Хаоса (революционная Россия) и Возвращения (Россия в эмиграции как гарант утраченного Космоса) [6, с. 119–120]. В качестве циклической хронотопики, на его взгляд, выступает миф о вечном возвращении. Возвращение у Набокова описано в различных модальностях (просто возвращения, условного, чаемого будущего, модальности вопроса, перестройки топологии («Россия во мне»). Набоков являет собой пример аристократического, космополитического эмигранта, открытого миру.

Топос детства – потерянного рая – занимает особое место в художественном мышлении Набокова. Мифологизация и сакрализация детства – характерная черта прозы зарубежья и литературы модернизма («Котик Летаев» А. Белого, «Жизнь Арсеньева» И. Бунина, «Младенчество» В. Иванова, «Лето Господне», «Богомолье» И. С. Шмелева) [1]. Набоков наследует мистический ракурс темы, ее экзистенциальное измерение, мотив изгнания (первое изгнание – рождение, второе изгнание – из мира детства, третье – эмиграция) и в то же время видоизменяет традицию и восприятие ее ценностной системы. Тоску по утраченному раю детства, изживаемую на протяжении всей жизни, заменяет блаженство духовного одиночества и дар Мнемозины, обретаемый в изгнании.

Тема призрачного эмигрантского бытия реализуется в образной форме во многих художественных текстах Набокова-Сирина, например, в «Машеньке», где Ганин ощущает себя *кинematографической тенью* («*тень жила в пансионе, он же сам был в России*», его преследуют «*тени его изгнаннического сна*» и др.).

Доминирующей темой романа является «несуществование», «ничто», «пустота», «отказ», символизирующая изгнание из жизни и ситуацию «сна во сне». Ю. И. Левин рассматривает в структурно-семиотическом ключе сюжет романа «Машенька» через оппозиции *иллюзия / действительность*, когда реальность и иллюзорность в романе повисают в виде «семантических качелей», совершающих свои колебания от одной реальности к другой. Фабула построена на «отказах», выраженных в оппозициях *реализованное / нереализованное*. Вещественный мир и ощущения попеременно торжествуют друг над другом [5]. Многие герои Набокова, как известно, сохраняя особенности профессии и биографии, сливаются в единый образ *беглеца*, которого не отпускает память о далекой родине. Метатема русского и всемирного начал, конфликт между «я» героя и миром становится жизненно важным предметом исследования со стороны автора, который видит мир в ипостаси мира-чужбины, то есть рассматривает героя в изгнании, и форма эмиграции является лишь вынужденной картиной глобального изгнанничества человека, его утраты «земного рая», обретение которого в метаромане В. Набокова является лишь иллюзией обретения, становясь на самом деле его окончательной утратой. Ностальгия в собственном смысле слова смешивается с ностальгией по прошлому: «Местопребывания Я отделено от России двоякой границей: временной и социально-политико-географической (свое / чужое пространство). Я целиком укоренено в России своего прошлого и чуждо Европе, однако эта чуждость не абсолютна, ибо Я получил европейское воспитание и окружен реалиями – от английских и французских гувернанток и европейской литературы до трубочек английской зубной пасты» [5, с. 324]. «По отношению к пищеющему на трех языках Набокову слово эмигрант звучит комично», – справедливо замечала Н. Берберова [2, с. 305]. И можно добавить: постоянно говорившему о своем «интернациональном», «английском» детстве. Тем более, по убеждению Набокова, истинный писатель и читатель должны быть космополитами, так как подлинное искусство не имеет национальных границ.

Мотив изгнания концептуализируется в критическом дискурсе Набокова (в частности,

в публицистике, письмах). Этот материал менее приметен и популярен в кругу набоковедов, к тому же он позже стал доступен для прочтения. Набоков практически избегает слова «зарубежье», официальное и общее «эмиграция» чаще употребляется в письмах и интервью: «эра эмиграции», «вечный эмигрант» [9, с. 397]; «Монархисты и фашисты в культурном отношении не играли никакой роли в истории русской *эмиграции*» [8, с. 427]. «С 1920 по 1939 я был *эмигрантом* и писал на родном языке. После 1940 года я стал *гражданином США*, я горд тем, что считаюсь американским писателем» [3, с. 486]. У писателя свои представления о «вывезенной на экспорт русской душе» [9, с. 426].

В его свободной речевой рефлексии эмигранты – *изгнанники, изгои, привидения, беженцы, чужеземцы, «белые русские», белоэмигранты, вечные эмигранты*. Понятие «чужбина» (*нелюбимая обитель*) со временем изменяется (ср.: ностальгия Набокова по Америке, второй родине, приемной стране), как и статус эмигранта по мере институализации героев («Пнин», «Взгляни на арлекинов!»). Писатель изживает несколько инфантильное отношение к России вместе со своими героями, которые от романа к роману ассимилируют в иную среду.

Для Набокова «эмигранты были разбиты на такое же количество группировок и политических фракций, какое существовало в стране до большевистского режима» [9, с. 214]. Себя он относит к «*белым русским*»: «Исторически я сам из “белых” русских, поскольку все русские, покинувшие Россию в первые годы большевистской тирании из-за враждебного отношения к ней, как это сделала и моя семья, были и остаются “белыми” русскими в широком смысле слова» [9, с. 214]. Оттенок кастовости, геральдической гордости читается между строк.

Новая Россия для писателя олицетворяет «свет в окне тюремного надзирателя», «загон»: «Представители большевистской России изо всех сил старались убедить *эмигрировавших* писателей и художников вернуться обратно в *загон*» [9, с. 216]. *Изгнанничество* – состояние постоянного изгнания (ср.: от *изгонять, выгонять, высылать, удалять, принуждать к уходу*). Слова «изгон», «загон», по В. Далю,

имеют оттенок «обиды», «насилия» (стар. *опала, гонение*). *Изгнанный* (прош., страд.), *изгой* – человек, вышедший из своего прежнего социального состояния, удаленный, стоящий вне какой-либо среды, отвергнутый. Набокову близок тип художника – вечного изгнанника, в более конкретном смысле изгнание для художника обозначает лишь одно – запрет на его книги (вообще *искусство*, в его понимании, в широком смысле – *изгнание*).

Эмигранты (*эмиграция* от лат. *emigrare* – пребывание за пределами отечества вследствие вынужденного переселения) – инвариантное понятие; *изгой, привидения, беглецы* – варианты, наиболее ярко выражающие идею духовной бесприютности, изгнанничества, скитания: «*Беглец* из своей страны заслуживал большего презрения, будучи вне национальной администрации», «не все из нас соглашались быть *изгоями* или *привидениями*» [9, с. 369]. В лексическом отношении само эмигрантское бытие характеризуется как *чужбина / изгнание*. Самые разные предметы и реалии наделяются атрибутами «чужой». Само Я охарактеризовано (например, в лирике) как *странник, скиталец, паломник, проезжий, праздный, изгнанник, бродяга бездомный* и др.

Тема изгнания, таким образом, для Набокова имеет глубокий подтекст. В одном из интервью на вопрос корреспондента, какие темы, помимо темы *изгнания, чужбины, бездомности*, волнуют его как писателя, Набоков отвечал: «Я чувствую себя *чужеземцем* повсюду и всегда, это мое состояние. Мое амплуа, моя жизнь. Я *дома* лишь в воспоминаниях, очень личных, подчас не имеющих никакой связи с *географической, национальной, физической, политической Россией*» [9, с. 399]. К новой России у писателя не было материальных претензий, он испытывал ностальгию по стране своего утраченного детства. Став знаменитым, свое изгнание он воспринимал как потерю для России, не для себя. В политических статьях В. Д. Набокова о критике евразийства встречается ироническая оппозиция *туземная / европейская* (романо-германская) культура [7, с. 412]. Слово «туземная» парадоксальным образом связано с родной культурой, у В. В. Набокова «чужеземная» – «европейская».

Концепт «изгнание» в художественном сознании писателя амбивалентен. Эмигра-

ция – *чужбина, бездомность, бесприютность, изгнание* («законное изгнание») и одновременно с этим – *покров, убежище, «благословенная высылка*» [9, с. 399]; «благополучного изгнания я снова чувствую покров». Ценностный сдвиг возникает в лирике 1930-х годов, где изгнание получает атрибуты благополучия и безопасности или характеризуется как дом, скитания воспринимаются как счастье с их обычными железнодорожными атрибутами [5]. Это годы «вольного зарубежья» в «вещественной нищете и духовной неге» («Другие берега»). В публицистике 1950-х годов повторяются эти мотивы. «Славное изгнание», «великий выход на чужбину»; «Монре – мое розовое изгнание» [9, с. 162]. «В этом *розовом изгнании* я пытаюсь развить в себе ту же плодотворную ностальгию по отношению к Америке, своей *новой родине*, которую испытывал по России, своей *старой отчизне*, в первые послереволюционные годы *западноевропейской экспатриации*» [9, с. 162].

В лексиконе писателя часто встречается слова *экспатриант, экспатриация* (акцент сделан на потере гражданства) среди других в этом ряду: «русский экспатриант», «западноевропейская экспатриация», «центры экспатриации» (более привычная метафора – «гнезда рассеяния»). Например: сюжет романа «Дар», по Набокову, повествует о «приключениях, литературных и романтических, молодого русского экспатрианта в Берлине, в 20-х годах» [9, с. 121]; «Берлин и Париж, два центра экспатриации» [9, с. 395] и др. Репатриация (лат. *repatria* – возвращение на родину с восстановлением в правах гражданства), экспатриация (лат. *expatria* – добровольное или принудительное выселение за пределы родины, обычно влекущее потерю гражданства). Экспатриант теряет гражданство в отличие от эмигранта, который, как правило, не утрачивает гражданства. Главный признак эмигранта – то, что он не может вернуться, Набоков же верил в возвращение на родину своего творчества. Этим отличалось его самоощущение изгнанника.

Нельзя думать, что метафорические, окказиональные термины (семантические эквиваленты понятия «эмиграция») в публицистике полностью вытесняются. Общепринятое понятие «литература (культура) русского за-

рубежья» (или «русская литература в изгнании», по определению Г. Струве) у Набокова получает индивидуально-авторское выражение – «ссылная культура» [9, с. 147]; «поэтическое землячество в Париже» [8, с. 136] и др. «Во времена великой, еще не воспетой эры русской интеллектуальной эмиграции, примерно между 1920 и 1940 годами, – пишет Набоков, – книги, написанные по-русски русскими эмигрантами и напечатанными эмигрантскими издательствами, хорошо покупались, и эмигранты передавали их друг другу...» [9, с. 147].

Словесно-образное представление понятия (в частности, «изгнание») через ассоциативный ряд определений – характерная черта языковой, художественно-творческой ментальности В. Набокова. Как видим, специфические образные представления и их индивидуально-авторское выражение в идее и понятийной системе писателя служат познанию языковой структуры текста, поэтического мира автора и связанных с ним проблем самоидентификации (социальной и творческой).

Использованная литература:

1. Аверин Б. В. Дар Мнемозины: Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб.: Амфора, 2003.
2. Берберова Н. Набоков и его «Лолита» // Набоков В. В.: pro et contra. Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных исследователей и мыслителей: Антология. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1997. С. 284–308.
3. Ежегодник Дома Русского зарубежья Александра Солженицына. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2012.
4. Зиник З. Эмиграция как литературный прием. М.: НЛО, 2011.
5. Левин Ю. Биспациальность как инвариант поэтического мира В. Набокова // Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки славянской культуры, 1998. С. 323–392.
6. Млечко А. От текста к тексту. Символы и мифы «Современных записок» (1920–1940). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008.
7. Набоков В. Д. До и после Временного правительства. СПб.: SYMPOSIUM, 2015.
8. Набоков В., Уилсон Э. «Дорогой Пончик. Дорогой Володя». Переписка 1940–1971. М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2013.
9. Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе. М.: Независимая газета, 2002.
10. Garziano S. La poétique autobiographique de Vladimir Nabokov dans le contexte de la culture russe et occidentale. / préface de Jean-Claude Lanne, Lyon: Centre d'études slaves André Lirondelle, Université Jean Moulin Lyon 3, 2012.

References:

1. Averin, B. V., *Dar Mnemoziny: Romany Nabokova v kontekste russkoy avtobiograficheskoy traditsii* (The Gift of Mnemosyne: The Novels of Nabokov in the Context of Russian Autobiographical Tradition), Saint-Petersburg: Amfora, 2003.
2. Berberova, N., Nabokov i ego «Lolita» (Nabokov and his “Lolita”), in *Nabokov V. V.: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Vladimira Nabokova v otsenke russkikh i zarubezhnykh issledovateley i mysliteley: Antologiya*, Saint-Petersburg: Russkiy khristianskiy gumanitarnyy institut, 1997, pp. 284–308.
3. *Ezhegodnik Doma Russkogo zarubezh'ya Aleksandra Solzhenitsyna* (Yearbook of Alexander Solzhenitsyn House of the Russian Diaspora), Moscow: Dom russkogo zarubezh'ya imeni A. Solzhenitsyna, 2012.
4. Zinik, Z., *Emigratsiya kak literaturnyy priem* (Emigration as a Literary Method), Moscow: NLO, 2011.
5. Levin, Yu., Bispatsial'nost' kak invariant poeticheskogo mira V. Nabokova (The Double-Spaceness as an Invariant of the Poetic World of Nabokov), in *Levin, Yu. I., Izbrannye trudy. Poetika. Semiotika*, Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 1998, pp. 323–392.
6. Mlechko, A., Ot teksta k tekstu. Simvoly i mify “Sovremennykh zapisok” (1920–1940) (From the Text to the Text. Symbols and Myths “Contemporary Annals” (1920–1940)), Volgograd: Izdatel'stvo Volzhskogo gosudarstvennogo universiteta, 2008.
7. Nabokov, V. D., *Do i posle Vremennogo pravitel'stva* (Before and after the Provisional Government), Saint-Petersburg: SYMPOSIUM, 2015.
8. Nabokov, V. and Wilson, E., «Dorogoy Ponchik. Dorogoy Volodya». *Perepiska 1940–1971* (“Dear Donut”. “Dear Volodya”. Correspondence: 1940–1971), Moscow: Kolibri, Azbuka-Attikus, 2013.
9. *Nabokov o Nabokove i prochem: Interv'y, retsenzii, esse* (Nabokov on Nabokov and other Things: Interviews, Reviews, Essays), Moscow: Nezavisimaya gazeta, 2002.
10. Garziano, S., *La poétique autobiographique de Vladimir Nabokov dans le contexte de la culture russe et occidentale* (Autobiographical Poetics of Vladimir Nabokov in the Context of Russian and European Culture), Lanne J.-C., Foreword, Lyon: Centre d'études slaves André Lirondelle, Université Jean Moulin Lyon 3, 2012.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Рягузова, Л. Н. Мотивы «изгнания» в публицистике В. В. Набокова [Электронный ресурс] / Л. Н. Рягузова // Наследие веков. – 2016. – № 4. – С. 51-56. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/12/2016_4_Ryaguzova.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Ryaguzova, L. N., Motivy «izgnaniya» v publitsistike V. V. Nabokova (Motives of «Exile» in Vladimir V. Nabokov's Publicism), *Nasledie Vekov*, 2016, no. 4, pp. 51-56. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/12/2016_4_Ryaguzova.pdf Accessed Month DD, YYYY.

Владимир Набоков об изгнании, вымышленной реальности и жизни (из интервью Николасу Гарнхэму, октябрь 1968 г.)

Что означает для вас изгнание жизнь вдали от России?

Хорошо известный тип художника, вечного изгнанника, даже если он

и не покидал родных мест, – фигура, с которой я ощущаю духовную близость; в более конкретном смысле «изгнание» для художника означает лишь одно – запрет на его книги. Все мои книги, включая самую первую, которую я написал сорок три года назад на изъеденном молью диванчике в немецких мебелирашках, запрещены в стране, где я родился. Это потеря для России, а не для меня.

Ваши произведения вызывают ощущение, что созданное вами бытие гораздо достовернее обыденной унылой реальности. Для вас категории воображения, мечты и реальности тоже весьма определенные понятия, а если да, то каковы они?

То, как вы употребляете слово «реальность», сбивает меня столку. Конечно, существует некая усредненная реальность, которую мы все осознаем, но это не есть истинная реальность: это реальность общих идей, условных форм банальной обыденности, передовицы на злободневную тему. Если вы имеете в виду под обыденной реальностью так

называемый реализм старых романов, банальность Бальзака, Сомерсета Моэма или Д. Г. Лоуренса – привожу самые удручающие примеры, – тогда вы правы, что реальность, сфабрикованная посредственностью, – уныла, а выдуманные миры приобретают, напротив, черты нереальности и мечты. Парадоксально, но единственно реальные, аутентичные миры – те, что кажутся нам необычными. Когда созданные мною фантазии сделают образцом для подражания, они тоже станут предметом обыденной усредненной реальности, которая, в свою очередь, тоже будет фальшивой, но уже в новом контексте, которого мы пока не можем себе представить. Обыденная реальность начинает разлагаться, от нее исходит зловоние, как только художник перестает своим творчеством одушевлять субъективно осознанный им материал.

Справедливо ли замечание, что вы воспринимаете жизнь как смешную, но злую шутку?

Вы используете слово «жизнь» так, что я не могу действовать все его мерцающее смысловое многообразие. Чья жизнь? Какая жизнь? Жизнь не существует без притяжательного местоимения. Жизнь Ленина отличается, скажем, от жизни Джеймса Джойса также, как пригоршня камней отличается от бриллианта голубой воды, хотя

они оба жили в изгнании в Швейцарии и оба очень много писали. Или возьмем судьбы Оскара Уайльда и Льюиса Кэрролла – один щеголял своим пороком и оказался за решеткой, другой таил свой маленький, но гораздо более тяжкий грех за дверями фотолaborатории с проявителями, а в результате стал великим детским писателем всех времен и народов. Я не несу ответственности за эти фарсы из подлинной жизни. Моя собственная жизнь была несравненно счастливее и здоровее, чем жизнь Чингис-хана, который, говорят, был отцом первого Набока, мелкого татарского хана двенадцатого века, женившегося на русской девице, — а в те годы русская культура достигла своего расцвета. Что же до жизни моих героев, не все они гротескны и трагичны: Федору в «Даре» выпали преданная любовь и раннее признание его гениальности, Джон Шейд в «Бледном огне» живет напряженной внутренней жизнью, совсем не соприкасаясь с тем, что вы называете шуткой. Вы, должно быть, путаете меня с Достоевским.

*Набоков о Набокове и прочем:
Интервью, рецензии, эссе. М.:
Независимая газета, 2002.
С. 240-241.*

ГУЦАЛОВ Александр Анатольевич
кандидат философских наук, старший научный сотрудник
отдела экспертно-консультативной деятельности
и проблем культурного и природного наследия Южного филиала Рос-
сийского научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачева
Краснодар, Россия

Alexander A. GUTSALOV

Cand. Sci. (The History of Philosophy), Senior Researcher,
Department of the Expert Advisory Activities
and Problems of Cultural and Natural Heritage, Southern Branch,
Russian Research Institute of the Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russia
gutsalov_alex@mail.ru

Становление художника. Переписка молодого Н. К. Рериха с профессором В. В. Стасовым и Л. М. Антокольским

Formation of an Artist. Correspondence of Young Nicholas K. Roerich with Professor Vladimir V. Stasov and Leo M. Antokolsky

За основу данной статьи взят анализ переписки (1894-1904 гг.) молодого Николая Константиновича Рериха со своим студенческим другом Львом Моисеевичем (Леонем) Антокольским, а также с наставником, профессором Владимиром Васильевичем Стасовым. Главный интерес был сосредоточен на изучении формирования взглядов, устремлений, задач, которые перед собой ставил молодой художник и ученый, а также на выявлении характерных качеств души. Особое внимание было уделено отношению учитель-ученик, которое будет играть значимую роль во всей жизни Рериха и всей его будущей семьи. В переписке отражены многие жизненные и профессиональные приоритеты художника. Сохранение творческого своеобразия было всегда принципиальным, жизненно важным для Рериха, который отстаивал право быть собой в общем служении обществу. Рерих реанимировал образ художника как творца, но не просто творящего что-то новое, а творца-воскресителя, воскрешающего жизнь в, казалось бы, умершем прошлом.

Ключевые слова: Рерих, Стасов, культура, цивилизация, народная культура, учитель, ученик, Академия художеств, историческое время, прошлое-настоящее-будущее, духовность, творчество.

The analysis of correspondence (1894-1900) between young Nicholas Roerich and his student friend Leon Antokolsky and also his mentor prof. Vladimir Stasov is taken for the basis of this article. The main interest was focused on the study of the formation of attitudes, aspirations, goals, which set itself the young artist and scholar, as well as the identification of the characteristic qualities of the soul. Particular attention was paid to the teacher-student relationships, which will play a significant role in the life of Roerich and his entire future family. The correspondence reflects many of the life and professional priorities of the artist. Preservation of creative originality was always fundamental and vital for Roerich, who defended the right of an artist to be himself in his service to society. Roerich reanimated the image of the artist as a creator, but not just creating something new, but a resurrecting creator who restores life in a seemingly deceased past.

Keywords: Reorich, Stasov, culture, folk's culture, civilisation, teacher, scholar, Academy of arts, historical time, past-presence-future, spirituality, creativity.

Все, кружась, исчезает во мгле.
Неподвижно лишь Солнце Любви.

Вл. С. Соловьев

Если есть у человека великая цель, то она
должна проявляться во всем —
в самом, казалось бы, незначительном. Надо
быть честным в незаметном и случайном,
тогда только будешь честным
и в выполнении своего большого долга.
Большая цель охватывает всего человека,
сказывается в каждом его поступке...

Д. С. Лихачев. Письма о добром.

Культура – это не некая отдельная от человека сфера памятников, картин, артефактов, не груды писанных и изданных книг, а прежде всего, сам человек. И откуда жив человек, жива культура. Культура всегда жива живым присутствием человека, способного воспринимать ее. Без человека, обращенного к ней, культура мертва. Картины Рериха, его литературные труды нацелены на это общение, на ответное внимание, на со-общение. Но так же, как эти картины и его труды сами по себе без и вне жизни самого автора не могут быть поняты адекватно, так и общение, и диалог могут превратиться в монолог зрителя и читателя. Об авторе нужно знать, знать его жизнь, его привычки, взгляды, настроения, слабости и силы, чтобы войти с ним в непосредственный контакт, в котором и произойдет чудо общения.

Общепризнанное величие знаменитого мастера всегда оставляет в тени период его взросления, духовного и творческого возмужания, периода неустойчивости, поиска, ошибок и не всегда удач. Особенно это важно иметь в виду, когда мы имеем дело с такими личностями, как Николай Константинович Рерих, чей вклад огромен не только в науку и искусство нашего времени, но которого многие воспринимают в качестве одного из духовных вождей современного мира.

В связи с этим мы обратились к письмам молодого Николая Рериха, написанным им во время учебы в Императорской Академии художеств и одновременно на юридическом факультете Санкт-Петербургского

университета и в годы, непосредственно следующие за их окончанием. Содержательной основой для анализа взяты две переписки молодого Рериха с Львом Моисеевичем Антокольским¹ и Владимиром Васильевичем Стасовым². Первый был ему ровесником, второй был уже в солидном возрасте, старше Рериха более чем на полвека и очень известным в то время общественным и научным деятелем.

Эти две переписки весьма симптоматичны, показывая проявившиеся уже в молодости мобильность и широту общения, зрелость в обсуждении многих сложных вопросов духовной и творческой жизни с людьми совершенно разных возрастов. В духе нет возраста тела, в духе важна только зрелость самого духа. И, очевидно, общающиеся на этом уровне сознают это и поэтому выстраивают свое общение на равных.

¹ Леон (1872-1942 гг.), как его называл Николай Рерих, был его товарищем по Академии Художеств, племянник известного скульптора Марка Матвеевича Антокольского (1843-1902).

² Стасов Владимир Васильевич (1824-1906) - музыкальный и художественный критик, историк искусств, архивист, общественный деятель. Стасов сыграл важную роль в жизни Рериха, познакомил его с Л. Н. Толстым, с Вл. Соловьевым, вместе с которым обсуждался эпос Литвы, схожесть литовского языка и санскрита, близость древних прибалтийских культур к Индии. Стасов открыл молодому Рериху мир древностей, летописи, жития, грамоты, старинные русские миниатюры. Рерих так пишет об этом: «Он ... поддерживал в моих первых зовах о России... Всегда я ему писал в виде старинных русских грамот, и он всегда радовался, если слог и образность были исконными» // [26, с. 5].

Как-то Андрей Битов представил на одном из кинофестивалей в Анапе в 1999 г. свою двухчасовую авторскую программу, сделанную по произведениям А. С. Пушкина. Особенностью этой программы явилось то, что он читал не готовые произведения, не обращался к анализу взглядов этого поэта и писателя, а просто читал черновики его трудов с авторскими многочисленными исправлениями, дополнениями, вариантами. Сам такой подход сначала шокировал. Но через очень непродолжительное время сам не замечаешь, как погружаешься в лабораторию мысли, в мистерию творчества гениального поэта и как становишься соучастником рождения образов, слов, их сочетаний, музыки потрясающей поэзии. Такие же ощущения рождают в определенной мере и письма личной переписки. Небольшие штрихи, замечания, жалобы, и ты уже находишься рядом, совсем близко с художником и со-наблюдаешь его ежедневную битву за свет и цвет, смысл, идеи, за рождение образа, который будет говорить именно то, что ты видишь в нем и что он тебе сам открывает.

Рерих о своей переписке со Стасовым, Горьким, Григоровичем, Репиным посетовал в одном из своих очерков «Встречи», написанным в Гималаях в 1940 г., считая, что они безвозвратно потеряны. Но, к счастью, они сохранились, и мы можем войти во внутреннюю мыслительную лабораторию Николая, только-только выходящего на широкое общественное поле. «Письма Н. К. Рериха к Л. М. Антокольскому открывают черты юноши, входящего в большой мир искусства...» [25, с. 5].

Данная переписка отсылает нас более чем на век назад – к концу XIX в., времени «серебряного» пробуждения России. Выделим некоторые темы и идеи этих переписок.

О смысле искусства, творчества, призвания художника

Эти письма - «повествование о высоком призвании живописца, воплощенном в облике самого Рериха, для которого искусство является могучей жизнестроительной силой» [25, с. 6]. Без опыта глубокого проникновения в самое сокровенное души твоего собеседника и сораскрытие своей души в самом обычном устремлении, честно и искренне открывая себя другому, невозможно будет войти в общение с природой, культурой, героями, жившими в прошлом, мудрецами и Богом. Такое задушевное общение рождает в человеке спо-

собность эмпатии, проникновения в другого как в самого себя. И тогда другой становится вывернутым наизнанку тобой самим. Ты лучше понимаешь себя и легче ладишь с другими, тогда в определенный момент и мир начинает вступать с тобой в это интимное общение, раскрывая свои тайны, позволяя находить разгадки, озарять свое сознание более глубоким знанием.

Рерих очень ценил такое общение. Оно поистине драгоценно, поскольку без этого опыта мир остается безмолвным. Он пишет: «Если Ты не будешь делиться со мной Твоими радостями и печалью, то значит, Ты считаешь меня за человека неотзывчивого или же просто неоткровенен со мною, а и первое, и второе для меня довольно обидно, поэтому надеюсь, чтобы при последующих извещениях... уже больше не придет в голову мысль, что лишнее – посвящать меня в тайники твоей души» [4, с. 14].

И молодой Николай погружался так в своего собеседника, будь то закадычный друг, учитель, или седая древность, которую он также делал своим собеседником, погружался в образы, извлекаемые им из этого общения, чтобы разгадать, заставить высказаться сокровенное, тайное, сокрытое, высказаться искренне, ничего не утаивая, но и не договаривая полностью, чтобы дать возможность вступить в этот диалог другим зрителям-собеседникам. «У нас задача не только покорить натуру, но стать ее вечным властелином. Оживотворить натуру – заставить ее говорить нашими словами. Творить», - писал в одном из своих писем Николай Константинович [7, с. 18].

Рерих попал во время своего обучения в Академии художеств в такой период, когда там проходила реформа академического преподавания 1894 г. В основе реформы лежала мысль о том, что Академия художеств должна стать не только школой мастерства, но, прежде всего, школой творчества. Значительную роль в подготовке и осуществлении реформы сыграл граф И. И. Толстой, в дальнейшем вице-президент Академии Художеств. Руководство творческими занятиями перешло к совету профессоров, куда вошли И. Е. Репин, В. Е. Маковский, А. И. Куинджи, В. А. Беклемишев и В. В. Матэ. Было также избрано около шестидесяти действительных членов Академии художеств. Среди них живописцы В. М. Васнецов, В. И. Суриков, В. Д. Поленов, скульптор

М. М. Антокольский, историк И. Е. Забелин, химик Д. И. Менделеев, известный меценат П. М. Третьяков и др. В качестве преподавателей в преобразованную Академию художеств пришли И. Е. Репин, А. И. Куинджи, И. И. Шишкин, В. Е. Маковский [7, с. 20, прим. 10].

Разумеется, эта общая тенденция захватила многих молодых людей, в том числе и Рериха, которые стремились к неповторимости, своеобразию, к творческому выражению самости «по-своему». И выработалось устойчивое мнение, что «кто не сочиняет, тот протоколист, а не художник истинный, творец» [7, с. 18]. «Вообще я замечаю, что, благодаренье Богу, мои взгляды на искусство прояснились и выработалось совсем свое, нечто оригинальное. Уж не знаю, хорошее или худое, но все же свое. Вот я с 1891 г. занимаюсь рисованием, а только теперь установилось свое и явилось свое воззрение. А то было подражательное» [6, с. 16-17].

Вот еще что написал молодой художник своему старшему другу, наставнику В. В. Стасову, находясь во Франции: «На улице шумит жизнь, а в комнате тихо, и голые стены, и маленькая дверка дают какое-то тюремное настроение, и мне одному скучновато. Хорошо еще, что работа не допустит такой пакости, как хандра. Правильно Вы говорите: «дальше от всяких больших компаний». Может быть, эта одиночная дорога и труднее многих, но зато достигнутое именно этим путем будет попрочнее многого прочего. Если же покорно опустить голову да влиться в общее русло потока, то никто не станет собирать капли души, чтобы делать из них целебные воды, а будут их лить в ушаты и мыть ими чужое грязное белье. Ведь лучше пройти, Аллах ведает, какие ущелья и теснины и вынырнуть чистым и полезным источником, нежели стремиться внешним руслом и служить для поливки улиц. Так ведь, Владимир Васильевич? Ведь только работу никак не заплюешь и никуда не засунешь. Пусть ругаются господа Репины, Дягилевы и tutti quanti – еще поспорим с ними» [18, с. 20].

Как сохранить себя в общем потоке, как суметь выделиться из него, но остаться полезным этому общему потоку, служить ему, обогащать его собой, не выпасть из него и не сделаться бесполезным для общества? Как сочетать неповторимость и привычный ход жизни общества, в котором правит бал все же

именно повтор привычных форм? И эта задача неожиданно приоткрывает другую проблему – проблему отношения цивилизации и культуры. В своем январском письме 1901 г. В. В. Стасову Николай написал про некоего француза Кормона³: «Я очень рад, что имею общение именно с Кормоном; про него могу сообщить Вам изумительные вещи. С первого же визита моего он сказал: «У вас много своеобразного, вы должны сохранить это! Мы слишком цивилизованы, у нас пропала свежесть, берегите ее – вы на это способны – у вас есть своя точка зрения!»» [19, с. 21].

Цивилизация и культура

Это очень важное различие, набившее оскомину многим философам, но не теряющее от этого свое значение, – цивилизации и культуры. Различие правильное, но зачастую формализованное, отвлеченное от конкретного человека и малозначимое для него. А здесь в двух штрихах осуществляется жизненная актуализация этой проблемы – в человеке цивилизация убивает своей массовой штамповкой творческое, индивидуальное, непривычное, не могущее быть массово размножено. А человеку, чтобы стать человеком, чтобы выразить свою неповторимость, данную Богом (именно творческим и неповторяющимся Богом, а не холодной копировальной машиной), нужно быть индивидуальным, неповторимым в своем творческом самовыражении и именно быть таковым на благо других, погруженным в любовь к своей отчизне, в служение своему народу и через это в служение всему человечеству.

Поэтому проблема цивилизации и культуры в их отношениях к человеку и его сути становится проблемой отношения жизни творческого человека, а значит, живого, способного выразить Богом данную способность, через то став ближе к Богу, и существованием человека-потребителя, штамповщика, изгнанного из светлого творческого мира в мир бесчисленных дубликатов, копий, повторений кого-то, чьих-то идей, задумок, образов. Таким образом, с этой точки зрения, проблема цивилизации и культуры оказывается проблемой выбора между умиранием и жизнью, смертью и воскрешением духа. И тогда мы видим, сколь жизненно важное значение

³ Кормон Фернан Анне-Пьестр (1845-1918), антрополог и этнограф. С 1905 г. жил в Петербурге.

имеют, казалось бы, отвлеченные философские проблемы.

Для Рериха сохранение творческого своеобразия было всегда принципиальным, жизненно важным. И он боролся, отстаивал это право – право быть собой в общем служении обществу. Таким образом, мы видим и проблему общего и индивидуального, отношения личности и общества. Рерих показывает фактически, что такое отношение не должно поглощать друг друга, а должно делать и личность, и общество более индивидуальным, более духовно чистым и богатым, а через то более целостным и гармоничным. И вот к этой гармонии Рерих стремился всю свою жизнь. Мне кажется, ему это удалось достичь.

Проблема исторического времени и отношения к народной культуре.

Когда к великому человеку относятся как к демону, в нем видят только плохое. Когда к великому человеку относятся как к человеку, начинают видеть его величие, ибо простому человеку совершенное великим не под силу. Когда к великому человеку относятся как к великому посвященному, величие исчезает, становится ординарным, исчезает и связь с простыми, невеликими людьми, проявившими интерес к нему. Такой великий человек превращается к холодный и мертвый миф, недостижимый в силу своего величия нам, простым смертным, а потому и бесполезный.

Точно так же и с историческим преданием, с культурным достоянием. Оно начинает либо отвергаться как лишнее, ненужное, отягощающее, либо начинает возвеличиваться до небес как недоступный для повторения миф древности о золотом веке. И в том, и в другом случае прошлое бесполезно, оно молчит для настоящего. В первом случае настоящее, оторванное от своих корней, пренебрегая ими, постепенно попадает под власть эгоизма и гордыни, требующих для себя новой более удобной древности (пример Германии времен первой и второй мировых войн, нынешней Украины). Во втором случае настоящее стоит принижено перед великим прошлым и теряется в депрессии и спаде и, если прошлое печально, в стыде (пример России в 90-е гг., Германии в конце 40-х гг. XX в.).

Рерих пытался войти в древность так, чтобы заставить ее заговорить с нами. И этот разговор возможен через тщательные научные исследования старины и через поиск эмо-

циональной связи с ним через искусство. Будде приписывают слова: «Кто не понял своего прошлого, тот вынужден будет пережить его снова». Позитивное и сбалансированное погружение в прошлое жизненно важно.

Интерес Рериха к древности прошел лейтмотивом через всю его жизнь, начиная с участия в многочисленных археологических раскопках, начиная с 1892 г. (ему тогда было всего неполных 18 лет), в экспедициях на Алтай, Тибет, Гималаи, Центральную и Среднюю Азию, активное и успешное продвижение международного проекта, который был назван его именем («Пакт Рериха»). Н. К. Рерих в годы своего обучения в Академии Художеств и одновременно с этим на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета в возрасте 22 лет становится членом Русского археологического общества (1896 г.). Он принимает самое деятельное участие в раскопках, осуществленных в Псковской, Смоленской, Ярославской, Тверской, Петербургской, Новгородской губерниях. С 1897 по 1903 гг. он преподает в Петербургском археологическом институте. С 1904 г. его совместная с князем Путятиним экспедиция обнаружила неолитические стоянки на Валдае (возле озера Пирос). С 1905 г. он стал собирать коллекцию древностей, относящимся к каменному веку, которая была представлена в 1905 году на Французском Доисторическом конгрессе в Перигё. Уже через шесть лет в этой коллекции было собрано более 30 тыс. экспонатов из России, Германии, Италии, Франции. Летом 1910 г. Рерих совместно с Н. Е. Макаренко провели первые археологические раскопки в Новгороде (см. по данному поводу [24], [2, с. 79], [28, с. 123-141]).

Подобно жизни человека, в которой детство, юность, молодость, зрелость, старость образуют единое целое, и жизнь культуры народа имеет в себе подобное единство. Рерих, несмотря на свое внимание к общемировой культуре, не имел ничего общего с теми космополитами, которые при принятии общемирового пренебрегали народным, отвергали роль и значение отдельных народных культур. Народная культура так же неотъемлема от общемировой, как и прошлое составляет неотъемлемую часть настоящего и будущего. Как общемировая культура несостоятельна без народной, так и настоящее несостоятельно при пренебрежении прошлым, причем не только недавним прошлым, но и самым древ-

ним. И без знания его, без уважения к нему, без постоянного оживляющего изучения и внимания к нему настоящее фактически перестает быть культурой.

И это также грань, отделяющая культуру (культуру традиции неповторимого) от цивилизации (техника, ремесло повторения). Рерих очень болезненно воспринимал то дикое и пугающее невнимание и пренебрежение древней народной культурой, пышным цветом расцветшее на границе XIX и XX вв. в высшем обществе России, о чем он неоднократно сетовал: «Неужели все мое дело, всё изучение родной древности, желание воспроизвести родную историю не заслуживает никакой поддержки? А тут еще такие отношения, как с Манасеиной⁴, где при мне за столом говорят, что Васнецов человек ограниченный, ибо заниматься родным эпосом может только ограниченный человек; ведь это меня хотели обидеть... Теперь Манасейна ругает меня на чем свет стоит. И все ругают. И нервы расстраиваются, и все как-то сиротливо и грустно» [14, с. 19].

В ранних картинах художника определяющими сюжетами являлась древняя языческая Русь, красочные образы народного эпоса («Плачи Ярославны», «Святополк окаянный», «Вечер богатырства Киевского», «Утро богатырства Киевского», «Город строят», «Зловещие», «Заморские гости», «Гонец», «Старцы сходятся», «Идол»). Да и диплом на юридическом факультете университета он посвятил теме «Правовое положение художников Древней Руси» (1898). Примечательно, что и свои письма своему старшему другу и наставнику Владимиру Васильевичу Стасову Рерих писал в древнем стиле, оформляя их в виде старинных русских грамот. Древность всегда оживала в присутствии Рериха, преображая настоящее и давая новые светлые надежды на будущее. Стасов активно и упорно поддерживал этот искренний и глубокий интерес к глубокой древности, в которой видел корни народа. Как дерево без корней, так и народ без прошлого, лишатся соков жизни и быстро сойдут на нет.

В одном из своих писем Рериху Стасов писал: «Известные русские орнаменты (по рукописям) не идут раньше XI века; а Вам надо

бы раньше... Значит: либо Вам надо брать (для дерева): либо конские двойные, либо одиночные головы... - на коньках изб деревенских (это есть изображения солнца, света – пожалуй, вообще «божества», доброжелательства, отвращение зла), либо есть резьба на дереве, которую мы встречаем на скалках (которыми бьют белье при мытье), розетки на мачтах судов... (- тоже – «солнце» и «отвращение зла»), хоть, наконец, «плетешки ременные», которыми наполнены рисунки всех древнейших наших рукописей (здесь тайный смысл – колдовство, заговоры). Наконец, - вышивки красной ниткой на полотенцах. Лучше и достовернее вы ничего не найдете» [11, с. 28].

Любовь к русской народной культуре Рерих пронес через всю свою жизнь. С какой любовью и восхищением он пишет: «Какая глубина в этой народной старине! Например, Иван-Царевич – ведь это весенний луч, пробивающийся сквозь царство смерти, чтобы освободить красавицу Лето. Не узкая, а общая, всесветная идея» [7, с. 18].

Именно для него характерно это непреклонное соединение народного со вселенским, в котором любое общемировое выражает себя в форме народного, а само народное в форме соединения максимально древнего прошлого, настоящего и ожидаемого будущего. В его концепции истории важнейшее значение имеет соотношение временных категорий прошлого, настоящего и будущего. Он измеряет прошлое и настоящее будущим: «...когда зовем изучать прошлое, будем это делать лишь ради будущего» [1, с. 81]. «Из древних чудесных камней сложите ступени грядущего» [22, с. 58].

И чем сильнее росло количество змеиных клубков войны вокруг России, тем сильнее проявляла свою силу древность, древний дух русской национальной культуры, придававшее силы, дававшее вдохновение и уверенность в победе русского народа. Недостаток сохранившихся форм, естественно вело пытливую душу Рериха к другим странам, в том числе и к загадочному Востоку, к Индии. С 1905 года появляется целый ряд работ, посвященных Индии, – «Лакшми», «Индийский путь», «Кришна», «Сны Индии».

Древние культуры России и Индии, их общий источник, интересуют Рериха как художника и как учёного. Такой широкий интерес был характерен для той эпохи. Бывшие в центре внимания концепции соборности,

⁴ Манасейна Мария Михайловна (1844-1903), писательница, врач, общественная деятельница. Автор работ «Об эстетическом воспитании человека», «О воспитании детей в первые годы жизни», «Патология, гигиена и психопатия сна».

единства мира, единства христианского мира Вл. С. Соловьева (1853-1900 гг.), философия русского космизма Н. Ф. Федорова (1828-1903 гг.), вызвавшее большой резонанс в обществе того времени мировое турне пока еще цесаревича Н. А. Романова в 1890-1891 гг., во время которого он посетил Австрию, Италию, Грецию, Египет, Индию (в которой он посетил Бомбей, Агру, Лахор, Амритсар, Бенарес, Калькутту, Бомбей, Мадрас, Коломбо (о. Цейлон)), Таиланд, Сингапур, Сиам, Французские колонии в Юго-Восточной Азии, Китай, Японию.

И подобную широту взглядов также призывал Рериху его друг и наставник Стасов, который еще в 1868 г. писал: «Наш новгородский купец Садко есть не что иное, как являющийся в русских формах индийский царь Яду, индийский богатырь – брахман Видушака, тибетский брахман Джинпа-Ченпо, тибетский царевич Гедон, индийский монах Самгха-Ракшита... Наш царь морской или царь-Водяник – это царь Нагов, царь Змеев, Ракшаза индийских и тибетских легенд... Музыка Садки в подводном царстве – это проповедь правой веры буддийским героем в царстве змеев, злых духов» [20, с. 37-38] [28].

Таким образом, глубину погружения в культуру во временном и смысловом отношении Рерих соединил с пространственной широтой ее охвата. Культура народа не может быть вне своей связи с культурой всего мира, а мировая культура не может быть национализирована несколькими культурными образованиями неких избранных народов.

Это, на мой взгляд, лежало в основе подхода Рериха и его стремления к осуществлению правовой защиты со стороны мирового сообщества памятников мировой культуры всех стран. Величие культуры мира – в сохранении величия всех культур этого мира без исключения. И это важно понимать и для адекватного восприятия и оценки творчества самого Рериха. Эти мысли весьма актуальны в наше время – время попыток всеобщей глобализации с игнорированием роли национального, народного фактора в некоем активно строящемся фантоме – т. н. постчеловеческом обществе. «От веры и от отцов моих не отрекусь» [23] [27], – напишет 58-летний художник, вынужденно к тому времени находясь вне своей любимой России уже 15 лет.

Человек и гений, личное и великое, человек и Бог

Одна из главных проблем религии – невероятное и принципиальное разведение Бога и человека. Согласно православной христианской концепции, человек даже при полном уподоблении себя Богу по Его энергии остается отдельным существом от Бога и не уподобляется ему по сущности. Но это в предельных смыслах богословия. А в миру Бог – невероятно далек и недостижим полностью, в принципе, никому. В мирском повседневном отношении Бог и человек разведены еще более радикально, поэтому человек принижено просит что-то и благодарит за что-то, а Бог великодушно исполняет или не исполняет просьбы или сурово наказывает.

Такая же ситуация возникает и в отношении великих личностей. Обычные люди в процессе обучения или ознакомления изначально ставятся в границы, перейти которые им не под силу – кто ты, и кто они? Великие – это гении, непревзойденные мастера слова, кисти, звука, а простым смертным остается лишь причащаться их славе и славословить их величие. И в итоге образуется вторая брешь между простыми и великими людьми. Человек оказывается еще более униженным. В отношении великих принято лишь возвеличивать их и поражаться, удивляться их величию, в отношении Бога испытывать благоговение и страх. И что остается человеку – остаться в этих границах, остаться простым человеком, закрывая себе путь к совершению своего великого.

Когда мы задаем такие рамки для оценки личности (будь то человеческой или божественной), мы теряем основы для понимания и обязательно введем себя в сферу создания новой мифологии, в область мифологизации личности. И это, с одной стороны, не плохо, но пользы обычным людям не приносит, скорее вред, потому что приложить к себе, простому смертному, то, что свойственно им, почти небожителям, нет никакой возможности.

Для начала нужно почувствовать Рериха как обычного человека, а потом через доступную человечность погружаться в его внутреннюю духовную и творческую работу. И тогда мы увидим, как рождается перед нами подвижник не мифический, о котором слагаются очередные легенды и гимны восхваления, а человек, через свои достоинства и недостатки,

свойственные всем людям, сумевший выйти на более высокий уровень. А раз он это смог сделать, то и я смогу. Весь смысл подобных знакомств с личностями неординарными – не в том, чтобы они задавили нас своим авторитетом, а в том, чтобы вот так же оказаться сейчас на равных с самим Рерихом и общаться с ним открыто, искренне, как и сам молодой Рерих общался с маститым мастером Стасовым, постепенно расправляя свои и именно свои еще не окрепшие крылья для своего взлета и полета в этой жизни.

Тогда все его произведения начинают играть роль живого собеседника и помощника, отвечающего, терпеливого, мудрого, но и не безукоризненного. Тогда мы вступаем в беседу, обсуждение, в споры и дискуссии. Без этого нет и не может быть никакого полноценного общения с произведениями великих. Такое общение возможно только на равных, как человека с человеком. И именно в этом открывается все величие маститых мастеров, которое уже не давит нас своим авторитетом, непревзойденным и безупречным, а открывает новые возможности, приглашает тебя и любого другого превзойти себя самих, стать более совершенным, предъявить миру нечто более высокое и более чистое. Тогда гений из авторитета становится драгоценным другом, поддерживающим вдохновение, помогающим.

Иначе все знакомство с гениями превращается в бесконечное удовлетворение любопытства и любознательности, не приносящее никакой пользы душе и ничему так и не способное научить. Рерих всю свою жизнь стремился к духовным высотам через служение народу Божию (в коем он видел не только народ российский, но и весь мир), и он показывает нам пример такой жизни, и это живой пример, открытый всем в силу своей доступной и живой человечности.

Вот перед нами обычный человек, ищущий, творящий, любящий и ранимый, как все творческие люди: «За это время мало мы видались, а много у меня было хорошего, но много и скверного – тяжелого. Пришлось разочароваться в некоторых людях, пришлось себя насилловать, заставлять забывать кое-что – совсем незаслуженное. Зачем это всё так? На одно хорошее – 10 пакостей. Всего Вам хорошего» [16, с. 17-18]. Сколь трогательна обида, высказанная на большой абзац по поводу

того, что его работа, привлекающая внимание, стоит меньше гораздо, чем некая «головка Щербиновского⁵, которая ни на кого не производила впечатление». «Это так обидно! Так тяжело! Все говорят, говорят, а никто ничего не сделает! Все стараются только ущипнуть, толкнуть в темя каблуком» [14, с. 18]. «... Академия не только что средств, не только мастерской, не только натуры, но даже костюмов из гардероба не хотела мне дать в прошлом году. И после этого Рерих скажет про рисунок, про недостаточную штудировку, будет сожалеть о таланте, что пропадает, и наговорит много, а когда придет время дать средства, то даст их Щербиновскому, ибо тот слаще поёт. Стыдился бы Илья Ефимович, ведь, небось, знает, как неприятно работать на чужие деньги» [14, с. 18-19]. «Несказанно меня вчера взволновала клевета относительно помещения мною статьи в Мире Искусства. Это такая гадость! И кого только душит подобное ко мне недоброжелательство?» [17, с. 19] и далее перечисление всех, кто не так обмолвился, не так посмотрел, не так что-то сделал по отношению к молодому художнику. «Поневоле придет в голову затвориться куда-нибудь подальше и зарыться в работу... Приходится смотреть только в будущее, не будет ли в нем светлого облачка?» [17, с. 20].

Рерих был человеком со своими достоинствами и недостатками. И если внимательно читать переписку молодого студента Николая, то видно, сколь адекватен он в своей самооценке, насколько трезв в признании своих достоинств и недостатков. Он даже часто сомневался в достоинствах своих работ, писанных красками и словом. «Если найдете мое писание глупым, сейчас разорвите». «... Если найдете не слишком смешной, а паче того – глупой, то...» [15, с. 7]. «Простите за грязное маранье. Разболтался – не с кем поговорить» [15, с. 8]. «Выставка вышла большая. Свою картину⁶ ненавижу страшно – смотрю на нее как на чужую...» [16, с. 17]. «Я эгоист, и если бы Ты знал, с какой завистью читал вчера Твое письмо» [5, с. 15]. И уж совсем трогательное признание: «Между прочим, все более разочаровываюсь в женщинах. Самые лучшие из них

⁵ Щербиновский Дмитрий Анфимович (1867-1926), ученик И. Е. Рерина.

⁶ «Сходятся старцы», 1898 года, масло, холст, 40х71. Сейчас она находится в США. В Государственном Русском Музее хранится эскиз к ней.

все-таки не выше среднего, - сие печально, но так» [8, с. 19].

Вот еще одно из его признаний, написанных в лесу близ местечка Извара: «Мне скучно, может быть, потому, что тут nolens-volens мое самолюбие спит, некому здесь разбудить его. Оно-то ведь, каюсь чистосердечно, и разжигает всегда меня, подмывает, заставляет делать все, что угодно. Я самолюбив, и хоть мое самолюбие и доставляет мне много тяжелых минут, но, в конце концов, я доволен на его обилие. Это такой кнут, такой источник энергии, что без него много чего нельзя было бы сделать... правда, самолюбие, вещь великая, известным образом направленное, может охранять и нравственность, и все хорошее в человеке» и далее пишет о создании кружка⁷, к которому нужно привлечь людей «честных, хороших, добрых», «далеких от зависти», чтоб в нем «было поменьше грязи, ведь и без того чересчур много подлости и грязи кругом». «Кружок же добрых честных товарищей может наставить увлекающегося на пути истинные, может поддержать упавшего духом...». Было четкое понимание того, что «...искусство порождено лучшими, высшими стремлениями людей...» [3, с. 13]. И этому пониманию хотелось соответствовать, иначе незачем все эти бестолковое повторение и унылые и приевшиеся краски, лишённые свежести и сочности.

Рерих был весьма критически настроенным человеком. Но это качество уходило корнями в понимание высокой роли искусства. И там, где он встречал профанацию, он был беспощаден. Вот что он пишет по поводу V выставки картин Санкт-Петербургского общества художников, открывшейся 24.02.1897 г. в залах Академии: «В остальных же двух с половиной сотнях произведений или постыдное искажение, или тупое, самодовольное успокоение на том или другом шаблоне; не видно самого дорогого в искусстве, не чувствуется оригинального, субъективного художника; такое «нет» глубокого, свежего порыва, стремления к какой-либо художественной цели, что и суда на эти картины быть не должно» [21, с. 10]. «Можно бороться с грубостью, с неясностью, с ошибкою, хорошо, когда есть, чему

⁷ Рерих инициировал создание кружка среди учеников Академии художеств, на котором готовились доклады по истории, археологии, философии. Кружок собирался один раз в месяц на квартире профессора Военно-медицинской Академии И. Р. Тарханова [8, с. 21, прим. 16].

помогать, а в данном случае все спокойно, прекрасно, тихо да гладко – ни сучка, ни задоринки, - остается только печалиться, сознавая всю бесполезность советов. Много на выставке косного, еще раз доказывающего, насколько шатким и незначимым основанием для общества художников является лишь принцип совместного торга, да пребывание или тяготение к тому или иному центру» [21, с. 10-11]. «... Во имя чего воздвигается новый стяг? Какое слово в искусстве думает сказать эта дружина? ...именно этого основного единого Бога не имеют в себе общества, подобные Обществу Петербургских Художников, и отсутствие единой, объединяющей живой силы - горячей любви к прогрессу искусства, - мертвит, сушит и нагоняет тоску на их выставках» [21, с. 11].

В то же время свое мнение он не считает приговором окончательным и единственно верным. Он допускает, что кому-то могут понравиться работы художников, что критиковать всегда легче, чем сделать самому, что в сравнении всегда «можно сверять свое собственное мнение, сверять, не соглашаться, спорить, возражать» [21, с. 11]. И это искусство «фильтрует и вперед двигает» [21, с. 11]. Подписался он именем Борисмир Надёжа.

Отношение ученика и учителя

Рерих уже в студенческие годы снискал славу неординарного художника, исследователя истории. Дипломная работа в Академии художеств 1897 г. «Гонец» обратила внимание многих именитых людей того времени. П. М. Третьяков сразу приобрел ее для своей коллекции. Стасов, имевший теплые дружеские отношения с молодым художником, свел его с Львом Николаевичем Толстым, который после встречи также очень высоко оценил работу «Гонец». Стасов писал Николаю: «Неприменно вы должны побывать у Толстого... пусть сам великий писатель земли русской произведет вас в художники» [22, с. 88]. Лев Толстой во время встречи с Рерихом сказал: «Случалось ли в лодке переезжать быстроходную реку? Надо всегда править выше того места, куда вам нужно, иначе снесет. Так и в области нравственных требований надо рулить всегда выше – жизнь все снесет. Пусть ваш гонец очень высоко руль держит, тогда доплывет!» [1, с. 36].

Есть у Рериха и такое воспоминание об о. Иоанне Кронштадском, которого он очень любил и с которым у него были краткие момен-

ты общений: «Отец Иоанн Кронштадский знал об этой моей склонности к истории и очень одобрял ее» [23] [27]. Для Рериха о. Иоанн был примером «исповедания веры», в котором проявлялось «великое ощущение молитвы» в своей жизненности, не абстрактности, а значит и подлинности. И вставала задача соединить этот творческий поток подлинной жизни, преисполненной веры и живого обращения ко Всевышнему, с повседневной практикой, с внутренним подвигом личности. И это очень гармонизировало с общими центральными посылами русской мысли того времени (Соловьев, Федоров, Ключевский и мн. др.).

В 1892 г. начинающий художник и первокурсник Николай Рерих присутствовал на собрании Московской Духовной Академии в честь 500-летия памяти св. преп. Сергия Радонежского. На этом собрании на него произвела неизгладимое впечатление речь академика В. О. Ключевского, который как раз и указал, что связь великого божественного с миром осуществляется в повседневном, незаметном, каждодневном труде. Таким образом, сверхъестественное, волшебное обретает форму повседневности. И задача художника и историка увидеть это высшее и позволить ему высказать себя еще раз по-новому. Подобное понимание решает проблему отношения знания и веры, чудесного и повседневного, великого и малого, божественного и человеческого в их единении, когда малое выражает собой великое, привычное - чудесное, знание - веру, а вера - знание, человеческое - божественное, так же, как и великое выражает себя в малом, чудесное - в привычном, божественное - в человеческом.

Отношения Стасова и Рериха действительно складывались и дружески, и в рамках строгих отношений учителя и ученика. И они взаимно поддерживали друг друга. Как приятно читать ободряющие слова молодого 27-летнего Рериха 77-летнему Стасову: «Рад, что Вы здоровы и по-прежнему боретесь со злочестивыми, - давай Господи на многие лета такого же взрывчатого пороха и едкой шрапнели на смятение стана вражеского» [19, с. 21].

Тон писем Стасова более разнообразный. Малоизвестно, но Рерих, подобно императору Николаю Второму, был заядлым охотником в молодости. И часто охота организовывалась, чтобы просто убить хандру, уйти от неприятных депрессивных состояний духа («Пишу

погано, рука не слушается – был на охоте» [5, с. 15]).

За это недостойное поведение он неоднократно получал внушение от Стасова: «... Позвольте спросить, как Вы провели свой торжественный день бенефиса, и что Вы во время его прохождения делали? Если ничего больше, как только на охоту ходили, да бедных птиц били, ни в чем не повинных, ни душой, ни телом, ни хвостом, ни лапками, то Вам скучно или нечего делать, и ничего Вы лучше не придумали, как лишать кого-то жизни от нечего делать – то я Вас не хвалю ничуть и желаю Вам, чтоб тот или другой Никола (святые покровители всех Николаев) поскорее от Вас отступился и повернулся к Вам задом, - что это, дескать, за страшный протез у меня, только и умеет, что простреливать насквозь чужие головы и зады! Нет, нет, ради самого Господа Бога (которого, впрочем, я мало знаю и мало утруждаю собою), - и всех его святых, прошу Вас это негодное дело бросить и ни до каких курков и зарядов больше никогда не дотрагиваться!... А то – бедные птицы и птички, которые должны, стремглав, головой лететь вниз, лететь перед Вами мертвые. Какая гадкость, какая мерзость!!!» [9, с. 26-27]. И потом дальше – «Да, но вот что для меня большой вопрос и забота: есть у Вас настоящий талант и способность? Или Вы побалууете-побалууете, да потом бросите преспокойно, для какого-либо совершенно другого дела? Ведь первая молодость, а потом – возмужалые годы, ведь это две совсем разные статьи! И я столько сотен раз принужден был разочаровываться, и терпеть немилосердное жестокое крушение насчет других! Вот это беда страшная» [9, с. 26-27].

В этом показан образец отношения учителя и ученика: выявить негативные качества, которые нужно побороть, и выразить свою нужду в проявлении его таланта. Талант проявляет себя только тогда, когда кому-то нужен. Без этого он тонет в бессмысленности и невостребованности. Настоящий учитель должен создать атмосферу востребованности, нужности.

«...Вы меня сильно порадовали рисунком древнерусской избы. Хорошо! Очень хорошо! И знаете, со мной одобрял Вас, давеча, один мой приятель, который чего-нибудь да стоит: Ропет – архитектор. А у него великое чутье ко всему национальному и народному, особенно ко всему древне-восточному, а значит – и древ-

не-русскому, так это все нераздельно!» [10, с. 27]. «... Как я взглянул на лихую виньетку, как я взглянул на почерк, как я взглянул на слог, и склад, и лад, у меня пробежали мурашки удовольствия, у меня защекоotalo всего, от макушки до пяток. “Ну, сказал я про себя, а потом громко для всех, ну, молодец, Никола Тростник! Посмотрите, господа, глядите скорее сюда все!..”» [13, с. 33].

Если учитель видит, что ученик начинает зазнаваться, самовозвышать себя, то он его немедленно одергивает: «В разговоре со мною Репин сказал: “Рерих способен, даровит, у него есть краска, тон, чувство колорита и известная поэтичность, но что ему мешает и грозит – это то, что он недоучка, и, кажется, не очень-то расположен из этого положения выйти. Он мало учился, он совсем плохо рисует, и ему надо было – не картины слишком незрелые писать, а засесть на 3-4 года в класс, да рисовать, да рисовать. А то ему грозит так на веки и остаться очень несовершенным и недоученым. Учиться надо. Рисовать серьезно надо! И тогда можно надеяться, что из него выйдет настоящий и замечательный художник... Одною даровитостью ничего не возьмет еще...”»

Таковы слова Репина. «И хотя я и не художник, и не техник, а думал всегда то же и Вам говорил. Человеческие фигуры всегда меня оскорбляли у Вас, особливо во 2-ой (нынешней картине). Чего тут ехать за границу, когда надо не ехать и смотреть иностранцев..., а засесть за натуру человеческую и рисовать с нее упорно, ненасытно! Я всегда это думал и говорил, думаю и говорю и теперь.... Прислушайтесь к моим резонам, и тогда не будете сердиться на меня» [12, с. 32].

Но если ученик ведет себя смиренно, то и учитель теряет саму основу для назидательного учительства: «Вижу, что Вы расстроены, что Вы взволнованы всякими обстоятельствами, и внешними, и внутренними, и оттого мне не охота отличиться, командовать, взыскивать, учить, требовать, вообще гарцевать» [12, с. 31].

Если исследователь сам изначально возвышает предмет своего изучения, то он должен сам одернуть самого себя. Ибо при таком раскладе теряется общая почва для равного общения. Ученик обретает своего учителя при адекватном самопредставлении, так же как и исследователь овладевает своим объектом при честном подходе. Чтобы лучше понять и

глубже оценить потрясающий своей глубиной и масштабом духовный подвиг Рериха, нужно брать его целиком – со всеми недостатками и достоинствами. Тогда он начнет оживать для нас и становиться в нашей жизни вдохновляющим обстоятельством для самосовершенствования, для вдохновенной работы над собой, для новых открытий и побед.

Иначе икона может оказаться просто основой для удовлетворения мертвого любопытства всезнайства или новым поводом для самоуничтожения. Пока мы не сделаем икону своим собеседником, она так и будет безжизненным предметом мертвого, хоть и красивого интерьера. Не для этого Рерих писал и работал, не для этого он говорил о сохранении культурного наследия, не для этого он калялся, признавал свои несовершенства и ошибки перед близкими ему людьми. Он оживлял древность, он вступал с ней в диалог, он вытаскивал из нее жизнь и заставлял ее говорить, жить и вдохновлять других. Он был воскресителем творческой и вдохновляющей силы прошлого. Но при этом он и сам был живой, непосредственный, ищущий, падающий, встающий и вновь идущий. В этом отношении Рерих реанимировал образ художника как творца, но не просто творящего что-то новое, а творца-воскресителя, воскрешающего жизнь в, казалось бы, умершем прошлом. И вдруг приходит понимание, что и наша жизнь оживает только тогда, когда прошлое в нас творчески живет, пробуждая будущее. Рерих и стремился восстановить эту цепочку прошлое-настоящее-будущее в творческой жизни народа, в живом общении ныне живущего и давно прошедшего, в котором одинаково живы и прошлое, и будущее, и благодаря этому и настоящее.

Вывод

Если делать вывод из всего сказанного, то мы можем определить культуру как неразрывное соединение прошлого (настолько древнего, насколько это доступно для нас), настоящего и будущего в творческих актах творения. Причем это соединение взаимопроницающе, когда прошлое и будущее активно проникают в настоящее и определяют его, но и настоящее также проникает в прошлое и свое будущее и формирует его образы.

В зависимости от этой активности настоящего мы имеем дело либо с деструктивной ролью актуального настоящего (разрушающего культуру), либо с созидательной и сохра-

няющей ролью его (собственно, культурой). Поэтому в настоящем мы должны все время быть начеку. Поэтому Рерих столь активно настаивал на сохранении культурного наследия, которое должно тщательно оберегаться, изучаться и в этом изучении становиться жизненно важным.

Оживление прошлого и происходит через искусство. Поэтому столь велика роль искусства в деле реанимации, воскрешающего действия, чтобы ожившее прошлое входило в нашу жизнь и творило более безопасное, более счастливое настоящее, формируя основы и для лучшего будущего. Культура – то, что объединяет людей в народ. А объединение в человечество, мирное и благополучное, без единства и сохранения народных культур невозможно. Любое игнорирование

народного неизбежно ведет к международным распрям и конфликтам.

Становление молодого Рериха как художника и мыслителя состояло в развитии творческой и живой открытости, искренности, критической самооценки, страстного желания совершенства, проявленной любви к прекрасному, к древнему преданию своего народа и через это любви к преданию всего мира, состояло в упорных попытках заставить прошлое заговорить, извлекая из этого общения исторические и духовные уроки, в беспрекословной и твердой вере в торжество светлых и добрых сил. На фоне этих достоинств все мелкие недостатки блекнут и постепенно уходят из его жизни, придавая и нам всем уверенности и сил на нашем духовном и творческом пути.

Использованная литература:

1. Беликов П. Ф., Князева В. П. Николай Константинович Рерих. Самара: Агни, 1996.
2. Иванов М. А. Рерихи и Тверской край, Тверь: ГЕРС, 2007.
3. Письмо Антокольскому от 08.07.1894 г., Извара // Рерих Н. К. Письма к Л. М. Антокольскому и Л. М. Антокольского к Н. К. Рериху. С-Пб.: Сердце, 1993. С. 12-13.
4. Письмо Антокольскому от 28.07.1894, Извара // Рерих Н. К. Письма к Л. М. Антокольскому и Л. М. Антокольского к Н. К. Рериху. С-Пб.: Сердце, 1993. С. 14.
5. Письмо Антокольскому от 12.08.1894 г., Извара // Рерих Н. К. Письма к Л. М. Антокольскому и Л. М. Антокольского к Н. К. Рериху. С-Пб.: Сердце, 1993. С. 15-16.
6. Письмо Антокольскому от 11.06.1895, Извара // Рерих Н. К. Письма к Л. М. Антокольскому и Л. М. Антокольского к Н. К. Рериху. С-Пб.: Сердце, 1993. С. 16-17.
7. Письмо Антокольскому от 24.06.1895 г., Извара // Рерих Н. К. Письма к Л. М. Антокольскому и Л. М. Антокольского к Н. К. Рериху. С-Пб.: Сердце, 1993. С. 17-18.
8. Письмо Антокольскому от 06.11.1899 г., Петербург // Рерих Н. К. Письма к Л. М. Антокольскому и Л. М. Антокольского к Н. К. Рериху. Сердце, 1993. С. 19.
9. Письмо Стасова от 10.05.1897 г., С-Петербург // Рерих Н. К. Письма к В. В. Стасову и В. В. Стасова к Н. К. Рериху. С-Пб.: Сердце, 1993. С. 26-27.
10. Письмо Стасова от 12.06.1897 г. // Рерих Н. К. Письма к В. В. Стасову и В. В. Стасова к Н. К. Рериху. С-Пб.: Сердце, 1993. С. 27-28.
11. Письмо Стасова от 31.07.1897 г. // Рерих Н. К. Письма к В. В. Стасову и В. В. Стасова к Н. К. Рериху. С-Пб.: Сердце, 1993. С. 28-29.
12. Письмо Стасова от 05.05.1899 г. // Рерих Н. К. Письма к В. В. Стасову и В. В. Стасова к Н. К. Рериху. С-Пб.: Сердце, 1993. С. 31-32.
13. Письмо Стасова от 16.07.1899 г. // Рерих Н. К. Письма к В. В. Стасову и В. В. Стасова к Н. К. Рериху. С-Пб.: Сердце, 1993. С. 32-33.
14. Письмо В. В. Стасову без даты // Рерих Н. К.

References:

1. Belikov, P. F. and Knyazeva, V. P., *Nikolay Konstantinovich Rerikh* (Nicholas K. Roerich), Samara: Agni, 1996.
2. Ivanov, M. A., *Rerikhi i Tverskoy kray* (Roerichs and the Tver Region), Tver': GERS, 2007.
3. Pis'mo Antokol'skomu ot 08.07.1894 goda, Izvara (Letter to Antokolskiy, 08.07.1894. Izvara), in Roerich, N. K., *Pis'ma k L. M. Antokol'skomu i L. M. Antokol'skogo k N. K. Rerikhu*, Saint Petersburg: Serdtse, 1993, pp. 12-13.
4. Pis'mo Antokol'skomu ot 28.07.1894 goda, Izvara (Letter to Antokolskiy, 28.07.1894, Izvara), in Roerich, N. K., *Pis'ma k L. M. Antokol'skomu i L. M. Antokol'skogo k N. K. Rerikhu*, Saint Petersburg: Serdtse, 1993, p. 14.
5. Pis'mo Antokol'skomu ot 12.08.1894 goda, Izvara (Letter to Antokolskiy, 12.08.1894, Izvara), in Roerich, N. K., *Pis'ma k L. M. Antokol'skomu i L. M. Antokol'skogo k N. K. Rerikhu*, Saint Petersburg: Serdtse, 1993, p. 15-16.
6. Pis'mo Antokol'skomu ot 11.06.1895 goda, Izvara (Letter to Antokolskiy, 11.06.1895, Izvara), in Roerich, N. K., *Pis'ma k L. M. Antokol'skomu i L. M. Antokol'skogo k N. K. Rerikhu*, Saint Petersburg: Serdtse, 1993, pp. 16-17.
7. Pis'mo Antokol'skomu ot 24.06.1895 goda, Izvara (Letter to Antokolskiy, 24.06.1895, Izvara), in Roerich, N. K., *Pis'ma k L. M. Antokol'skomu i L. M. Antokol'skogo k N. K. Rerikhu*, Saint Petersburg: Serdtse, 1993, pp. 17-18.
8. Pis'mo Antokol'skomu ot 06.11.1899 goda, Petersburg (Letter to Antokolskiy, 06.11.1899, Petersburg), in Roerich, N. K., *Pis'ma k L. M. Antokol'skomu i L. M. Antokol'skogo k N. K. Rerikhu*, Saint Petersburg: Serdtse, 1993, pp. 19.
9. Pis'mo Stasova ot 10.05.1897 goda, S-Peterburg (Letter from Stasov, 10.05.1897, S-Petersburg), in Roerich, N. K., *Pis'ma k V. V. Stasovu i V. V. Stasova k N. K. Rerikhu*, Saint Petersburg: Serdtse, 1993, pp. 26-27.
10. Pis'mo Stasova ot 12.06.1897 goda (Letter from Stasov, 12.06.1897), in Roerich, N. K., *Pis'ma k V. V. Stasovu i V. V. Stasova k N. K. Rerikhu*, Saint Petersburg: Serdtse, 1993, pp. 27-28.

- Письма к В. В. Стасову и В. В. Стасова к Н. К. Рериху. С-Пб.: Сердце, 1993. С. 18-19.
15. Письмо Стасову от 26.02.1897 г. // Рерих Н. К. Письма к В. В. Стасову и В. В. Стасова к Н. К. Рериху. С-Пб.: Сердце, 1993. С. 7-15.
16. Письмо Стасову от 04.03.1899 г. // Рерих Н. К. Письма к В. В. Стасову и В. В. Стасова к Н. К. Рериху. С-Пб.: Сердце, 1993. С. 17-18.
17. Письмо Стасову от 04.09.1900 // Рерих Н. К. Письма к В. В. Стасову и В. В. Стасова к Н. К. Рериху. С-Пб.: Сердце, 1993. С. 19-20.
18. Письмо Стасову от 02.11.1900 г., Франция // Рерих Н. К. Письма к В. В. Стасову и В. В. Стасова к Н. К. Рериху. С-Пб.: Сердце, 1993. С. 20-21.
19. Письмо Стасову от января 1901 г., Франция // Рерих Н. К. Письма к В. В. Стасову и В. В. Стасова к Н. К. Рериху. С-Пб.: Сердце, 1993. С. 21-23.
20. Полякова Е. И. Николай Рерих. М.: Искусство, 1973.
21. Приложения 1 и 2 к письму Стасову от 26.02.1897 г. // Рерих Н. К. Письма к В. В. Стасову и В. В. Стасова к Н. К. Рериху. С-Пб.: Сердце, 1993. С. 10-15.
22. Рерих Н. К. Листы дневника. Т. 2. М.: Международный Центр Рерихов, 1995.
23. Рерих Н. К. Письмо от 24 апреля 1932 года отцу Иоанну, священнику, настоятелю Сергиева Подворья в Париже // Отдел рукописей Международного центра Рерихов. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6168. Л. 8.
24. Рерих Николай Константинович [Электронный ресурс] // Википедия. Свободная энциклопедия URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Рерих,_Николай_Константинович (дата обращения: 08.02.2016).
25. Росов В. А. Предисловие // Рерих Н. К. Письма к Л. М. Антокольскому и Л. М. Антокольского к Н. К. Рериху. С-Пб.: Сердце, 1993. С. 5-6.
26. Росов В. А. Предисловие // Рерих Н. К. Письма к В. В. Стасову и В. В. Стасова к Н. К. Рериху. С-Пб.: Сердце, 1993. С. 5-6.
27. Тютюгина Н. В. Истоки формирования православной образности в творчестве Николая Рериха [Электронный ресурс] // Эл. биб-ка Международного Центра Рерихов. URL: <http://lib.icr.su/node/1050> (дата обращения: 08.02.2016).
28. Шамин С. М. Николай Рерих — археолог и живописец // Историк и художник. 2008. № 4 (18). С. 123-141.
11. Pis'mo Stasova ot 31.07.1897 goda (Letter from Stasov 31.07.1897), in Roerich, N. K., *Pis'ma k V. V. Stasovu i V. V. Stasova k N. K. Rerikhu*, Saint Petersburg: Serdtse, 1993, pp. 28-29.
12. Pis'mo Stasova ot 05.05.1899 goda (Letter from Stasov 05.05.1899), in Roerich, N. K., *Pis'ma k V. V. Stasovu i V. V. Stasova k N. K. Rerikhu*, Saint Petersburg: Serdtse, 1993, pp. 31-32.
13. Pis'mo Stasova ot 16.07.1899 goda (Letter from Stasov 16.07.1899), in Roerich, N. K., *Pis'ma k V. V. Stasovu i V. V. Stasova k N. K. Rerikhu*, Saint Petersburg: Serdtse, 1993, pp. 32-33.
14. Pis'mo V. V. Stasovu bez daty (Letter to Stasov, no date), in Roerich, N. K., *Pis'ma k V. V. Stasovu i V. V. Stasova k N. K. Rerikhu*, Saint Petersburg: Serdtse, 1993, pp. 18-19.
15. Pis'mo Stasovu ot 26.02.1897 goda (Letter to Stasov, 26.02.1897), in Roerich, N. K., *Pis'ma k V. V. Stasovu i V. V. Stasova k N. K. Rerikhu*, Saint Petersburg: Serdtse, 1993, pp. 7-15.
16. Pis'mo Stasovu ot 04.03.1899 goda (Letter to Stasov, 04.03.1899), in Roerich, N. K., *Pis'ma k V. V. Stasovu i V. V. Stasova k N. K. Rerikhu*, Saint Petersburg: Serdtse, 1993, pp. 17-18.
17. Pis'mo Stasovu ot 04.09.1900 (Letter to Stasov, 04.09.1900), in Roerich, N. K., *Pis'ma k V. V. Stasovu i V. V. Stasova k N. K. Rerikhu*, Saint Petersburg: Serdtse, 1993, pp. 19-20.
18. Pis'mo Stasovu ot 02.11.1900 goda, Frantsiya (Letter to Stasov, 02.11.1900, France), in Roerich, N. K., *Pis'ma k V. V. Stasovu i V. V. Stasova k N. K. Rerikhu*, Saint Petersburg: Serdtse, 1993, pp. 20-21.
19. Pis'mo Stasovu ot yanvarya 1901 goda, Frantsiya (Letter to Stasov, January, 1901, France), in Roerich, N. K., *Pis'ma k V. V. Stasovu i V. V. Stasova k N. K. Rerikhu*, Saint Petersburg: Serdtse, 1993, pp. 21-23.
20. Polyakova, E. I., *Nikolay Rerikh* (Nicholas K. Roerich), Moscow: Iskustvo, 1973.
21. Prilozheniya 1 i 2 k pis'mu Stasovu ot 26.02.1897 goda (Appendixes 1st and 2nd to the Letter to Stasov, 26.02.1897), in Roerich, N. K., *Pis'ma k V. V. Stasovu i V. V. Stasova k N. K. Rerikhu*, Saint Petersburg: Serdtse, 1993, pp. 10-15.
22. Roerich, N. K., *Listy dnevnika* (Diary Leaves), vol. 2, Moscow: Mezhdunarodnyy Tsentr Rerikhov, 1995.
23. Roerich, N. K., Pis'mo ot 24 aprelya 1932 goda ottsu Ioannu, svyashchenniku, nastoyatelyu Sergieva Podvor'ya v Parizhe (Letter on 24 April 1932 to Father Ioann, Priest, Abbot of the St. Sergius Metochion in Paris), in *Department of Manuscripts of the International Centre of the Roerichs (ORMsR)*, Fund 1, Inventory 1, File 6168, Sh. 8.
24. Rerikh Nikolay Konstantinovich (Nicholas K. Roerich), in *Wikipedia. Free encyclopedia*. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Rerikh,_Nikolay_Konstantinovich (data obrashcheniya: 08.02.2016).
25. Rosov, V. A., Predislovie (Foreword), in Roerich, N. K., *Pis'ma k L. M. Antokol'skomu i L. M. Antokol'skogo k N. K. Rerikhu*, Saint Petersburg: Serdtse, 1993, pp. 5-6.
26. Rosov V. A. Predislovie (Foreword), in Roerich, N. K., *Pis'ma k V. V. Stasovu i V. V. Stasova k N. K. Rerikhu*, Saint Petersburg: Serdtse, 1993, pp. 5-6.
27. Tyutyugina, N. V., Istoki formirovaniya pravoslavnoy obraznosti v tvorchestve Nikolaya Rerikha (Sources of Formation of the Orthodox Imagery in the Works of Nicholas

Roerich), in *Elektronnaya biblioteka Mezhdunarodnogo Tsentra Rerikhov*. URL: <http://lib.icr.su/node/1050>. Accessed February 8, 2016.

28. Shamin, S. M., Nikolay Rerikh – arkhеolog i zhivopisets (Nicholas Roerich as an Archaeologist and Painter), *Istoriк i khudozhnik*, 2008, no. 4 (18), pp. 123-141.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Гуцалов, А. А. Становление художника. Переписка молодого Н. К. Рериха с профессором В. В. Стасовым и Л. М. Антокольским [Электронный ресурс] / А. А. Гуцалов // Наследие веков. – 2016. – № 4. – С. 57-70. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/12/2016_4_Gutsalov.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Gutsalov, A. A., Stanovlenie khudozhnika. Perepiska molodogo N. K. Rerikha с professorom V. V. Stasovym i L. M. Antokol'skim (Formation of an Artist. Correspondence of Young Nicholas K. Roerich with Professor Vladimir V. Stasov and Leo M. Antokolsky), *Nasledie Vekov*, 2016, no. 4, pp. 57-70. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/12/2016_4_Gutsalov.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

АКАЕВ Вахит Хумидович
доктор философских наук,
член Академии наук Чеченской Республики
главный научный сотрудник отдела гуманитарных исследований
Комплексного научно-исследовательского института
им. Х.И. Ибрагимова РАН,
Грозный, Россия,
Vahit Kh. AKAEV
Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof.,
Chief Researcher, Department of Humanities,
Complex Research Institute, Russian Academy of Science,
Academician, Academy of Sciences of the Chechen Republic,
Grozniy, Russia
akaiev@mail.ru

Искусство Махмуда Эсамбаева: путь от народной лезгинки до чародея танца

В статье проанализирован жизненный творческий путь всемирно известного танцовщика, Народного артиста СССР Махмуда Эсамбаева, его деятельность по сохранению и развитию национального искусства Чечни.

Ключевые слова: Махмуд Эсамбаев, искусство Чечни, хореография, танцы народов мира.

The Art of Mahmud Esambayev: the Way from Folk Lezginka to a Dance Magician

The article deals with the life and career of the world-famous dancer, People's Artist of the USSR Mahmud Esambayev and focuses on his efforts to preserve and develop the national art of Chechnya.

Keywords: Mahmud Esambayev, Chechen art, choreography, dances of the peoples of the world.

В истории любого народа всегда имеются личности, оставившие глубокий след в его культурном наследии, искусстве и общественном мнении. Таким был Махмуд Эсамбаев (1924–2000) – родом из предгорного чеченского селения Большие Атаги, расположенного у входа в Аргунское ущелье, на правом берегу реки Аргун. До 9 лет он жил в этом живописном чеченском селе, известном своими кузнечными мастерами, народными сказителя-

ми, писателями, учеными, деятели искусства, культуры, государственными деятелями. Из поколения в поколение складывалась здесь, например, династия Башировых, известных на Северном Кавказе мастеров по изготовлению боевых и парадных кинжалов, сабель и шашек. Родом из Старых Атагов является Муслим Магомаев – дед известного советского эстрадного певца, носящего то же имя и фамилию. Старший Муслим Магомаев в царское

время учился в русской школе в г. Грозный. Он вместе с Узаиром Гаджибековым, как пишет его внук Муслим Магомаев, стал «основателем азербайджанского профессионального музыкального творчества» [6, с. 11]. Из этого села вышли поэт А. Хамидов, кинорежиссер, скульптор И. Татаев.

Талант у Махмуда Эсамбаева проявляется еще в раннем детстве. Взрослые восхищались, когда маленький мальчик Махмуд исполнял искрометную лезгинку. Каждое его выступление радовало односельчан, и они обращались к отцу Махмуда с просьбой не запрещать ему занятия танцами.

Алисултан, найдя работу, со своей семьей переселился в Грозный. В своем сыне он видел будущего врача или инженера. В 1930–1940 гг. в ЧИАССР бурно развивалась нефтяная промышленность, и она нуждалась в квалифицированных национальных кадрах. Глава семейства и слышать не хотел, чтобы его талантливый сын хочет посвятить себя хореографии. Для него, человека традиций и строго нрава, танцы были недостойным занятием для мужчин. Махмуду пришлось пойти против воли отца. Необычайный талант, настойчивость в обучении танцев народов мира, особая хореографическая изящность в итоге привели его на вершину исполнительского искусства.

В августе 1939 г. в ЧИАССР был создан Государственный Чечено-Ингушский ансамбль песни, музыки и пляски. В его составе были учащиеся Грозненского музыкально-техникума, танцор Махмуд Эсамбаев, гармонистка Есита Ганукаева, гармонисты – Джунид Дикаев, Умар Димаев, Ильяс Бачиюртовский (учитель многих известных в последствии чеченских гармонистов), Барза Эзерханов из Герзеля, Гилани Юсупов, Джансари Шамилева, Ваха Дакашев, Боклу Ибрагимов, Марьям Айдамирова, Андарбек Садыков, Магомед Гичибаев, Ахмед Хамхоев, Идрис Цицкиев [7, с. 14].

До начала Великой Отечественной войны Махмуд работал в Пятигорском театре. В ходе войны он с ансамблем неоднократно выезжал на фронт и выступал перед солдатами и офицерами советской армии, сражающимися со смертельным врагом. Как пишет В. Загороднюк: «За два первых года войны он участвовал в более чем в 360 концертах» [5, с. 529].

В одной из таких поездок на фронт он узнает, что его народ депортирован в Казахстан и Среднюю Азию. Это известие произвело на него гнетущее впечатление. Двадцатилетний артист отправляется в Киргизию, становится солистом Киргизского театра оперы и балета. На сцене театра им исполнялись главные партии в балетах: «Лебединое озеро», «Бахчисарайский фонтан», «Спящая красавица». Махмуд Эсамбаев стоял у истоков киргизской хореографии, им исполнены главные роли в первых киргизских национальных балетных спектаклях.

В 1950-е гг. он оставляет академическую сцену и начинает исполнять традиционные танцы народов мира. Это было время напряженной и изнурительной работы по освоению мирового танцевального богатства. Самые оригинальные танцы народов мира он доводил до совершенства. Через упорный труд он добился того, что, например, танцы индусов он исполнял лучше их самих, хотя они с самого раннего детства обучаются этому искусству.

После возвращения чеченского народа из Средней Азии, став солистом Чечено-Ингушской филармонии, Махмуд Эсамбаев создает танцы-новеллы, посвященные культуре народов разных стран. В его репертуаре – танец «Горская новелла», индийский ритуальный танец «Золотой бог», испанский танец «Ля-коррида!», таджикский танец с кинжалами, бразильский ритуальный танец «Макумба», испанский танец «Тореадор», танцы «Портняжка», «Эмигрант» и др. С этими и другими танцами он объехал весь мир. За высокое мастерство, изящество в танцевальном искусстве его называли «Паганини танца», «Чародем танца», «Мыслитель в танце», «Шаляпиным в танце», «Легендой XX в.» и другими лестными эпитетами. Блестящее исполнение оригинальных танцев народов СССР, Африки, Бразилии, Индии, Испании, Мексики и т. д. сделали его всемирно известным танцором.

Махмудом Эсамбаевым оставлен глубокий след в развитии интернациональной советской культуры. По поводу его высокого мастерства высказывались известные представители отечественной культуры, как И. Моисеев, В. Зельдин, И. Кобзон. Так, И. Моисеев писал: «Его уникальное искусство делало невозможное – примеряло, соединяло людей

вне зависимости от их крови, веры, образа жизни. На стыке второго и третьего тысячелетий Эсамбаев подарил людям воплощенные в танцах мечты человечества о мире, дружбе, братстве, единении народов. Представитель гордого народа Махмуд Эсамбаев отдал себя сближению людей. Целью же его творчества, основой взглядов всегда были добро, дружба, красота» [7, с. 174]. В. Зельдин отмечал: «Махмуд был удивительным хранителем национальной культуры. Ни перед кем из президентов и королей он не снимал папахи, но позволял это себе на юбилеях друзей. У меня до сих пор хранится его папаха, которую он мне подарил». Для И. Кобзона он – старший брат, друг, любимый артист, о котором певец высказался так: «Он был уникальный человек. Такие люди не повторяются. Он прославил себя, свой народ на века. Поэтому я называю его «великим чеченцем» [7].

Эти в разное время высказанные мысли, принадлежащие нашим знаменитым соотечественникам, указывают на общие и специфические аспекты многогранного искусства и внутренней свободолобивой сущности артиста. Ю. А. Жданов, его близкий друг, питавший к нему братские чувства, так оценивает вклад кавказцев в культуру России: «Вклад народов Кавказа в передовую русскую культуру необычно богат и многообразен. Без нартского эпоса, творчества Косты Хетагурова, Сулеймана Стальского невозможно представить образованного русского. Чеченский мальчик, ставший художником Петром Захаровым, оставил для русской культуры образы просветителя Грановского, доктора Иноземцева. Ныне сын кабардинского народа Темирканов дирижирует одним из ведущих оркестров страны, дарит свет своего искусства советскому народу Махмуд Эсамбаев. Русский читатель высоко ценит вдохновенное творчество Расула Гамзатова, Кайсына Кулиева, Алима Кешокова. Сотни работников науки, представители народов Кавказа, успешно трудятся в российских научных учреждениях и вузах» [4, с. 46].

В этом содержательном, емком высказывании устанавливается интеллектуальная всеохватность, тонко связывающая национальные культурные традиции, устанавливающие их прочность и дружбу, нацеленность на единение народов. И в этом отношении Ю. А.

Жданов сам являл собой пример виртуоза мысли, как те виртуозы искусства, культуры, о которых он писал с большой симпатией. В них он видел своих современников, патриотов, своим искусством развивающих культуру страны, показывающих всему миру ее выдающиеся достижения. В них он видел ту духовную, культурную и интеллектуальную силу, на которой основывалось общее для них отечество.

Описывая интеллектуальные и творческие достижения кавказцев, в том числе и М. Эсамбаева, Ю. А. Жданов писал: «К звездным вершинам искусства проложили свои пути Захарий Палиашвили, Расул Гамзатов, Махмуд Эсамбаев» [4, с. 324]. Отдельно оценивая творчество М. Эсамбаева, он говорит: «Новый жанр, завоевавший зрителей всех континентов, создал мыслитель в танце чеченец Махмуд Эсамбаев» [4]. Народная артистка СССР Людмила Зыкина так оценивала искусство М. Эсамбаева: «Каждый его танец – это целый спектакль с рассказом о жизни, истории, обычаях и нравах того или иного народа. Своим творчеством он воспекает красоту, доброту, радость жизни» [3, с. 198].

Ю. А. Жданов в каждой своей статье, в которой он отражал достижения в области культуры и науки народов Северного Кавказа, высоко оценивал творчество своего великого друга Махмуда Эсамбаева. Он и сам всегда оказывал поддержку и покровительство способным, талантливым людям, посвятившим себя творчеству, науке [1].

О своем творчестве сам Махмуд говорил: «Всю жизнь я старался служить своим искусством делу взаимопонимания и сближения людей всех национальностей. Я служил делу дружбы народов. Танец, которому я отдал всю свою жизнь, представляет самое глубокое проявление национального духа, характер народа; в танце, если он действительно народный, никого нельзя обмануть, здесь все на виду, в нем просвечивает самое сокровенное. Танец в наибольшей мере способен вызывать чувство взаимного доверия и уважения между людьми всех этносов. Искусство танца – самое благородное для формирования у людей чувства взаимного восхищения, доброжелательства, дружбы, воспитания в духе интернационализма» [8, с. 376]. Золотые слова великого мастера!

Использованная литература:

1. Акаев В. Х. «Лишь разум человечности оплот...» // Научная мысль Кавказа. 2007. № 5. С. 71-74.
2. Гешаев М. Знаменитые чеченцы. Грозный: Седя, 1999. С. 522-569.
3. Жданов Ю. А. Избранное: в 3-х т. Ростов н/Д: Северо-Кавказский научный центр высшей школы Южного федерального университета, 2009. Т. 3.
4. Жданов Ю. А. Кавказ и передовая русская культура // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI – 70-е годы XX в.): мат-лы Всерос. науч. конф. (2-3 окт. 1979 г., г. Грозный). Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1982. С. 38-47.
5. Загороднюк В. Маленькие тайны гордого Махмуда. М.: СканРус, 2001.
6. Магомаев М. М. Живут во мне воспоминания. М.: ПРОЗАиК, 2010.
7. Музыкаев Д. «Вайнах» – жизнь моя! Грозный: б/и, 2010.
8. Нашкхоев Р. Махмуд Эсамбаев – чародей танца. М.: Маренго Интернейшнл Принт, 2001.

References:

1. Akaev, V. Kh., «Lish' razum chelovechnosti oplot...», *Nauchnaya mysl' Kavkaza* (Scientific Thought of the Caucasus), 2007, no. 5, pp. 71-74.
2. Geshaev, M., *Znamenitye chechentsy* (Famous Chechens), Groznyy: Seda, 1999, pp. 522-569.
3. Zhdanov, Yu. A., *Izbrannoe* (Selected Works), in 3 vols., Rostov-on-Don: Severo-Kavkazskiy nauchnyy tsentr vysshey shkoly Yuzhnogo federal'nogo universiteta, 2009, vol. 3.
4. Zhdanov, Yu., A. Kavkaz i peredovaya russkaya kul'tura, in *Velikiy Oktyabr' i peredovaya Rossiya v istoricheskikh sud'bakh narodov Severnogo Kavkaza (XVI – 70-e gody XX veka)* (The Great October Revolution and the Progressive Russia in the Historical Destiny of the Peoples of the North Caucasus (the 16th Century – the 70s of the 20th Century)): Proc. All-Russian Sci. Conf. (Groznyy, October 2-3, 1979), Groznyy: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1982, pp. 38-47.
5. Zagorodnyuk, V., *Malen'kie tayny gordogo Makhmuda* (Little Secrets of the Proud Mahmoud), Moscow: SkanRus, 2001.
6. Magomaev, M. M., *Zhivut vo mne vospominaniya* (The Memories Are Living in Me. Moscow: PROZAIK, 2010.
7. Muzykaev, D., «Vaynakh» – zhizn' moy! («Vaynakh» is My Life!), Groznyy: no publ., 2010.
8. Nashkhoev, R., *Makhmud Esambaev – charodey tantsa* (Makhmud Esambaev as a Wizard of the Dance), Moscow: Marengo Interneynshnl Print, 2001.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Акаев, В. Х. Искусство Махмуда Эсамбаева: путь от народной лезгинки до чародея танца [Электронный ресурс] / В. Х. Акаев // Наследие веков. – 2016. – № 4. – С. 71-74. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/12/2016_4_Akaev.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Akaev, V. Kh., *Iskusstvo Makhmuda Esambaeva: put' ot narodnoy lezginki do charodeya tantsa* (The Art of Mahmud Esambayev: the Way from Folk Lezginka to a Dance Magician), *Nasledie Vekov*, 2016, no. 4, pp. 71-74. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/12/2016_4_Akaev.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

ГАЗДИЕВ Ахмет Исаевич

собственный корреспондент общенациональной газеты
Республики Ингушетия «Сердало»,
Назрань, Республика Ингушетия, Россия

Ahmet I. GAZDIEV

Correspondent, National Newspaper
of the Republic of Ingushetia "Serdalo",
Nazran, Ingushetia, Russia
serdalo@yandex.ru

**Али Хашагульгов:
судьба и творческое наследие**

Статья посвящена жизни и творческой деятельности ингушского писателя, поэта, педагога и художника Али Хашагульгова. Обращается внимание на малоисследованные стороны его многообразного творчества и непростого жизненного пути. Статья основана на архивных и исследовательских материалах. Автор обращается к литературным и художественным произведениям Хашагульгова. Показана целостная взаимосвязь его живописных, поэтических и литературных идей и образов. Особенно подчеркивается роль Хашагульгова в развитии литературного ингушского языка.

Ключевые слова: поэзия, проза, Ингушетия, художник, живопись, Северный Кавказ, депортация, Родина, ингушский язык.

**Ali Khashagulgov:
Fate and Creative Heritage**

The article is devoted to the life and creative activities of the Ingush writer, poet, teacher and artist Ali Khashagulgov. Attention is drawn to the little-researched aspects of his multifarious work and hard life path. The article is based on archival and research materials. The author refers to literary and artistic works of Khashagulgov. The holistic interrelation of his pictorial, poetic and literary ideas and images is shown. The role of Khashagulgov in the development of the literary Ingush language is especially emphasized.

Keywords: poetry, prose, Ingushetia, artist, painting, North Caucasus, deportation, homeland, the Ingush language.

*Поэт в России - больше, чем поэт.
В ней суждено поэтами рождаться
лишь тем, в ком бродит гордый дух гражданства,
кому уюта нет, покоя нет...*

Е. А. Евтушенко

Судьба уготовила ему немало серьезных испытаний, которых с лихвой хватило бы на несколько человеческих жизней. Но он ни разу не свернул со своего тернистого пути, не предал свои высокие идеалы, заплатив самой дорогой ценой за право быть свободным. Система холодно и расчетливо наносила ему удар за ударом, но была бессильна что-то изменить.

Ей так и не удалось сломить его дух, не сумела она заставить его поступиться своими принципами. Вопреки всему продолжало звучать его поэтическое слово, пронизанное звенящей чистотой и подлинной свободой, и его художественный гений рождал великолепные полотна, в которых постепенно обретал бессмертие величественный гимн ингушскому Отечеству.

Али Хашагульгов родился на трагическом стыке безумного времени. Он появился на свет 24 июня 1943 г. в ингушском селении Яндаре, чтобы восьми месяцев отроду стать «врагом народа». 23 февраля 1944 г. одним росчерком пера, изменившим судьбу ингушского народа, было безжалостно перечеркнуто и растоптано его не успевшее начаться детство. Дети депортации, оторванные сталинщиной от родной земли, делаю свои первые шаги вдали от Родины, обостренно чувствовали всю несправедливость сотворенного над ними и над их народом беззакония. Они пробивались к свету, как зеленые ростки, черпающие невиданную силу в бесплодной почве. Томимые жаждой свободы, верили, что придет их час возвращения на Родину, чей светлый образ, благодаря старшим, однажды и навсегда поселился в их сердцах. Народ, обреченный на долгое бесправие, оскорбленный и обоганный, взрастил в этих детях неистребимую тягу к созиданию, горячее стремление вновь развести огонь в погасших и разоренных очагах. И каким-то непостижимым образом сердца этих детей сумели услышать и откликнуться на токи отнятой у них земли, на зов Родины, который потом неумолчно жил в них. Годы спустя, из под пера Али Хашагульгова выйдет пронзительное стихотворение, в котором он даст объяснение этой непонятной на чей-то взгляд любви к далекому Отечеству:

*Хотя нам нравится весь мир,
Хотя мы любим все страны,
Ингушетия нам нравится больше,
Ингушетию мы любим больше,
Потому что Ингушетия
Не только наша любовь,
Не только наша гордость.
Она родина нашей речи,
Она отчизна нашей чести,
Она страна нашего народа,
Она кость нашей кости,
Она плоть нашей плоти,
Она кровь нашей крови.
Более того, теперь –
Она наша незаживающая рана.*

Творческое наследие Али Хашагульгова еще не до конца изучено. Многие его поэтические творения, к сожалению, до сих пор остаются неизданными. К этому имени еще не раз будут возвращаться исследователи, пласт за

пластом открывая многослойный и всеобъемлющий мир, в котором жил и творил поэт, мир, который он создал сам.

В поэзии такого уровня нет ничего случайного. Это обнаженный нерв. Это голос совести. Это жизнь на грани. Поэтому творчество Али Татаровича особняком стоит и в ингушской литературе, и в литературе народов Северного Кавказа, поражая своим масштабом, наполненностью, образностью и глубокой философичностью каждого, кто прикасается к ней.

Некий космический код, присутствующий в поэзии Хашагульгова, заложен и в его живописных работах. Сакральный, глубинный смысл этого кода не поддается прочтению с наскока. И вовсе не потому, что это какое-то элитарное искусство. Хашагульгов вообще лишен каких бы то ни было претензий. Просто есть вещи, которые доступны пониманию лишь тех, кто прошел определенный этап духовного и нравственного взросления.

Далеко не каждому дано увидеть, казалось бы, очевидное. В повседневной обыденности мы часто проходим мимо какого-то явления, оставаясь безучастными к красоте и совершенству, которые напрасно стучались в нашу жизнь и надрывно кричали о чем-то в наши утратившие слух уши. А в живописи Хашагульгова эта первозданная, первобытная порой красота, преображающая мир, нашла свое незамутненное отражение и, поселившись на холсте, ожила, обрела речь, заговорила с человеком, обрушила на зрителя девятый вал эмоций. Она обращается к нам и будит отклик в каждом сердце, заставляет нас переживать мгновения потрясающего общения с вечностью, когда простое созерцание перерастает в нечто большее.

Хава Хазбиева, с юных лет увлеченная творчеством Хашагульгова, а позже посвятившая много времени исследованию этого творчества, когда-то писала: «Живопись для Хашагульгова – это возможность сотворчества с природой, сопереживания с ней. Краски нужны природе, чтобы творить, созидать – точно так же их использует Хашагульгов. Художник ищет смысл живописи не в цвете и не в линии, но находит этот смысл в правде видимого им и ослепляет красотой этой правды. Он дает возможность увидеть горы так, как

никто и никогда не видел их до него... Впечатление, будто эти каменные гряды живут, растут, мыслят подобно живым существам. В напряженнейшем переживании полноты бытия художник дает тему творчества природы во всем ее космическом размахе... Художник живых чувств, виртуоз коллора, он дает жизнь краскам столь естественную, столь свободную, что нигде не замкнутый мир его картин предстает как царство непосредственной эмоции. Образное видение художника, пропущенное через призму мифо-поэтической эстетики, «оприроднено» настолько, что чувственная сторона живописи достигает своего апофеоза... Через бессмертие природного духа он провозглашает бессмертие национального».

Несомненно, что в живописи Хашагульгова живет высокая поэзия. И поэзия красок его палитры ничуть не уступает по своей образности собственно его поэтическому слову. Выкристаллизованные и рожденные гением мастера произведения (в поэзии ли, в живописи ли) становятся плодом долгих исканий, непрестанного духовного поиска, не прекращающейся ни на миг титанической внутренней работы. Это, наверняка, всегда очень изнурительный процесс, сжигающий нервные клетки. Но, чем он изнурительней, тем сильней конечный выброс энергии, тем ярче результат, явленный в конкретном произведении искусства – всегда легком, живом, изящном по форме и в то же самое время психологически необъятном и безмерном по своей метафизике, неоднозначном и глубоко по содержащейся в нем мысли.

«Все привычное, наработанное веками развития изобразительного искусства, устоявшиеся определения разлетаются и опрокидываются при виде этих необычных и странных картин, - пишет московский искусствовед Татьяна Рудова под впечатлением персональной выставки Хашагульгова, прошедшей в столице в 1997 г. – Странность особого вида: от ощущения лаконизма и простоты, от кажущейся легкости детального анализа любой из представленных композиций и от невозможности дать оценку всей выставке в целом, от невозможности вывести однозначный итог, дойти до границ, поставленных художником самому себе своим творчеством.

На каждой картине – горы, снежные хребты, отроги, плато и ущелья, перевалы и вершины; клубящиеся туманом долины и затянутые мглой пропасти, обрывающиеся во тьму каньоны и резкие световые границы склонов, дымка ночных облаков и курящиеся склоны долин; на каждой картине горы, горы и горы. Потом замечаешь повторения: зеркально обращенные композиции, разные планы одинаковых пейзажей; начинаешь замечать наиболее часто встречающиеся диагональные построения, но отчетливо понимаешь: все это разное и в своей разности, безусловно, абсолютно цельное. Отдельная тема: картины-посвящения. Посвященные родам. Родовые башни, селения. Древние строения, память о прошлом, напоминание о будущем. Ощущение связи этих строений, башен с другими мирами, с событиями поколений, прошедших через эту землю или живших на ней».

Семья Хашагульговых вернулась из депортации в родные места в 1957 г., в период хрущевской «оттепели». 14-летнего Али долгожданная встреча с Родиной наполнила восторгом и трепетом. Перед ним открывался огромный мир, встречей с которым он бредил с той самой поры, как начал сознавать себя. Там, на чужбине, остались его первые поэтические опыты и первые рисунки – говорят, что писать и рисовать он научился еще в дошкольном возрасте.

Дорога домой навсегда отпечаталась в сердце Хашагульгова. «Долго мы были в пути, - писал он впоследствии. - Помню, в декабре в поезде написал поэму, которая называлась «На Родину». Закончил ее в январе, когда приехали. В школу не ходил, у нас не было разрешения на проживание. В шестом классе научился писать на ингушском языке. Переводил Лермонтова, Пушкина, Никитина, Хетагурова. Писал на русском и ингушском языках».

Та поэма, написанная подростком в вагоне поезда, везущего его на Родину, в которой он попытался осмыслить трагедию своего народа, несколько лет спустя ляжет в основу обвинительного заключения осужденного за антисоветчину молодого парня, не успевшего достичь своего двадцатилетия...

«Научился писать на ингушском языке», - эта фраза в воспоминаниях Али Татаровича звучит весьма скромно. На самом деле

Хашагульгову со временем удалось блестяще овладеть всеми богатствами родного языка и, отразив свои глубочайшие познания в творчестве, стать эталоном и в этом смысле. Ингушский язык Хашагульгова – живая материя с вековыми корнями, о существовании которой многие носители этого языка только догадываются. Родной язык Хашагульгова необычайно ярок, сочен и подлинно поэтичен в силу своей образности. Литературовед, кандидат филологических наук профессор Хадишат Точиева в своей статье, посвященной творчеству Али Татаровича, с сожалением отмечала, что общество не готово сегодня к восприятию такой поэзии: «Так случилось в силу объективных причин (выселение, подавление национального самосознания, а значит, культуры в целом). Ингуши изрядно подзабыли свой родной язык. Разговорный, кухонно-бытовой, пожалуй, знают все, но другой – язык абстрактных понятий, язык духовных ценностей, основывающийся прежде всего на пространственных категориях: бессмертие, вечность, вера и т.д. – забыт, и корни его почти истощены. Уровень знания национального языка настолько низок, что читатель не понимает абстрактно-философскую лексику. Понятия частей света, космос, названия птиц, деревьев, метафизические категории, символы – все это в пассиве языка в лучшем случае либо забыто, так как в силу упадка культуры давно вышло из обихода. Родной язык десятилетиями оставался не востребуемым, его гражданский и политический престиж был крайне низок. Вот почему возникла редкая и драматическая ситуация, когда читательская аудитория еще не созрела для полного понимания поэтического слова...

Учиться мыслить на родном языке трудно. Поэтому ингушский поэт выполняет необычную просветительскую роль. Он должен терпеливо готовить аудиторию – растить ее, повышая чувство языка, лексический запас, культуры мышления... И здесь Али Хашагульгов – языкотворец, возрождающий язык, придающий ему живую силу. Это тяжелое бремя, ибо это сфера не только поэтическая. Она связана с длительной работой по собиранию словаря, семантической и фонетической обработкой, реанимацией целых языковых пластов, связанных с духовной и культурной жизнью вайнахов.

Поэт велик, если ему удастся выразить особенности национального сознания, мышления. Изобразительность языка – это фокус преломления мира в сознании народа. Поэт, который сумел показать, как видит мир его народ, и есть национальный поэт. В поэтическом мире Хашагульгова перед нами предстает полузабытый мир, в котором соединены языческие образы и символика с очень конкретной реальностью. Простота и наивность соседствуют со сложной ассоциативной, абстрактной символикой, а философская глубина и обобщения присутствуют в пейзажной и любовной лирике».

Не менее философична и проза Али Хашагульгова. «Маленькие, но емкие психологические рассказы помещены в четвертом номере альманаха «Лоаман Гуйре» («Утро гор») за 1989 год. На первый взгляд, - отмечает профессор Х. Точиева, - рассказы представляют собой незамысловатые зарисовки, сценки, но они внутренне насыщены, психологически емки. Перед нами - человеческие драмы и характеры, за которыми чувствуется большая жизненная сила».

Невероятная жизненная сила была присуща самому Али Татаровичу. Практически на протяжении всей своей жизни он был вынужден нести на себе бремя одиночества. Его душа жила в замкнутом пространстве. И самым страшным испытанием для его творческой натуры было творить без права быть услышанным, писать «в стол» без надежды опубликовать свои творения, без какой-либо уверенности, что он вообще сможет их сохранить.

В 1961 г. юный Али становится студентом Ростовского пединститута. Он учится увлеченно, по вечерам зарабатывая на жизнь грузчиком. Здесь же, в Ростове, на Хашагульгова впервые обратили внимание сотрудники управления по борьбе с идеологическими диверсиями КГБ. Причиной стал крамольный реферат, с которым он выступил на семинаре по истории КПСС. Преподаватель, поручивший ему подготовить тему по национальному вопросу, и подумать не мог, что его студент начнет критиковать партию за репрессии, направленные против целых народов СССР, за ввод советских войск в Венгрию, за жестокое подавление народных

волнений в Грузинской ССР в 1956 г. После этого случая Хашагульгову доходчиво дали понять, что его дальнейшее пребывание в Ростове крайне нежелательно. Али досрочно сдал сессию (это ему разрешили) и перевелся в Грозненский пединститут.

В конце весны 1963 г. Хашагульгов вновь оказался в роли публичного возмутителя спокойствия, прочитав на институтском поэтическом вечере свои стихи. И уже 4 июня за ним пришли сотрудники КГБ ЧИАССР с ордером на арест. Какой-то тайный смысл заключался в том, что в этот же день в альманахе «Утро гор» впервые были опубликованы стихи молодого поэта, а ранним утром их автора взяли в студенческом общежитии, изъяв и опечатав в ходе обыска все его рукописи. Так мордовские лагеря для политзаключенных стали местом его постоянной «прописки» на целых четыре года. «Особо опасный государственный преступник» Али Хашагульгов сблизился здесь с Ю. Даниэлем и А. Синявским, подружился с латышским литератором Кнутом Скуениексом. Ю. Даниэль переводит стихи Хашагульгова для антологии тюремных поэтов (дальнейшая судьба этих стихов осталась неизвестной), а А. Синявский, безмерно доверяя Али, знакомит его со своей поэмой «Плохо», в которой предстало увиденное поэтом истинное обличье «диктатуры пролетариата». Там, в мордовских лагерях, продолжал творить и сам Али Хашагульгов. Некоторые из его стихов того периода читатель увидит лишь только в 1996 году, когда в Москве, в издательстве «Возвращение», в малой серии «Поэты-узники ГУЛАГА» выйдет небольшой сборник Хашагульгова «Автопортрет».

Вот только одно стихотворение из этого сборника – «Побег», которое, вероятно, что-то проигрывает в переводе на русский язык, но сохраняет в себе главное – ясную мысль автора, пронзительную поэтику, присущую его выверенному и точному мировосприятию, острую гражданственность в столкновении сил зла и добра. Это стихотворение звучит как ужасающее откровение о той страшной реальности:

*Полные звезд глаза матери
Представились ему...
Из звезд он сотворил тропу,
Млечный путь.*

*По этой тропе
Направился он домой...
Утром овчарки нашли его
Замерзшим на болоте.*

В 1967 г. Али Хашагульгов выходит на свободу, которая для него строго ограничена – ему нельзя селиться в больших городах, посещать общественные места, выходит из дома после 22-х часов и, само собой разумеется, запрещается публиковать стихи. Ему сразу же отказывают в восстановлении на учебу, преследуют везде, где бы он ни устроился на работу. Он работает корректором в газете «Сердало», в книжном издательстве. Видя произвол по отношению к своему коллеге, однажды за него вступается весь коллектив Джейрахской школы, в которой он преподает ингушский язык, в Тарской школе, где он тоже преподает некоторое время, его отказывается увольнять директор-осетин. Но честные люди оказываются бессильными перед системой. Хашагульгову приходится работать дворником, сторожем, художником-оформителем, рабочим, ремонтирующим дороги, на назрановском заводе «Электроинструмент», а его стихи полнятся какой-то восточной мудростью – отчасти где-то усталой, но всеобъемлющей и исполненной яркой образности:

Дети любили его, хотя и не понимали, почему он открывал дверь и выглядывал наружу, когда объяснял новую тему...

Еще не понимали они, почему он никогда не задавал им читать и учить из учебника.

- Достаточно того, что вы слушали меня, - говорил он.

Правда, детям не пришлось долго слушать его.

(«Учитель»)

В 1972 г. Али Хашагульгов уезжает в Ригу, приняв решение остаться там навсегда – здесь свободнее дышится, здесь его поддерживают друзья-писатели, здесь есть шансы издавать свои стихи – пусть не все, хотя бы малую часть из них. Но мятущийся дух великого поэта тянет его домой.

Али Татарович Хашагульгов мучительно долго пробивается к своему читателю. Его первый поэтический сборник «Страна гор» выходит в свет лишь только в 1985 году. Затем с большими перерывами публикуются его другие сборники – «Первый цветок» (1987), «Золотой мир» (1992), «Автопортрет» (1996),

«Высокая вера» и «Отцовские горы, отцовские села» (1999).

Но наступит время, когда он станет главным редактором ингушского детского журнала «Радуга», для которого он и пишет стихи, и рисует, сделав его одним из лучших в стране изданий такого рода. Первое признание получают его разносторонние таланты - Хашагульгова примут в Союз писателей и Союз художников России. Его живописные полотна будут выставляться в родной Ингушетии, в Грозном и в Москве. Но и новая вселенская боль тоже поселится в сердце поэта. Ее принесет кровавая расправа над ингушами в Пригородном районе, чеченская война, погубившая столько человеческих жизней... В кровавом пожаре этой войны сгорят картины Хашагульгова, огонь дотла уничтожит уже горевший однажды архив поэта... От его жилища в Грозном останется лишь пепелище. И после всего этого поэт найдет в себе силы принять предложение преподавать родной язык на ингушской национальной актерской студии в Высшем театральном училище им. Щукина. Он ютится с семьей в

тесной комнатке московского общежития и передает молодым девушкам и парням свои глубокие знания, работает над своими стихами, представ в новом качестве - эти циклы до сих пор неизвестны читателю, пишет сотни новых картин, талантливо адаптирует для театральной постановки роман Идриса Базоркина «Из тьмы веков». Черпает вдохновение и силу в творчестве, в растущем день ото дня признании. Приезжает на презентацию своих новых сборников в Ингушетию. Полный творческих планов возвращается в Москву – надо продолжить издание книг, отовсюду поступают приглашения приехать с выставкой!

И вдруг... Неожиданный недуг подкашивает мастера. Диагноз врачей как приговор – болезнь неизлечима. Дальше – мучительная смерть. Никто не может достать ему морфий, чтобы облегчить предсмертные муки...

Нет больше блистательного Али. Но осталось его неизданное до сих творческое наследие. Наследие, безусловно, являющееся частью нашей уникальной общероссийской культуры.

Использованная литература:

1. Лоаме г1олла . Поэтический и живописный путеводитель Али Хашагульгова. Сост. Хава Хазбиева, Назрань: б/и, 2003
2. Слово об Али Хашагульгове: сб. / Сост. и ред. Х. М. Хазбиева. Назрань: Шолхи, 2000.
3. Хашагульгов А. Автопортрет. Пер. с ингуш. яз. И. Костоева. М.: Возвращение, 1996
4. Х1анзара г1алг1ай литература. Современная ингушская литература. / Науч. ред. Л. Х. Танкиева. Т. 2. Нальчик: Респуб. полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2011.

References:

1. *Loame gholla. Poeticheskiy i zhivopisnyy putevoditel' Ali Hashagul'gova* (Through the Mountains. Poetic and Picturesque Guidebook by Ali Khashagulgov), Hazbieva, H. M., Comp., Nazran: no publ., 2003.
2. *Slovo ob Ali Hashagul'gove: sbornik* (A Word about Ali Hashagulgov: Collection), Hazbieva, H. M., Comp., Ed., Nazran: Sholhi, 2000.
3. Hashagulgov, A., *Avtoportret* (A Self-Portrait), Kostoev, I., Transl. from Ingush lang., Moscow: Vozvrashhenie, 1996
4. *Hanzara ghalghay literature. Sovremennaya ingushskaya literatura* (Modern Ingush Literature), vol. 2, Tankiev, L. H., Ed., Nalchik: Respublikanskiy poligrafkombinat imeni Revolyutsii 1905 goda, 2011.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Газдиев, А. И. Али Хашагульгов: судьба и творческое наследие [Электронный ресурс] / А. И. Газдиев // Наследие веков. – 2016. – № 4. – С. 75-80. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/12/2016_4_Gazdiev.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Gazdiev, A. I., Ali Khashagul'gov: sud'ba i tvorcheskoe nasledie (Ali Khashagulgov: Fate and Creative Heritage), Nasledie Vekov, 2016, no. 4, pp. 75-80. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/12/2016_4_Gazdiev.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ, ДОКУМЕНТЫ

КУЦЕНКО Флорина Павловна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры истории русской литературы,
теории литературы и критики
Кубанского государственного университета
Краснодар, Россия
Florina P. KUTSENKO
Cand. Sci. (Russian Language), Assoc. Prof.,
Department of the History of Russian Literature,
Literary Theory and Criticism, Kuban State University,
Krasnodar, Russia
ist_rus_lit@mail.ru

Федор Gladkov: письма на Кубань

Публикация содержит письма русского советского писателя Федора Gladkova (1883-1958) кубанским историкам Григорию Чучмаю и Якову Куценко. Уникальные материалы, впервые вводимые в научный оборот, посвящены главным образом личным воспоминаниям Ф. А. Gladkova о дореволюционном периоде его жизни и творчества. Основное внимание автор писем уделил развитию революционного движения в Кубанской области и Черноморской губернии в начале XX в. Публикуемые тексты также дают определенное представление о социально-политических дискуссиях и идеях, распространенных в то время среди представителей провинциальной интеллигенции Юга России.

Ключевые слова: Федор Gladkov, письма, литература, газета «Кубанские областные ведомости», библиотека, школа, учитель, освободительное движение.

Fyodor Gladkov: Letters to Kuban

The publication contains some letters by Russian Soviet writer Fyodor Gladkov (1883-1958) to the Kuban historians Gregory Chuchmay and Jacob Kutsenko. Unique materials, introduce into scientific discourse for the first time, are devoted mainly to Gladkov personal memories of a pre-revolutionary period of his life and work. Main author's attention is paid to the development of the revolutionary movement in the Kuban region and the Black Sea province at the beginning of the 20th century. Published texts also give some insight into the socio-political discussions and ideas prevalent among the provincial intellectuals of the Southern Russia at that time.

Keywords: Fyodor Gladkov, letters, literature, newspaper «Kuban regional vedomosti», library, school, teacher, liberation movement.

Письма пролетарского писателя Ф. Gladkova, которые мы здесь публикуем, взяты из личных архивов кубанских историков Григория Титовича Чучмая и Якова Ивановича Куценко. Подлинные документы «перележали» несколько вершинных, исторических этапов

своей предпочтительной востребованности. Они бы очень пригодились в советское время. А сейчас? На этот вопрос можно сказать твердое «да!». Ведь жизнь литератора, его творчество тесно связаны с нашим краем. Здесь он вырос, учился, потом учительство-

вал (1914–17 гг.), редактировал газету «Красное Черноморье» (1920 г.). В 1925 г., вдохновленный первыми преобразованиями, создал роман «Цемент» [1] – о Новороссийске, новом человеке труда. Четвертый недописанный том авто-биографической тетралогии, создававшийся Gladkovым в самом конце жизни, рассказывает о годах, проведенных в дореволюционном Екатеринодаре. Жизнь и творчество этого яркого деятеля своего времени – неотъемлемая часть нашей кубанской истории и литературы, представляющая большой интерес для современников¹.

Шесть писем Ф. Gladkova 1950-х годов

Письмо 1. Июнь 1955 г.

Товарищу Чучмаю Г. Т.

В своем письме т. Куценко указал, что все листовки Ейской СДРП летом 1906 года (а не 1905 г.) писал я, т. е. в июне-августе. Печатались они на гектографе одного из товарищей – юношей-студентом (а м. б. и гимназистом-выпускником). Я забыл уже. Конечно, восстановить в памяти текст, приложенной Вами прокламацией «К рабочим и гражданам Ейска» невозможно: ведь прошло 50 лет. Думаю, что эта прокламация написана мною, п. ч. на каждом заседании руководство группы, возглавляемой И. Санжуром, текст прокламации поручался мне. Текст их проверялся на очередном собрании.

Из текста моего письма к т. Куценко видно, что в Ейск я приехал с Санжуром в июне 1906 г. (в 1905 году я выехал из Забайкалья в Тифлис, а только поздней весной 1906 г. оставил Грузию). Или вы прочли неверно это место, или я нечаянно сделал опisku, чего не допускаю.

Вот и все, что могу ответить на Ваше письмо.

Всего доброго. Федор Gladkov.
2-VI-55

¹ К сожалению, формат данной публикации не позволяет привести на страницах журнала факсимильные копии публикуемых здесь писем Ф. Gladkova в полном объеме. С ними, тем не менее, можно ознакомиться по ссылке: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/12/Pisma_Gladkov.zip (копии страниц писем приведены в формате jpg и заключены в архив zip) – прим. ред.

Письмо 2. Январь 1957 г.

Москва, 20 января 1957 г.

Уважаемый товарищ Чучмай!

Очень благодарен Вам за дорогой для меня подарок. Надеюсь, что очередная Ваша работа не минует меня.

Вы ошибаетесь, полагая, что писатели не пользуются документальными материалами, полагаясь на какое-то особое «проникновение в прошедшие эпохи». Работая над своей биографической эпопеей, я изучал и изучаю большое количество исторических материалов от документов до газет и поэзии. Да и сейчас я пытаюсь собрать материалы второй половины девяностых годов и за время до 1906 год включительно. Четвертый том моего труда в большей своей части посвящен именно этому периоду Екатеринодарского моего житья-бытья. Если в Вашем распоряжении есть материалы, касающиеся рабочего движения и подпольной революционной работы тех лет, не откажите сообщить мне.

В Вашем документальном сборнике я не нашел листовок / прокламаций, которые распространялись РСДРП в Ейске в 1906 году. Впрочем, в Вашей книге есть упоминание о многолюдном митинге в Ейске по случаю разгона 1-й Думы, но это только один из многих фактов революционной работы в этом городе.

Я приехал туда из Тифлиса вместе с известным большевиком Иваном (Ильей) Санжуром весной 1906 г. уже вполне сложившимся большевиком. Там я активно включился в работу организации: вел два кружка, выступал на митингах и писал прокламации. Все листовки, которые выпускались с мая до августа, писал только я. Они обсуждались в комитете и потом печатались на гектографе. Санжур, как крепкий и авторитетный организатор, быстро привел в порядок организацию, которую разболтали меньшевики. Тогда же под руководством И. Санжура была успешно проведена забастовка портовых рабочих. По-моему, это немаловажные события в кубанском революционном движении и, в частности, в Ейской партийной организации того времени. Неужели нет в архивах никаких документов об этом ейском периоде?

В конце июля или начале августа мы с Санжуром выехали из Ейска, спасаясь от аре-

ста: он – в Ставрополь, а я – в Забайкалье, где я учительствовал <...>. В конце 1906 года я был арестован в Сретенске, преследуемый охранкой, и водворен в Иркутский централ (это мое тюремное заключение отражено в повести «Старое секретное»). Будучи в ссылке, я в 1908 году прочел в одной из Петербургских газет известие о трагической гибели Санжура: нашлись прохвосты, которые обвинили его в провокаторстве, потрясенный, он принял большую дозу серной кислоты. Но в этот же день был реабилитирован, а клеветники разоблачены. Его близко знал И. И. Степанов-Скворцов и был высокого о нем мнения.

Мне очень хотелось бы, чтобы Вы потрудились разыскать документы о работе Ейской организации того времени и о результатах уведомили меня.

Желаю больших успехов в Вашей плодотворной работе.

С приветом, Федор Гладков.

P. S. Если Вам нужны будут какие-нибудь справки, разъяснения и уточнения с моей стороны для последующей Вашей работы, прошу писать мне.

Письмо 3. Март 1957 г.

Москва, 2 марта 1957 г.

Уважаемый товарищ Чучмай!

Благодарю Вас за присылку материалов: они, возможно, пригодятся для дальнейшей моей работы.

Илья (Иван) Санжур – уроженец Ейска. Приехал в Ейск к старику-отцу, который зарабатывал себе на хлеб продажей газет, а нелегально распространял листовки и революционную литературу. Хотя он в кружках и собраниях не принимал участия, он известен был как большевик. Я многое забыл о ейских делах, но думаю, что упоминаемые в документах и в Вашем письме Санжура были близкие люди мне. Забыл также и фамилии членов ейских организаций. Впрочем, помню некоего Попова, студента Лопату, молодую тогда девушку Бураго. Попов и Бураго считали себя большевиками. Лопата был

меньшевик. Организация была объединенной, существовали только фракции.

Куценко прав: Дубовской (а не Дубоский).

Вениамин Сераф. Попов – родной брат писателя Серафимовича. Я по-знакомился с ним в Москве у Серафимовича.

Кстати, в конце девяностых годов в Екатеринодаре уже функционировали подпольные кружки, а руководили ими и местные жители-студенты; и приезжие. Один из таких студентов приходил к нам на Дубинку, к молодому, очень развитому рабочему, послужившему прототипом Степану Ивановичу из моей «Мятежной юности». Я был еще зеленым юнцом, конечно, не знал, куда они уходили и что делали. Но среди рабочих говорили открыто, что у Степ. Иван. и студентов (их, очевидно, было несколько) есть за Кубанью, в зарослях, секретное потайное место, где собираются их дружки-рабочие с мельниц и железн[ой] дороги. Отец мой говорил: «Допрыгаются, дай срок. Закуют их и угоняют в Сибирь». Екатеринодар был город тихий, патриархальный. А рабочие в большинстве были связаны с деревней. На железной дороге рядовые рабочие не имели общения с квалифицированной «аристо-кратией» – с машинистами, обер-кондукторами (некоторые из них имели собственные дома и жили в достатке). Но все-таки по-пролетарски крепкой силой были железнодорожники и рабочие завода Гусника. Так что для рево-

Мемориальная доска на здании бывшего Екатеринодарского городского училища (ныне - Краснодар, ул. Ленина 46), где учился Ф. В. Гладков

Письмо 4. Июль 1957 г.

люционной интеллигенции почва для пропагандистской работы была благоприятная. И все же когда промышленники однажды понизили расценки, а потом остановили заводы и выбросили рабочих на улицу, ни протестов, ни забастовок не было. Я учился в городском 6-тикл[ассном] у[чили]ще и вместе с семьей, голодая жестоко: мы питались в <...> на Старом базаре или в трактире среди босяков. Весной и летом безработные приходили в станицы и нанимались на полевые работы. Все это очень потрясло рабочих, и у них копилось недовольство и бунтарские настроения. Я знал отдельных рабочих, которые настроены были весьма революционно. И что характерно: в областн[ом] войсковом управлении был <...> чиновник, который одним из первых знакомил меня с марксизмом. Мы часто уходили с ним в городской сад и уединялись в дальних пустынных аллеях. И он усидчиво поучал меня, прикрывая лицо широким козырьком на ободранном картузе. Тогда, очевидно, и воздух был насыщен марксизмом. А вот в 1900–02 г. горячие споры марксистов с эсерами происходили ежедневно в библиотеке им. Пушкина. Лидером эсеров был завед[ующий] библиотекой И. А. Кузнецов, а <...> марксисты были студенты. Вот в это-то время и поднимается волна пропаганды и агитации марксистов и организация революционных кружков.

Если у Вас есть возможность поделиться со мной документами этой эпохи, прошу выслать мне их.

За 50 лет много пережито. Не удивительно, что забыты и фамилии товарищей по работе того времени и даже некоторые события. Например, прекрасный товарищ, сильный работник – большевик, который у нас в 90-ые г. один печатал на гектографе листовки и в конце того (1906 г.) был осужден на каторгу, забыт мною по фамилии. А ведь ни фамилии, ни адресов тогда иметь при себе нельзя было. Очень трогательно: среди присланных Вами документов я обнаружил небольшую ейскую прокламацию. Я убежден, что текст ее принадлежит мне – тогда поручалось обычно мне, как литератору, писать листовки. Правда, иногда писали и другие, но редко.

Желаю Вам всего доброго.

Федор Гладков.

Москва, 30-VII-57

Я очень благодарен Вам, дорогой товарищ Чучмай, за внимание к моей <...> просьбе и прошу Вас извинить меня за доставленные Вам труды. Но нет худа без добра: м. б. эти Ваши изыскания и Вам, как историку, небесполезны.

Должен сообщить Вам, что [в] моё время (1896–1902), хотя я был ещё зелёным юнцом, среди рабочих, в массе своей ещё тёмных и полуграмотных, революционную работу интеллигенция заметно не вела. Но отдельные рабочие, которые наезжали из Ростова, Бахмута, с Волги (Саратов, Самара), отличались начитанностью и классовым сознанием. Одного из таких рабочих, которого я знал близко, я пытаюсь изобразить в 4-м т[оме] моей автобиограф[ической] эпопеи («Мятежная юность»). По окончании гор. 6-тикл[ассного] училища и педагогич[еского] класса я около года работал в публичной библиотеке помощником библиотекаря. Зав. библиотекой был очень образованный человек, сам литератор, Иван Александрович Кузнецов (если не забыл), жена его, Софья Павловна (оба из Самары) тоже работала библиотекаршей. Оба были соц[иал]-револ[юционерами]. Их ближайшим товарищем и единомышленником был адвокат Ширский, который впоследствии был одним из вожаков краснодарских эсеров. И вот осенью и зимой 1901–1902 года в библиотеке после работы собирались интеллигенты и вели бесконечные дискуссии. Среди марксистов я хорошо помню бородатого студента Беликова, приходил и мой Степан Иванович (герой «Мятежной юности»). Они с Беликовым держатся заодно. Спорили они особенно яростно с Кузнецовым и Ширским. А я тогда же из этих дискуссий научился многому, о чем и не догадывался.

В том же 1902 году летом я впервые ходил с Степ[аном] Ивановичем на малолюдную массовку далеко за Кубанью, в заросли мелколесья.

Пишу это для того, чтобы историки революционного рабочего движения не забывали, что и в Екатеринодаре в те дни шла подпольная работа и, очевидно, были и рабочие кружки. Надо только не оставлять поисков да и потревожить воспоминаниями и стариков.

Еще раз прошу прощения за доставленные Вам досадные хлопоты и благодарю за внимание. Будьте здоровы.

С коммунистическим приветом, Фед. Гладков.

Вы не сообщили своего имени-отчества.

Письмо 5. Март 1958 г.

9-III-58 г.

Дорогой товарищ Чучмай, посылаю Вам случайно сохранившуюся фотокарточку от весны 20-го года, а м[ожет] б[ыть] от зимы, когда я был членом Окружка и редактором «Красн[ого] Черноморья» после отъезда из Кр[асной] армии. Других, лучших снимков у меня нет. Спасибо Вам за присылку документальных материалов; они очень еще пригодятся.

Ваш Фед. Гладков.

Вы не сохранили Ваших отчетов?

Извините за почерк: я болею.

Письмо 6. 1958 (?)

Уважаемый товарищ Куценко!

В Екатеринодаре я жил с 1895 по 1902-й год на Дубинке, где ютились тогда рабочие паровых мельниц Паласова, Боброва, железнодорожники, маслобойных и стекольных заводов. Отец мой работал на мельнице Паласова. В 1896 году меня определили «мальчиком» в аптекарский магазин на Красной улице, но оттуда я вскоре бежал от побоев (особенно старухи-хозяйки), потом работал (тоже «мальчиком») в литографии – тоже на Красной улице. Вскоре и отсюда сбежал, отравленный бензиновыми парами. В том же году работал учеником в типографии Кубанского обл[астного] правления на Красной ул[ице] и пожарной команды. В этой типографии печаталась газета «Кубанские областные ведомости». Осенью мне удалось поступить в 3-й класс Александровского (а не Алексеевского) городск[ого] 6-тикласс[ного] уч[илища] на углу Соборной пл[ощади] и Бурсаковской ул[ицы]. Возглавлял это училище инспектор Аркадий Аркадьевич Измайлов. Из учителей наибольшее влияние оказал на меня Степан Иванович Фатьянов, человек образованный, прогрессивный и глубоко человеческий. Он прекрасно

Ф. В. Гладков (слева) и Л. М. Мельников, Ейск, 1906 г.

вел педагогический класс при училище. Умер молодым (в 900 годах) от туберкулеза. Он первый обратил внимание на мои литературные упражнения и связал меня с редактором «Куб. обл. Вед.» (неофициальной части) Л. М. Мельниковым. Окончил я это училище и педагогический класс при нем в 1901 году, получив диплом учителя начальн[ого] училища с правом преподавания в 2-хклассных училищах.

Первый свой рассказ («К свету») я через С. И. Фатьянова передал в газету Л. М. Мельникову весной 1900 г. Л. М. Мельников приласкал меня и напечатал рассказ в газете перед выпускными экзаменами в гор[одском] училище. Кажется, в том же 1900 году напечатан был второй рассказ «После работы». В 1901 и 1902 годах в «Куб[анских] обл[астных] Вед[омостях]» было напечатано еще несколько рассказов. После окончания училища работал помощником библиотекаря в гор[одской] публ[ичной] библиотеке. Тогда она помещалась во флигеле, во дворе на Соборной площади, рядом с женской гимназией. Заведовал библиотекой народник И. А. Кузнецов.

Осенью 1902 г. я уехал из Екатеринодара в Забайкалье (я сильно болел <...> малярией и по совету врачей должен был переменить

климат). В Забайкалье проучительствовал 3 года и в 1905 году выехал в Тифлис для поступления в учительский институт. Но революция 1905 г. целиком захватила меня, хотя я и успел все-таки экстерном выдержать экзамен на звание учителя городского училища. К подпольной революционной работе я привлечен был еще в Забайкалье: выполнял кое-какие задания Читинского ПК – главным образом по распространению прокламаций РСДРП (б). Вместе с видным тогда большевиком Ильей Санжуром, с которым я сблизился в Тифлисе, выехал в его родной город Ейск и там под его руководством активно работал в с[оциал]-д[емократической] организации, которую Санжур сумел крепко сплотить и выправить. Все листовки тех дней писались мною, а печатал их на гектографе один беззаветно преданный партии юноша. Избегая ареста, я и Санжур уехали из Ейска, он – в Ставрополь, а я – опять в Забайкалье. В Сретенске, будучи учителем гор[одского] училища, я вскоре был арестован по жандармск[ому] розыску и как один из активных организаторов большевистской группы, которая вела работу среди железнодорожных рабочих, грузчиков, учителей и торговых служащих. С Читинской партийной организацией группа была связана и руководилась т. Губельманом, членом парт[ийного] обл[астного] к[омитета], братом Е. Ярославского. Я отправлен был в Иркутск[ий] централ, а оттуда через полгода – направлен в ссылку в Верхноленский уезд. После ссылки очутился в Новороссийске, где не нашел и признаков револ[юционного] подполья. Однако, я лично завязал связи с рабочими цементного завода и организовал группу учащейся молодежи в гор[одском] уч[илище], где я читал лекции в педагогических классах. Пригласили меня для методической работы бывший мой учитель по Екатериновскому гор[одскому] 6-тикласс[ному] училищу – Г. С. Метеник (заведующий училищем) и инспектор народных училищ Рукавишников, который почему-то питал слабость к политич[ески] «неблагонадежным»

Краснодарские адресаты Ф.В. Гладкова.

Слева направо: Яков Иванович Куценко, заведующий архивом Краснодарского крайкома КПСС; Григорий Титович Чучмай, старший научный сотрудник Государственного архива Краснодарского края.

учителям. Он как-то проговорился, что таких учителей считает наиболее талантливыми и работоспособными.

В 1904 году я назначен был заведующим высш[им] нач[альным] училищем в ст. Павловской, где добился открытия через год реального училища (а не прогимназии), директором которого выдвинул Д. Е. Козюпу, кончившего к тому времени Петроградский университет.

После февральской революции я был одним из организаторов станичного Совета рабочих и казачьих депутатов, а после Октябрьской Социал[истической] революции – активно участвовал в организации Советской власти и станице и был избран заместит[елем] комиссара по просвещению (комиссаром избран казак-фронтовик). Под руководством покойного А. И. Хмельницкого (впоследствии народн[ого] комиссара юстиции Сов[етской] Украины), активно участвовал в проведении съезда учителей Ейского отдела. Резко враждебное отношение ко мне (большевику) казаков и реакционной части учителей (ободренных напором денкинецев), которое выразилось в откровенных угрозах и даже в стрельбе по окнам, вынудило меня уехать в Новороссийск. В Краснодаре я членом Совета рабочих депутатов не был. В Краснодаре я был на съезде Советов, но в 1918 году.

Милостивому Куренко Т. М.

В своем письме Т. Куренко я
указал, что все заседание ЕНКО
сезн летом 1955 г. (а не 1955.)
т.е. в июне-августе.
Позднее она на эхранире
сдела из реверсии-ромной-
Фурман (а н. д. и минимизации
документов. Я этот уже.
Кажется, в соответствии с тем же
текст информации ЕНКО про
Клещант, К. В. и т. д. и т. д.
Этот "невозможности" вех Куренко
Душно то тога пропалативизации
Сам Маслов н. д. на Кавказе (редом
руководителю урн, возмездием
и. Сидорук, ^{т.е.} пропалативизации
Мне. Текст не проверюсь на верном
Сидорук.
Из текста письма к Т. Куренко

Копия текста первого листа письма 1 (Июнь 1955 г.)

Кстати, с моими анкетами того времени прошу не считаться; в них есть вынужденное, по внушению, ложное указание на отношение к меньшевизму. В дни юности мы в большинстве своем очень путались в аграрном вопросе и не могли толком разобраться в теории рен-

ты. Муниципализация, национализация, социализация – это были для нас, еще <...> зеленых невежд, темные дебри. Мы, марксисты, знали только одно, что социализация – это эсеровщина. Я читал «Аграрный вопрос» Каутского и Маслова, и мне казалось, что Маслов в виде

временной меры подходит к решению вопроса о земле убедительно. А национализация при самодержавии и капитализме была невозможной, да ее пропагандировали трудовики. И только перед освобождением из ссылки один студент, образованный марксист, разбил муниципализацию в дребезги, а меня пристыдил: как это я при большевистских убеждениях смог примириться с масловским мелкобуржуазным оппортунизмом в аграрном вопросе. Мои товарищи в Новороссийске, тоже весьма не сведущие и наивные в вопросах теории, внушили мне, что раз я стоял на точке зрения муниципализации, то тем самым я стоял на платформе меньшевизма, несмотря на ленинские убеждения. И я с мучительным насилием над собою обозначил, что имел отношение к меньшевикам. Потом уже при изучении истории нашей партии я видел, что среди большевиков были и беспрограммники и часть принимала муниципализацию. Эта моя ошибка стоила мне дорого. И уже здесь, в Москве, мои бывшие товарищи по сибирской революционной работе очистили меня в ЦКК от скверны, которую я нагородил на себя.

Итак, литературную свою деятельность я начал в Екатеринодаре с 1900 года и первым моим руководителем и наставником был Лука Мартынович Мельников, редактор неофициальной части «Обл[астных] Вед[омостей]». Вспомнить о нем и отдать ему должное в истории Краснодара было бы весьма желательным. Он был в ту пору одним из самых образованных и прогрессивных людей в городе. Сам

литератор, он писал много о Кубанском крае. Из его трудов напому такие, как «Интеллигентный черноморец 40-х годов» (о дневниках Золотаренко), как «В предгорьях Майкопского отдела», как большой историко-литературный очерк о дружбе Т. Шевченко с ген. Кухаренко (кубанцем), как статьи о Белинском и пр.

Немало помогал мне, юному, начинающему писателю, Ник. Ник. Канивецкий, местный беллетрист. Его юмористические рассказы печатались в тех же «Куб[анских] обл[астных] Вед[омостях]» – единственном периодическом органе на Кубани. Рассказы были потом изданы самим автором отдельной книжкой, под общим заглавием «Из былого Черноморья». Один из его рассказов («На вершок от счастья») напечатан был в Миролубовимом в «Журнале для всех» в 1901 году. Но Канивецкий был резкой противоположностью Мельникову; это был сибарит и эстет.

Д. Е. Козюпа был один из близких мне друзей. Защитив в начале 30-х годов диссертацию на степень кандидата биологических наук, он преподавал в ВУЗах (не помню где), потом перед войной работал в Краснодаре. При захвате фашистами города, был схвачен и погиб где-то по дороге вместе с другими пленниками. Об этом рассказывали мне жена его и сын, которые проживают в Москве.

С коммунистическим приветом Федор Гладков.

P. S. В 4-ом томе моей автобиографич[еской] эпопеи я подробно живописую Екатеринодар периода моей юности.

Использованная литература:

1. Гладков Ф. В. Цемент. М.- Л.: Земля и фабрика, 1927.

References:

1. Gladkov, F. V., *Tsement* (Cement), Moscow-Leningrad: Zemlya i fabrica, 1927.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Куценко, Ф. П. Федор Гладков: письма на Кубань [Электронный ресурс] / Ф. П. Куценко // Наследие веков. – 2016. – № 4. – С. 81-88. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/12/2016_4_Kutsenko.pdf (дата обращения дд.мм.гг)

Full bibliographic reference to the article:

Kutsenko, F. P., Fedor Gladkov: pis'ma na Kuban' (Fyodor Gladkov: Letters to Kuban), *Nasledie Vekov*, 2016, no. 4, pp. 81-88. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/12/2016_4_Kutsenko.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

Осенью 2015 года при посредничестве Южного филиала Института Наследия Краснодарский художественный музей получил в дар четыре живописных полотна известного российского художника, члена-корреспондента Российской Академии художеств Б. Г. Коржевского (1927–2004). Картины подарены дочери художника Ю. Б. Коржевской. О талантливом уроженце станицы Динской рассказывает ныне тоже уже покойный брат живописца Александр Георгиевич Коржевский.

А. Г. КОРЖЕВСКИЙ

Alexander G. KORZHEVSKY

**В стороне от черного квадрата
(Воспоминания о художнике
Б. Г. Коржевском)¹**

Воспоминания Александра Коржевского повествуют о жизненном пути и творческих исканиях его брата, талантливого живописца, уроженца станицы Динской Бориса Коржевского.

Биография художника повествует о вехах его творческой эволюции, насыщена образами известных людей, с которыми он был знаком и тесно связана с событиями, определившими историю страны. Значительное внимание автор воспоминаний уделил периоду личностного становления живописца, а также поре, когда его талант раскрылся в полной мере.

Воспоминания подготовлены к печати профессором В. К. Чумаченко.

Ключевые слова: история советской живописи, художник Борис Коржевский, московские сезаннисты.

**Aside from the Black Square
(Memories of Artist
Boris G. Korzhevsky)¹**

Memories by Alexander Korzhevsky are devoted to the life and artistic explorations of his brother, a talented artist Boris Korzhevsky who was a native of stanitsa Dinskaya.

Biography of the artist narrates of the milestones of his creative evolution. His path of life is full of images of famous people whom he was familiar, and is closely linked to the events that determined the history of the country. Considerable attention is paid to the period of personal painter formation, and also to the time when his talent was revealed in full.

Memories are prepared for publication by Prof. Victor K. Chumachenko.

Keywords: history of Soviet art, Boris Korzhevsky, the artist, Moscow Cezannists.

¹ Подготовка текста:

Виктор Кириллович ЧУМАЧЕНКО - кандидат филологических наук, профессор, старший научный сотрудник отдела экспертно-консультативной деятельности и проблем культурного и природного наследия Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Краснодар, Россия; электронная почта: vchum@rambler.ru

¹ The text was prepared by:

Victor K. CHUMACHENKO - Cand. Sci. (Theory of Literature), Prof., Senior Researcher, Department of the Expert Advisory Activities and Problems of Cultural and Natural Heritage, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Krasnodar, Russia; email: vchum@rambler.ru

Жизнь подлинного художника, как правило, легкой не бывает. Трудной, трагической была она у моего брата. Судьба распорядилась так, что мы никогда не разлучались, все прожитые годы находились рядом; наши взгляды и интересы были близкими, и у нашей дружбы не было границ. Для меня он жив и сегодня. Мысленно вызываю его образ, слышу его голос, чувствую его душу.

Он был удивительным человеком: необычайно одаренным, душевно чистым, добрым, открытым, скромным, легко ранимым. Всего себя целиком он отдал любимому делу – служению живописи.

***

Наше раннее детство – это кубанская станица Динская, где мы родились в маленьком одноэтажном домике станичной больницы с разницей в два года. Старшим был я. Огромным цветущим садом запомнилась на всю жизнь родная станица. Здесь усадьба нашего деда, кубанского казака, черноморца Василия Сидоровича Коржевского, происшедшего из запорожцев. На Таманском полуострове сохранился поселок с названием Коржевский, где когда-то было поместье наших предков, переселенных на Кубань из Запорожской Сечи. Существовала легенда, будто в период польско-украинских междоусобных войн некий Коржевский, тогда королевский казначей, бежал в Сечь, прихватив с собой солидную часть казны. Его потомкам и досталась земля на Тамани.

Когда вспоминаю детство – наш сад, тихие летние вечера, воздух, пропитанный запахом сирени, жасмина, акации и полевых цветов, дух соломы и абрикосов, которые сушат на крышах домов по всей станице, – думаю, что это и был земной рай, где мы с братом впервые увидели этот Мир.

Мы бегали по саду, обогреты южным солнцем, лаской родителей, многочисленных теток, двоюродных и троюродных сестер. Главным же нашим воспитателем была бабушка Вера, мать отца. Ее судьба необычайно романтична: плененная четырехлетним ребенком черкесская княжна воспитывалась удочеренной в семье русского полковника, получила гимназическое образование и была выдана замуж за кубанского казака. Ее рассказы и сказки о гномах и великанах мы слушали

внимательно, как замороженные, с открытыми ртами. Вкуснейшими обедами, с пирогами и другими яствами, она нас потчевала. Это она тайно окрестила меня в местной церкви, что не поощрялось тогда новой властью, пропагандировавшей воинствующее безбожие (мой брат принял крещение уже в зрелом возрасте, в 1990-е годы). Глубоко верующая, справедливая, добродетельная и всеми уважаемая – такой она была и запомнилась нам. В противоположность деду, развеселому шутнику и балагуру, она казалась особенно значительной, ее авторитет был непоколебим и непрекаем.

Когда мы подросли и пришло время идти в школу, родители забрали нас в город, где они жили. Тогда мы могли говорить только на украинском языке, и потому дворовые мальчишки прозвали и дразнили нас «украинцами». Сначала было трудно, но как-то быстро и незаметно мы перешли на русский, к удивлению озабоченных родителей.

Живем в центре города Краснодара – столице Кубанского края на главной улице Красной. Веселым и чудесным казался нам тогда этот город.

Наш отец, Георгий (Юрий) Васильевич Коржевский, украинский кубанский писатель, преподавал в местном пединституте литературу; мама, Вера Исаевна Коржевская (урожденная Гурович), работала учительницей в той же школе, где мы с братом учились. Впоследствии другая бабушка, Дарья Никаноровна Буянцева, опекала нас. Она была из центра России, владимирская, истинно русская, дочь иконописца, строгая и энергичная. Второй дед, по матери, Исайя Григорьевич Гурович, умер до нашего рождения, а был он древнейших библейских кровей. Провизор и практикующий врач, он имел собственные аптеки, как потом рассказывала мама, был жадным и богатым. Деньги копил в ассигнациях. Это были пятисотрублевые «Петьки» и стотрублевые «Катьки», которыми до верха был наполнен сундук, но все они «сгорели» в ходе революционных событий начала XX века.

Таким образом, в нас текут четыре разные крови, и, как любил шутить брат, мы квартероны. По этому поводу он сочинил как-то:

*Черкес и запорожца сила,
Но, как всегда, и здесь еврей,*

*Россия всех объединила
В одно из четырех кровей.*

И в самом деле, в многогранной натуре брата соединились черты этих национальностей: терпимость и бескомпромиссность, твердость и вспыльчивость, наряду с искренностью, безграничной добротой, мягким сердцем и отсутствием всякой фальши. Эта «гремучая смесь» проявилась много раз в колебаниях его характера, порой взрывного, подвижного, нервного. Повышенная эмоциональность, наблюдательность и заостренное внимание помогали ему в работе. Это просматривается и в его картинах, проникнутых чувственным порывом, насыщенных цветовыми аккордами.

Брат был среднего роста и атлетического сложения. Правильные черты лица и густая шевелюра отличали его облик. Красивые, с голубизной изменчивого цвета глаза, в которых порой замечались грусть и обида, становились сосредоточенными, когда он брал в руки кисть. В жизни Борис испытал много горя, несправедливости и боли, но всегда храбро сражался с ветряными мельницами бытия. Он легко обижался и великодушно мирился, хотя в трудные часы бывал хмурым, недоверчивым, нелюдимым, раздражительным. С чувством досады часто думаю о том, что жизнь была дарована ему в чуждом ему притворном времени советского хаоса. Брат выделялся широким проницательным интеллектом и находил счастье в своем творчестве, которым он был поистине одержим.

С трехлетнего возраста он твердо держит в руке карандаш, рисует. Казалось, что он начал рисовать раньше, чем заговорил, и все отмечают, что, вероятно, эта потребность перешла к нему по наследству от прадеда, владимирского иконописца Никанора Буянцева, отца нашей бабушки Дарьи. Крепкого и здорового малыша, ласкового и застенчивого любил все, кто окружал тогда нас. Хорошо помнится он мне сидящим за маленьким столиком, не расстающимся с карандашом и рисующим зверей: лошадей, слонов, но предпочтительно – львов.

Когда Борису исполнилось семь лет, его определяют в кружок рисования при местном Доме пионеров, где он сразу же выделяется среди ребят своими способностями. Этот кружок он не покидает до окончания школы.

Преподавал в нем художник и внимательный педагог Николай Прокопьевич Евса. Здесь у брата появляются друзья – молодые художники – венгр Володя Гаал и армянин Арван Абрамян. Их отцы, как и наш, позже были арестованы как «враги народа». Это грустное обстоятельство впоследствии сблизит их еще больше.

Вот и радостный день – 11 апреля 1937 года. В этот день брату исполнилось 10 лет – первый юбилей. Его отмечали торжественно, гасили свечи на торте, испеченном бабушкой. Тогда отец подарил ему первый этюдник с набором масляных красок, с тех пор с красками он никогда не расставался. В школе Борис рисует несравненно лучше всех своих сверстников, а потому пользуется как у них, так и у учителей известным авторитетом. Учителя постоянно эксплуатируют его для изготовления всевозможных учебных пособий и стенгазет, он же не остается в долгу, рисуя на них всевозможные шаржи.

Когда брату было 12 лет, он получил первую премию на краевом конкурсе детского рисунка за картину «Петр Великий в Полтавской битве», выполненную на холсте масляными красками. Петр изображен несущимся на коне впереди войска с поднятой вверх шашкой. Премия эта была путевкой в пионерлагерь «Артек» в Крыму. Это место он полюбил и много раз там бывал, уже будучи взрослым. Замечательный местный художник-импрессионист Гайк Аветисович Аветисян, который в молодости жил и учился в Париже, с восторгом отмечал уникальные способности Бориса, а брат у него брал первые уроки живописи и слушал увлекательные рассказы из жизни парижской богемы. Вероятно, этот художник еще тогда открыл ему тайны цветовых отношений в живописи.

С редкостной целеустремленностью и упорством постигал брат новые и новые миры, открывавшиеся перед ним. В Краснодаре есть небольшой, им любимый художественный музей, в котором тогда директором был друг отца, писатель Василий Константинович Очерет (будущий Василь Барка). Впоследствии он стал известен своим романом «Желтый князь», где повествуется о голодоморе 1933 года. Нам с братом тоже пришлось тяжело пережить этот голодный год. Уже тогда мы

научились делиться друг с другом последним. В тот год мы видели на улицах города трупы умерших от голода людей, были и случаи людоедства, а хлеб, который мы получали по карточкам в мизерном количестве, пекли из кукурузной муки, и был он как кусок глины. Удивительно, как мы выжили...

Василий Константинович старательно шефствует над братом, знакомит его с достопримечательностями музея и основами истории искусств. Его влияние на становление юного художника оказалось заметным, не прошло даром, что отмечал и сам брат.

Родители уделяют много внимания нашему воспитанию и образованию, особенно отец, чуткий педагог. Уже тогда нам была установлена граница недопозволенного – того, что человек никогда не должен себе позволять, мы знали и хорошо чувствовали ее. Это осталось на всю жизнь. Впоследствии брат всегда хранил в своем жизненном арсенале несколько правил, усвоенных с детства, которым подчинялся без рассуждений.

В нашем доме была обширная и разносторонняя библиотека, собранная отцом и бабушкой Дарьей: Энциклопедия Брокгауза, Всеобщая история Йегера, История искусств Вермана, сочинения русских и зарубежных классиков. Едва овладев азбукой, мы стали много читать. Наша мама особенно любила Диккенса и привила нам любовь к его романам. Когда же она читала нам, еще маленьким, рассказы о животных Сетона-Томпсона и мы проливали слезы – так жалко было Чинка и Домино, – отец ворчал: к чему, мол, такие сантименты, вырастим хлюпиков, и трудно им будет. И был, наверное, прав: нам, в самом деле, приходилось нелегко, когда мы уже вышли из-под родительской опеки. Уж слишком сердобольными нас вырастили, особенно это относилось к брату – он всегда был как-то сердечнее и ранимее меня, всегда защищал слабых, охотно им помогал, жалел бездомных собак и уверял, что они лучше, благороднее нас, людей.

В детские и юношеские годы мы не только много читали, но в равной мере набирались и других впечатлений. В нашем окружении в основном были взрослые – друзья отца – писатели и ученые, и это благоприятно сказалось на формировании наших взглядов и знаний.

Большое влияние на нас оказал брат мамы Владимир – замечательный педагог и рисовальщик; нас связывали взаимная любовь и общие интересы. Впоследствии он не избежал сталинских лагерей, но чудом уцелел, пробыв там 15 лет.

И вот пришло время, когда мой брат впервые влюбился. Ему не было еще и десяти, когда этот застенчивый мальчик однажды встретил свою первую любовь. Он бродил по улицам в надежде встретить ее, не спал ночами. С предметом своей любви он даже не был лично знаком, держал это чувство в себе, страдал. Девочка-красавица, того же возраста что и он, жила по соседству с нами. То, что он влюбился без памяти, – это была его сокровенная тайна, в которую он посвятил только меня и просил как-то завязать знакомство с нею, не решаясь на это сам. Мне легко это удалось: она оказалась довольно бойкой и согласилась пойти с нами в кино. Ясно помню, как это было: в зале девица сидела между нами, все трое молчали, стесненные новым знакомством. Ковбойский фильм «Знак Зорро», с участием в главных ролях Мери Пикфорд и Дугласа Фербенкса, был немым; перед экраном сидел тапер, исполнявший импровизированное музыкальное сопровождение, сюжет и диалоги читались в титрах на экране. Нас этот фильм привел в восторг, но я заметил, что девочка никак не проявила своего отношения к этой романтической эскападе, и тогда я решил, что у брата ничего с этой девочкой не сложится. Так оно и оказалось. Ответа на всепоглощающую любовь не последовало, и Борис долго переживал, даже будучи уже студентом, не мог ее забыть. Она же, Клара Крахмалева, впоследствии стала солисткой Краснодарской оперетты, кружила головы многим, и как-то потом в Москве повстречалась нам, но за прошедшие годы любовь брата уже успела улетучиться.

В детстве мы не особенно водились с дворовыми мальчишками – они как-то мало нас интересовали, мы жили сами по себе, своими увлечениями. Любимой игрой у нас была историческая игра в солдатики. Эти солдатики изготавливались нами из плотной бумаги, ватмана; офицеры, генералы, маршалы, короли рисовались братом; у всех были имена, их потом вырезали и устанавливали на подставки. Рядовых солдат вырезал я, их надо

было много, сотни, и эта более грубая работа поручалась мне. Так были созданы армии Наполеона, русская армия, австрийцы, итальянцы и т. д. Потом разыгрывались сражения: Аустерлиц, Маренго, Бородино. Были и другие армии: красные и белые, римляне, армия Ганнибала и, наконец, просто пираты. Боря настолько был увлечен этой игрой, что особенно почитаемых и любимых героев – Наполеона, Мюрата и Лавра Георгиевича Корнилова – на ночь клал себе под подушку. Солдатики эти потом сохранялись у него надолго.

Были у нас и другие игры (назовем их литературными), когда мы изображали из себя героев прочитанных книг. Одно время Боря был Атосом, а я – Арамисом. Был и д'Артаньян (его настоящая фамилия Вартаньян, да к тому же у него был заметно большой нос), был и Портос – оба из числа школьных приятелей. Фехтовали деревянными рапирами собственного изготовления. Когда Боря изображал Атоса и входил в эту роль, он старался отличаться благородством, говорил мало, весомо. Арамис был изобретательным, увлекался астрономией, любовался звездами.

Как-то солнечным весенним утром, когда я был уже Робинзоном Крузо, а Боря – Пятницей, мы вместо школы отправились за Кубань, где построили шалаш из веток; домой вернулись поздно. Родители сбились с ног в поисках пропавших сыновей. Мы, конечно, во всем признались, и отец пообещал выпороть меня как заводилу, если это повторится, но на первый раз простил, а повторения не было.

Еще Боря любил рисовать героев прочитанных книг, придавая им сходство с окружающими нас личностями. Так, у меня над кроватью долго висел воображаемый портрет папаши Гекльберри Финна, который имел абсолютное сходство с дядей Витей, братом мамы, непросыхающим любителем местного «абсента», веселым человеком эпикурейского нрава.

Наши гуманитарные познания значительно превосходили школьную программу, нам было легко одолеть ее. Но большинство наших сверстников не стремились узнать больше того, чему их учили в советской школе, и потому мы казались им белыми воронами. Так мы росли и выросли в небольшом провинциальном городе.

***

Вот и пришел роковой 1938 год – пик террора, страха и насилия, во многом предопределивший нашу дальнейшую судьбу. В ночь на 27 апреля был арестован наш отец – главная опора семьи, человек кристально чистый, нами любимый [2]. Ждали, что арестуют и маму, но пронесло – ограничились тем, что изгнали с работы. Больше года она не могла устроиться на новую. Друзья и знакомые от нас отвернулись, при встрече не замечали, боялись общаться с нами. В школе отношение к нам со стороны учителей резко изменилось. Так, однажды брат, отвлекшись от урока, рисовал с натуры свою учительницу, и, обнаружив это, она повышенным тоном произнесла: «Коржевский, не забывай, что ты сын врага народа, ты не должен позволять себе вольностей и запомни, что к тебе всегда будет особенное отношение». И, конечно, он запомнил это.

Раз в неделю нам приходилось рано утром, еще до рассвета, идти через весь город, на его окраину, к тюрьме на перекличку, чтобы только узнать, не разрешена ли передача отцу. Всякий раз безрезультатно. Живем только надеждой на его освобождение. Прошло два года, и вот, наконец, пришла первая долгожданная весточка от отца – письмо, написанное на тряпочке, посланное с этапа: он осужден, и его везут в далекие лагеря. Только через 15 лет, в 1956 году, вместе с извещением о реабилитации мы узнали о том, что он умер в лагерной больнице недалеко от Магадана в 1941 году. А в какой безымянной могиле он похоронен, мы не узнаем никогда. Боря особенно остро переживал гибель отца, тогда я часто видел слезы в его глазах.

Скромное наследие отца – это изданные на украинском языке роман «Дни» и пьеса «В пути», а также сохранившаяся рукопись романа «На острие времени». Они и являются ему памятником. Уже в 90-е годы Боря написал по памяти портрет отца, который по предложению профессора В. К. Чумаченко был подарен Литературному музею Кубани. Позднее он также предпринимал попытки заинтересовать Бориным творчеством Краснодарский художественный музей.

***

В тот трагический день 22 июня 1941 года рано утром я услышал в открытое окно

крики ребят. Так мы узнали о том, что началась война. А вскоре во время налета наш дом был разрушен до основания прямым попаданием германской бомбы. Погибли и наша библиотека, и все наше имущество. Уцелели мы чудом, потому что случайно не оказались в доме в тот момент. И остались мы нищими, без собственного крова на долгие 15 лет.

Пришли немцы, их оккупация продолжалась полгода. Трудно и страшно было нам в то время: надо было скрываться, потому как на нас донесли в гестапо, ведь наш дед, отец нашей мамы, был еврейских кровей, и в ее паспорте также значилась эта национальность. Пытались мы с Борей его исправить: терли резинкой, скоблили бритвой, но ничего не получалось – испортили его окончательно.

Живем то у бабушки Дарьи, то у других родственников или знакомых. Наконец, когда маме сообщила ее приятельница, что к ней приходили из полиции, интересовались нами, решили уходить в родную станицу к сестрам отца. Поздним вечером, когда уже стемнело, нагруженные котомками с каким-то необходимым скарбом, мы отправляемся в путь, так чтобы к раннему утру прийти незамеченными. Эта ночь была страшной и темной, но дорога хорошо знакома, и все 30 километров мы преодолели без приключений, никого не встретив, хотя могли бы встретить и патруль, и незнакомых случайных ходоков, и грабителей, но пронесло, слава Богу. Несомненно, помог нам и наш ангел-хранитель, может быть, потому что видел, как мы все трое были спяны памятью об отце, теплом матери и любовью друг к другу.

***

1944 год. Брат, мама и я едем в незнакомую нам Москву, чтобы остаться там навсегда. Брат поступил в Художественный институт, бывший ВХУТЕМАС. Из 100 абитуриентов было принято 11. Брат учился в мастерской тогдашнего директора Игоря Эммануиловича Грабаря. Мастерская называлась портретной.

Институт размещался в небольшом доме на Арбате, рядом с Собачьей площадкой. В том же доме находилось Щукинское театральное училище – так что будущие актрисы кокетничали с будущими художниками. Время голодное, военное, студенты оборванные, полураздетые. Московские морозы дают о себе знать,

но мы не унываем, увлечены своим делом, видимся почти ежедневно, хотя живем в разных общежитиях.

Москва многому научила моего брата, доверчивого, открытого, наивного провинциала. Она никогда не была гостеприимной и сердобольной. Да и москвичи заметно отличались от южан, наших земляков, суровым нравом с холодком. Вот и закончилась Великая война, мы победили! Это был незабываемый, поистине всеобщий Праздник, когда весь центр столицы был заполнен восторженной ликующей толпой. Люди пели, плясали, радовались, что закончилось тяжелое военное время, многие плакали.

Ходим по музеям, бываем на концертах в консерватории, куда нас пускают без билетов добрые билетерши. Борю особенно поразил Моцарт, его музыкой он был очарован; восхищался великими немцами Бетховеном и Бахом. Питаемся в студенческих столовых по талонам скудными обедами, да тем, что пошлет нам иногда случай. В послевоенные годы люди получали хлеб и продукты по карточкам, этого не хватало, все голодали, спасала картошка – самый дешевый и доступный продукт, она всегда выручала Россию в голодные годы.

Часто бываю в институте у брата, иногда подрабатываю, разгружая машину с хлебом для булочной, за что получаю целую буханку, несу брату его долю, всегда делюсь с ним, жалею его. Он казался мне тогда особенно незащитным. Его всегда окружает веселая, шумная компания будущих художников: Женя Лобанов, Саша Суханов, Женя Онуфриев, Ахмет Китаев, Петр Оссовский, Виктор Иванов, Гелий Коржев, Валя Пурыгин, Лавиния Бажбук, Нина Сергеева, Костя Карамян, Володя Перяславец, братья Ткачевы.

Несмотря на голодное время, в подражание бубновалетовцам, в институте был создан кружок тяжелоатлетов, руководил которым некто Кнесс. Брат среди них чуть ли не лидер, а его коронный номер – приседание на одной ноге при второй вытянутой и с двухпудовой гирей в руке, так называемый «пистолет», – вызывал восхищение окружающих. Этот номер удавался немногим.

В те суровые послевоенные годы студентам жилось особенно голодно и холодно. Так, Саша Суханов, студент способный, удивитель-

но талантливый и, наверное, самый бедный в институте, надевал ватник на голое тело: в его гардеробе другой одежды просто не было. А завтрак у нас часто состоял из куска черного хлеба и стакана кипятка на сахарине.

Вот тогда изобретательная дирекция этого института, чтобы накормить своих голодающих питомцев, придумала так называемую производственную практику на заводах пищевой промышленности. Молодые художники изображали производственный процесс, рисовали передовиков производства, и им разрешалось посещать любые цеха и там съесть любую пищевую продукцию в любых количествах, то есть наесться до отвала.

Так, у брата был постоянный пропуск на Московский Рыбокомбинат. Ежедневно после занятий в институте туда направлялась бригада художников в составе: Лобанов, Китаев, Суханов и брат. Что-то они там рисовали и наедались рыбы, приготовленной в самых разнообразных видах. Иногда вместо кого-то, отсутствующего по той или иной причине, брали меня. Это был восхитительный пир по тем временам. Семга, осетрина холодного и горячего копчения, черная и красная икра – все это человек того времени не мог даже себе представить, а мы ели до полного насыщения.

Ежегодно на все лето институт выезжал в Крым, на берег моря, в принадлежавшую ему деревню Козы, где студенты писали пейзажи и набирались сил.

Как-то на зимние каникулы мы едем в Ленинград, смотреть картины только что открывшегося после блокады Эрмитажа. Едем, конечно, без билетов. В ночном поезде нас четверо: Китаев, Лобанов, Борис и я. Идет контроль – бежим в тамбур. Контролер догоняет нас и требует предъявить билеты. Я не растерялся: предъявляю мой студенческий, и что же – на удивление всей компании, контролер пробивает его компостером и почтительно мне возвращает. Все следуют моему примеру. «Куда едете, ребята?» – поинтересовался, добродушно улыбаясь, контро-

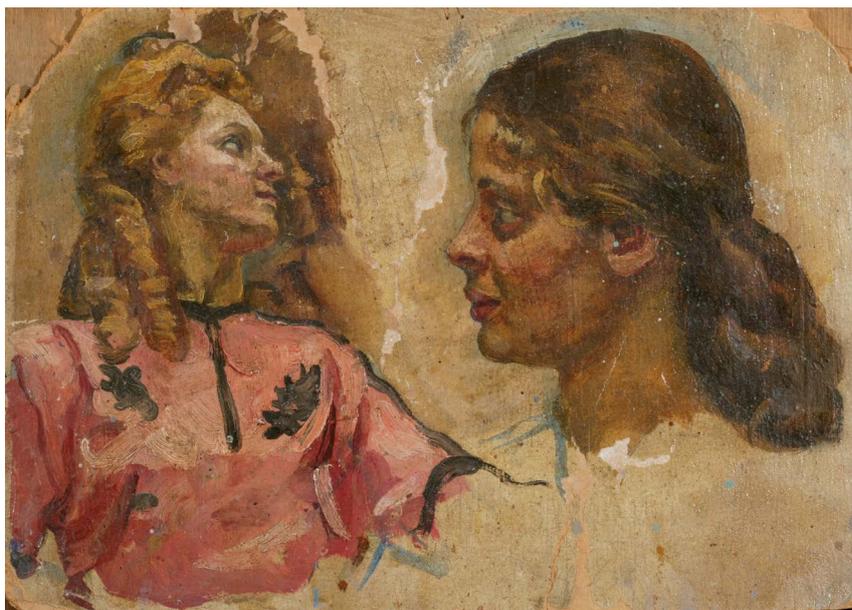
лер. «В Питер, смотреть картины Эрмитажа», – был ответ. «Ну, тогда поезжайте», – сказал он нам на прощанье. Вот такие контролеры и с чувством юмора, и добрым сердцем служили тогда на железных дорогах.

Эрмитаж нас ошеломил – ходим по залам, точно пьяные, и от голода, и от восторга, но созерцание великих творений удваивает силы – вот, что значит энергия духа, возбужденная красотой. Впервые увидеть шедевры Рембрандта, Рубенса, Веронезе, прочувствовать их, хотя и на голодный желудок – это прекрасно. Мы настолько восхищены, что голод не замечаем.

Были и неприятности. Тогда всюду водились осведомители. Боря, по своей наивности и доверчивости, рассказал одному сокурснику о судьбе нашего отца и о том, что мы были на оккупированной немцами территории. Сразу же о Бориной откровенности стало известно в деканате, и встал вопрос об исключении из института сына врага народа, скрывшего этот факт. После длительных разбирательств Борю все же не исключили: отстоял тогдашний декан Дмитрий Мочальский. Думается, и на этот раз вмешался и помог ему наш добрый, невидимый ангел-хранитель.

***

В 1950 году Боря окончил институт. Его дипломная работа, картина «После лекции», изображает группу студентов, беседующих с пожилым профессором в интерьере старого

А. Г. Коржевский. Эскиз к картине Московский университет

А. Г. Коржевский. Натюрморт с лимонами

здания Московского университета. Она исполнена в традициях венецианских мастеров эпохи Возрождения и уже тогда являлась программной работой, соединяющей классику с современностью, что брат всегда, и уже в ту пору, считал особенностью своего творчества. В настоящее время эта картина находится в картинной галерее города Нижний Тагил.

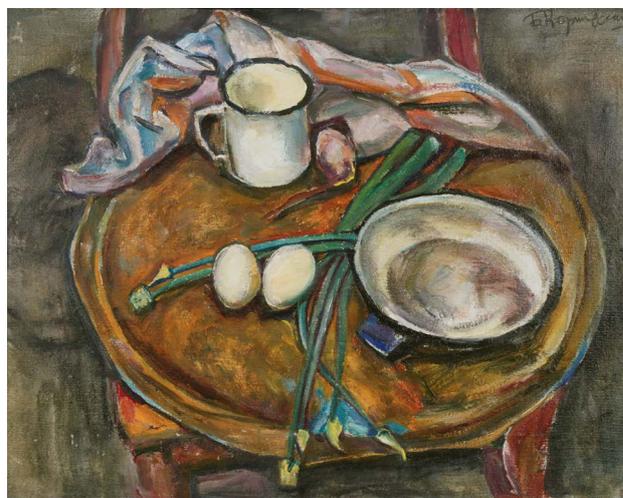
***

Вскоре многое изменилось: теперь мы живем втроем, наша мама с нами. Человек она героический, самоотверженный. Всю свою долголетнюю жизнь (а прожила она 95 лет) отдала нам, любимым сыновьям, вырастила и воспитала нас. Работает мама в школе, получая грошовую зарплату учителя. Мы снимаем комнаты, то одну, то другую; работаем, надо зарабатывать на жизнь, а время трудное, послевоенное [1]. Все наше имущество – это два чемодана и Борин этюдник с красками.

Скитаниям по чужим углам, кажется, не видно конца. Несколько лет продолжается бездомное существование: то трудности с пропиской, то нас обокрали хозяйева, то тесно всем в маленькой комнатке. Приходится искать новое пристанище, но найти комнату в Москве нелегко, поэтому снимаем в пригороде, а там другая проблема – нужны дрова. Боря имел привычку зарисовывать наших хозяев – получилась целая галерея типажей, напоминающая карикатурных героев Гоголя или Салтыкова-Щедрина. Бывало и так, что приходилось ночевать на вокзале. Наши родственники-москвичи, сестра отца и брат мамы, отказали даже хотя бы во временном приюте. Так мы с братом познавали суровую действительность,

однако все эти невзгоды только еще крепче сплотили нас, нашу дружбу. Как-то мама устроилась работать управдомом, обещали квартиру – обманули – вернулась в школу. У Бори бывают все же случайные заработки, и это спасает положение – то он расписывает стены в ресторане, то потолки в разрушенной гостинице «Москва». Приходилось даже рисовать огромные портреты коммунистических вождей сухой кистью, их вывешивали тогда на фасадах зданий. Одно время он работал в издательстве «Детгиз», иллюстрировал книги для детей, но настоящее творчество по призванию всегда было у него на первом месте.

В эти трудные послевоенные годы он создает свои картины в нечеловеческих условиях, в тесноте и постоянной нужде. Тогда им были написаны: «Старый Арбат» (1947), «Маки» (1948), «Георгин» (1948), «Комнатный лимон» (1948), «Автопортрет» (1949), «Кухонный стол» (1949), копии с картин Эль Греко «Святое семейство» (1952), «Эсполио» (1952), «Портрет Диего Васкеса», выполненная в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, натюрморт «Рыбы и яйца» (1952), «Ирисы» (1952) и др. Как-то он получил заказ на большую картину, но негде было над ней работать. Что делать? Думаем. Тогда я работал в академическом институте, иду к директору – прошу его разрешить моему брату писать картину в здании института на чердаке. Разрешил. Здесь рождалась картина «Летним днем», которая потом показывалась на московских выставках и была продана итальянскому коллекционеру, собирателю русской живописи. Она была ис-

А. Г. Коржевский. Натюрморт с яйцами

полнена в светлых тонах и напоминала сезанновских купальщиц.

В конце 40-х годов Боря познакомился с замечательным живописцем Петром Петровичем Кончаловским. Брат находился под большим его влиянием и всегда считал его своим истинным Учителем.

Все эти послевоенные годы были для нас счастливыми, хотя и трудными.

***

И вот случилось совсем новое событие – Борис женился. Этот шаг изменил всю его жизнь. Она стала другой: сложной, беспокойной, ко многому обязывающей, несвободной. Добывать средства к существованию и заниматься творчеством – вещи не слишком совместимые...

В тех условиях бездомного и полуголодного существования появился вскоре на свет очаровательный ребенок, дочь Юлия, любимая им на всю жизнь.

Избранница брата, Нина Сергеевна Коржевская (урожденная Павлова), была тогда всего лишь скромной студенткой, и, несмотря на то, что в их жизни были и тяжелые испытания, и трагические переживания, они дожили

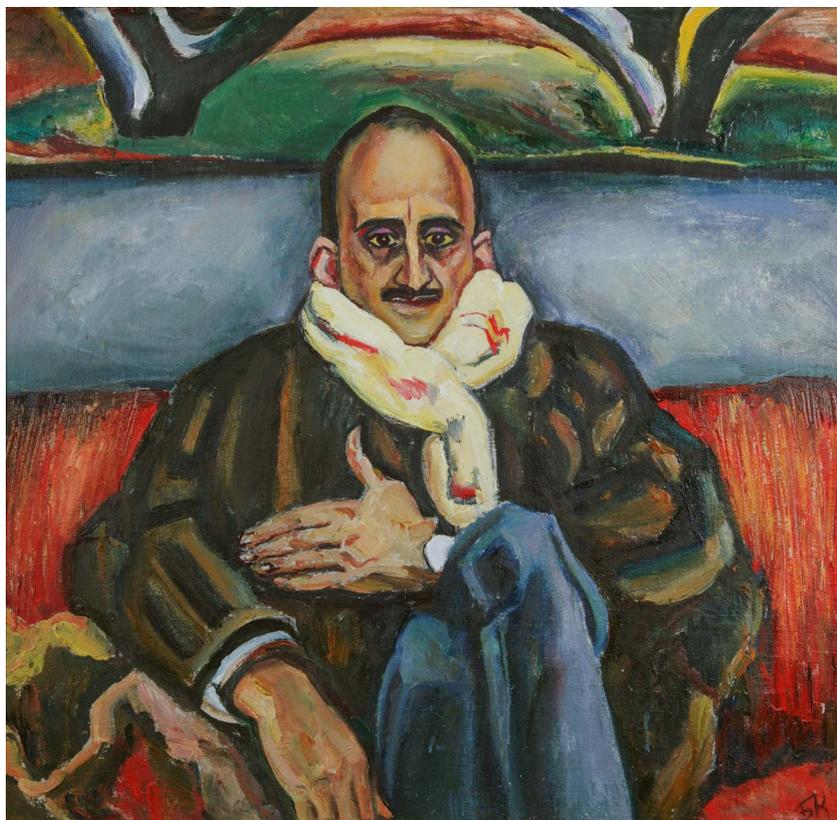
вместе до золотой свадьбы. В семейных отношениях проявились лучшие человеческие качества брата – верность, преданность, постоянство.

В начале 50-х годов Боря участвует в работе по воссозданию сгоревшей во время войны панорамы художника Рубо «Оборона Севастополя». Руководят этой работой академики В. Н. Яковлев и П. П. Соколов-Скала, а всего в ней участвуют 17 художников. Полученный гонорар стал весомой материальной поддержкой: на эти деньги строим дом в деревне Покровка, что под Клином, и здесь, наконец, у Бори появляется собственная мастерская-студия. В этой же Покровке расположены садовые участки Московского Художественного театра. С некоторыми актерами Боря познакомился, особенно симпатизировал Белокурову, блестящему исполнителю роли Чичикова.

Еще в институте на одном курсе с Борей учился сын поэта-футуриста Василия Каменского, тоже Василий. Он жил вдвоем с отцом. Боря поддерживал с ним дружеские отношения и часто бывал в их доме, где познакомился с поэтом, слушал его увлекательные рассказы. Был он знаком и с Алексеем Крученых, кото-

рый жил тогда очень трудно, будучи всеми забытым. Общась с этими людьми, Боря увлекся Маяковским и много узнал о футуристах из первых уст. К этому периоду относятся его полотна «Солнце», «Хорошее отношение к лошадям» и «Говорит Маяковский». Это единственные в его творчестве абстрактные опыты, больше никогда он к этому направлению не возвращался, держался в стороне от беспредметного изображения.

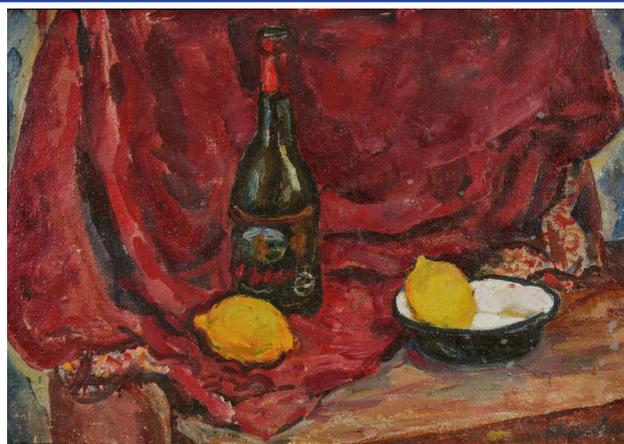
Была тогда такая веселая компания художников, работавших вместе в издательстве «Детгиз»: Боря, Женя Лобанов, Иван Кусков, Дима Краснопецев, Игорь Годин. Был еще один, Веня Кирдин, прозванный Харрисом по персонажу из Джерома, этот не был художником, а был просто замечательным собутыльником. Собирались часто

А. Г. Коржевский. Портрет брата

у Краснопевцева на Метростроевской улице, иногда там же у Кускова. Боря читал стихи как футуристов, так и свои. Слушали и восхищались. Женя Лобанов, заработавший на севастопольской панораме много денег, тратил их с беспощадной щедростью, финансируя все пиры этой бесшабашной братии, за что и получил прозвище «дедушка русского флота». Он имел привычку бросать вверх сторублевую ассигнацию, что означало начало пиршества. Харрис, словно по команде, хватал ее на лету и мчался в магазин за вином и закуской, и в этом он был незаменим. Харрис был верным адьютантом у Жени, пока были деньги. Кончились деньги, исчез Харрис.

Межу Борей и Димой Краснопевцевым постоянно происходили состязания: каждый старался превзойти другого в эрудиции. Успех в поединках у них был равный, и завершалось все миром. Дима подписывал свои работы «Красс», а Боря посмеивался над ним: «В профиль ты и в самом деле похож на того римля-

А. Г. Коржевский. Лимоны и вино

нина», – говорил он ему серьезно, на что Дима, понимавший шутку, не обижался.

Игорь Годин, задиристый и добрый, был замечательным рисовальщиком – никто так не умел изображать лошадей, как он. А Ваня Кусков, красавец и блестящий фехтовальщик, прославил себя иллюстрациями к изданному Детгизом замечательному роману Александра Дюма «Три мушкетера». Несчастливыми, как потом оказалось, были судьбы как одного, так и другого.

Компания вскоре распалась, хоть она и была веселой, но не более того – брат так и не нашел себе в ее среде ни задушевного друга, ни собрата по искусству...

Жить в Покровке оказалось нелегко, особенно зимой, с маленьким ребенком в холодном недостроенном доме. Решили перебраться ближе к Москве. Покровку продали, купили две маленькие комнатки в Кузьминках и построили мастерскую в Москве, в районе площади Маяковского. Все деньги, до копейки, Боря истратил на ее строительство – она была необходима ему для работы. Это был поступок человека, одержимого творчеством. Делами, связанными с этим строительством, пришлось заниматься и мне.

***

С 1950 года я жил отдельно, со своим семейством. С Борей жила

А. Г. Коржевский. Сосенка

наша мама, на которой и держалось все их хозяйство. Она помогала молодой семье, всем своим большим сердцем заботилась о здоровье и благополучии сына, невестки и внучки.

В эти годы Боря продолжает много работать. Тогда им были созданы такие полотна, как: «Старые Кузьминки» (1954), натюрморт «Красное вино» (1962), «Портрет матери» (1958), «Юлечка» (1958), «Деревенский натюрморт» (1958), «Натюрморт с кувшином и перцем» (1959), «Сирень» (1958), «Полевые цветы» (1958), «Яблоки в корзине» (1960), «Портрет брата» (1966), натюрморт «В мастерской» (1961).

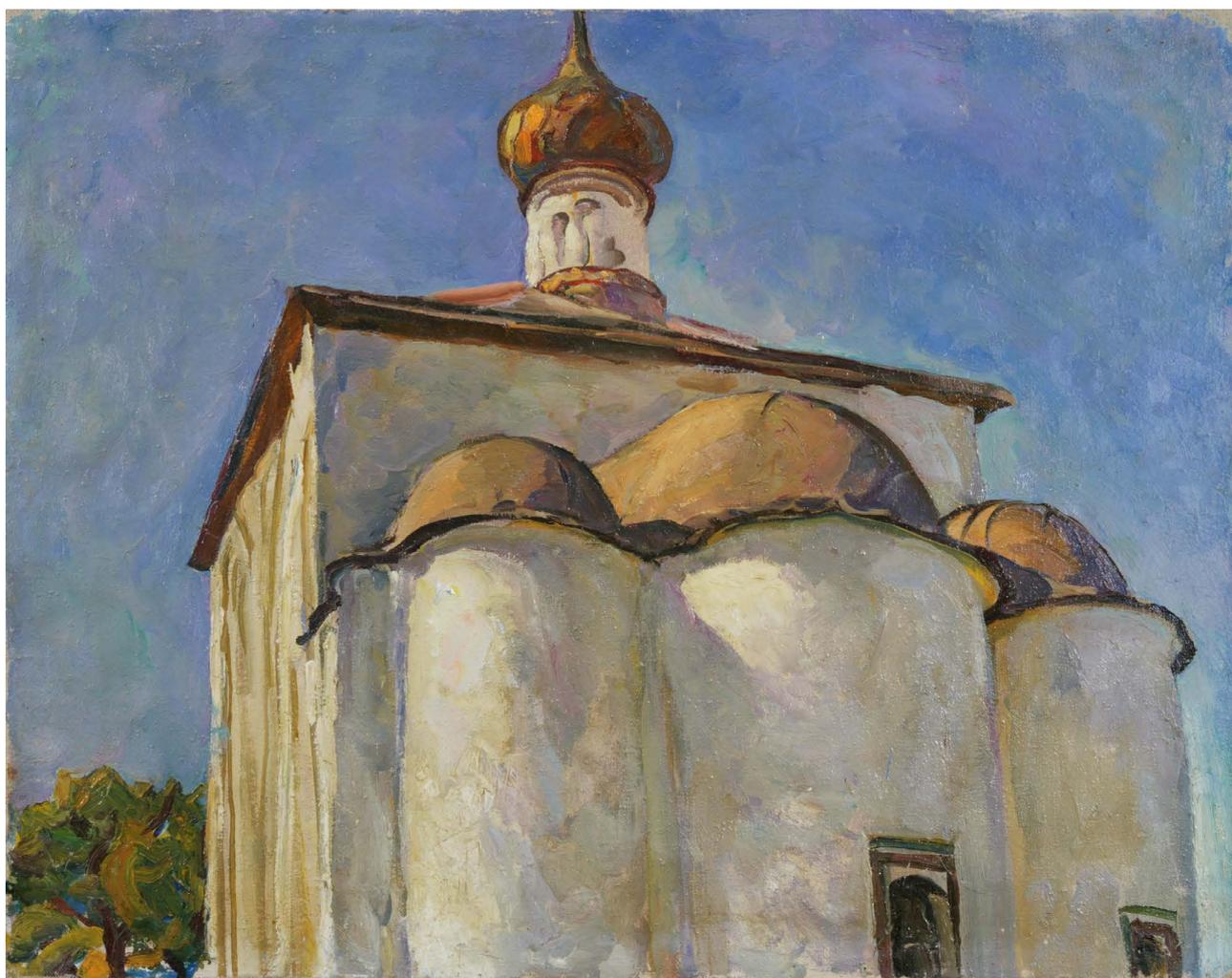
Я восхищался его отвагой и трудолюбием, поддерживал его дух и все его творческие начинания.

В 1959 году Боря вступил в Союз художников (МОСХ) и с тех пор постоянно участвовал в ежегодных художественных выставках.

Материальные проблемы были у него на втором плане; главное, чтобы всегда были краски и холсты.

***

Однако с появлением семьи надо было зарабатывать на жизнь: делать суррогат для так называемого Комбината живописного искусства, выполнять государственные заказы. Комбинат, хотя и обкрадывал души художников, все же был их кормильцем. «Так и будешь прозябать в Комбинате», – сказал один из проворных Бориных однокурсников, который успел получить чин. Другой такой же, из тех, кто рано пролез в академики, заметил: «Тебе все могут простить, кроме таланта». Работа в Комбинате – это работа ремесленника. Обычно дается какая-то банальная тема, и художник должен ее проиллюстрировать. Такая работа брата крайне раздражала, но он ее делал,

А. Г. Коржевский. Храм Бориса и Глеба

А. Г. Коржевский. Ветер в Гаване

потому что надо было кормить семью, а других заработков не было.

Однажды брату заказали групповой портрет шахтеров, это ему пришлось по душе. Для этого он ездил на Донбасс, в Горловку, спускался в шахту, увидел их нелегкий труд и подружился с этими простыми людьми. Картина получилась замечательная. Писал он по заказу и портреты космонавтов, был знаком с некоторыми из них.

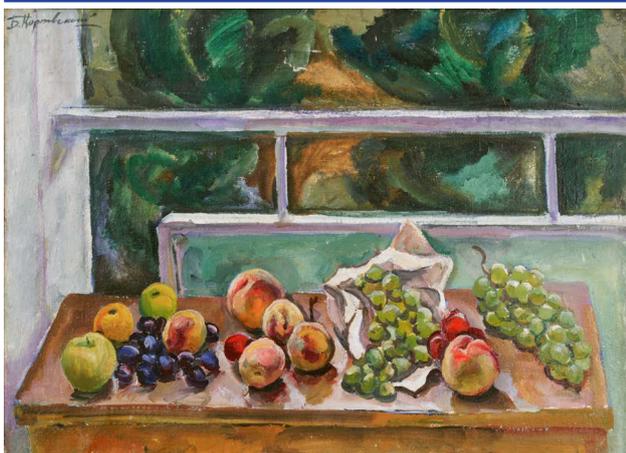
Законченную работу обычно вдвоем тащили на заседание Художественного совета в Комбинат, который находился близко от мастерской. Там она подвергалась беспощадной критике с колкостями, не без издевательских комментариев. Далее – исправления по замечаниям и, наконец, долгожданный гонорар. Завершались эти муки распитием шампанского в мастерской. Бутылку шампанского он открывал с особым к нему уважением, понимая толк в хороших винах. Особенно он любил распить бутылку «кьянти» или кахетинского за беседой в хорошей компании, куда входили Женя Лобанов, Дима Краснопевцев, Саша Суханов или самый им любимый и неизменный

друг Михаил Петрович Кончаловский. Нет их теперь на земле.

***

В 1962 году Борис совершает поездку на Кубу. Год Карибского кризиса, когда мир оказался на грани ядерной катастрофы, но для его творчества это был звездный час. На Кубе он создает более 40 картин, и там же состоялась его первая персональная выставка [3]. Так случилось, что на Кубе ему были предоставлены все условия для работы. Он пишет красочные пейзажи, портреты солдат, ученых, деятелей культуры, государственных мужей. Выставка картин Бориса открылась в отеле «Гавана Либре» в январе 1963 года и вызвала интерес у эмоционального кубинского зрителя. По возвращении в Москву эти картины показывались на выставках в Доме Дружбы, в залах Академии художеств, в Третьяковской галерее.

Как известно, жизненные силы удваиваются благодаря творчеству. Как бы назло всему Борис пишет тогда большое жизнеутверждающее полотно «Наша улица» (1978) и показывает его на всероссийской выставке

А. Г. Коржевский. Балкон

в Манеже. Картину похвалил А. А. Дейнека, а президент Академии художеств В. А. Серов закупил ее для дальнейшей передачи в один из музеев СССР, но, к сожалению, она пылится где-то в запаснике до сего времени.

Как-то брат получил заказ на исполнение пейзажей города Суздаля [4]. Ранней весной, в течение месяца он работает в этом

древнем городке. Однажды там произошел комичный случай: работая на пленэре, он обнаруживает вдруг рядом на столбе забора бутылку водки, стакан и бутерброд с колбасой! По другую же сторону забора обнаружили сидящие на корточках художники Георгий Нисский и Ювеналий Щипачев. Продолжение было таким: рано утром звонок мне из Суздаля: «Александр, выручай, иначе накрывается мой заказ». Еду в Суздаль, обнаруживаю в гостинице всю компанию, ставлю вопрос ребром. Дабы не мешать работе, собутыльники сознательно, без обиды возвращаются домой, в Москву, Боря остается заканчивать заказ.

Однажды вечером мы сидели с братом в мастерской, а он мне и говорит: «А хорошо бы поселиться на пленэре и поработать там, многие художники покупают заброшенные дома в деревнях». Так родилась прекрасная идея. Сказано – начинаем действовать.

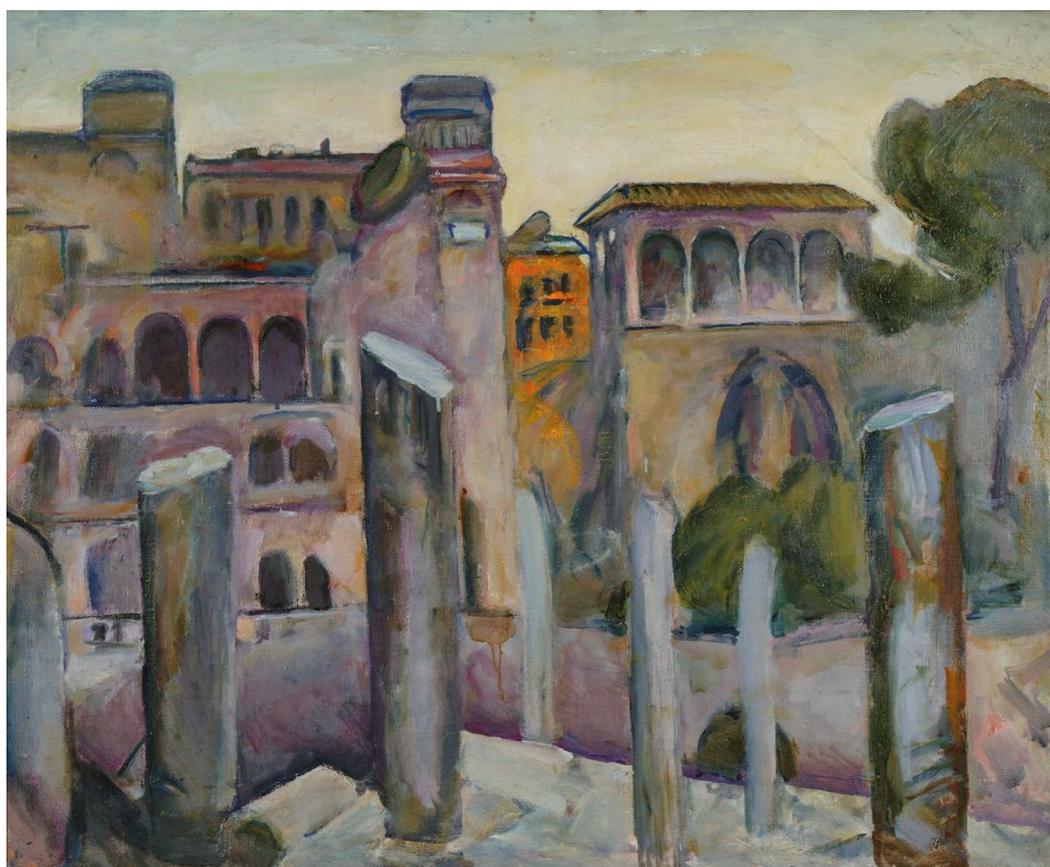
Кто-то посоветовал поискать дом на берегах Волги, в окрестностях Углича – там ме-

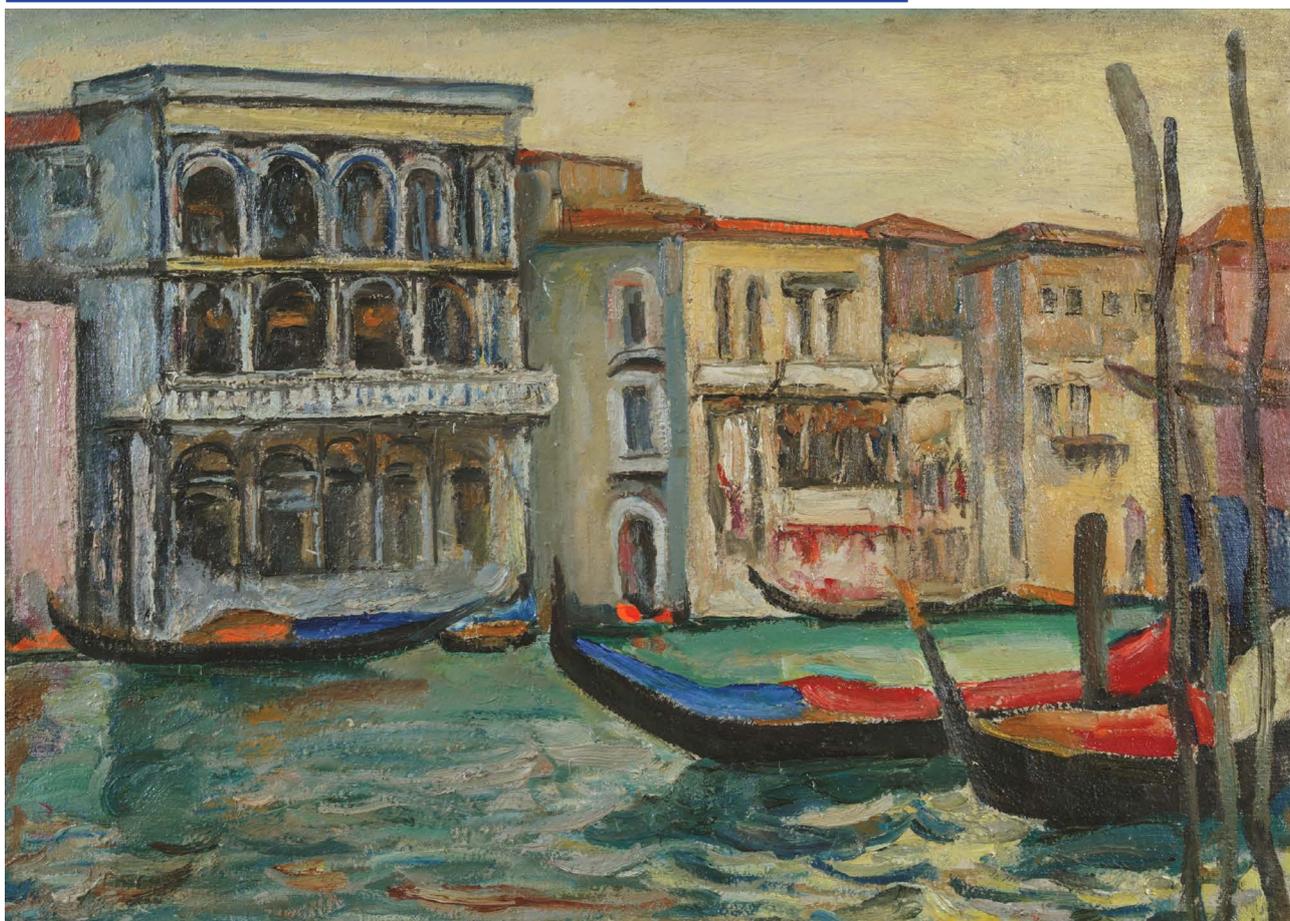
А. Г. Коржевский. Южный натюрморт

А. Г. Коржевский. Толедо. Замок.

А. Г. Коржевский. Рим. Форум Траяна

А. Г. Коржевский. Венеция

А. Г. Коржевский. Натюрморт с фруктами

ста замечательные, цивилизацией не тронутые. Недолго раздумывая, едем в Углич, идем на пристань, где обнаруживаем одинокий кораблик под названием «Кондор», который обслуживает бакены по всей акватории до Дубны. Спрашиваем капитана, не поможет ли он нам найти дом где-нибудь на берегу. Ящик водки решает проблему. Стояла прекрасная летняя погода, мы плывем по великой реке, подвыпившая команда горланит русские народные песни, кок старательно приготовил отличную уху из свежей, только что выловленной рыбы. Заходим по пути в каждую деревню и, наконец, находим то, что искали: живописно расположенную деревню Васюси-

А. Г. Коржевский. Персики и груши

но, что в 12 километрах ниже городка Калязина на правом берегу Волги. Восторженный брат переименовал ее потом в знаменитые Васюки, прославленные Ильфом и Петровым, и иначе мы ее не называли.

В этой деревне брат создал множество прекрасных вещей. Много лет подряд он приезжал сюда с семьей на все лето и, как всегда, усиленно работал; еще любил бродить по лесу, собирать грибы. Васюки – это целая эпоха в его творчестве: пейзажи, натюрморты, изобретенные им «куски природы», сосны. Их он особенно любил писать. Эта деревня и по сей день хранит о нем память.

***

Ежегодно в конце лета Боря уезжал в Крым, и я неизменно сопровождал его. В

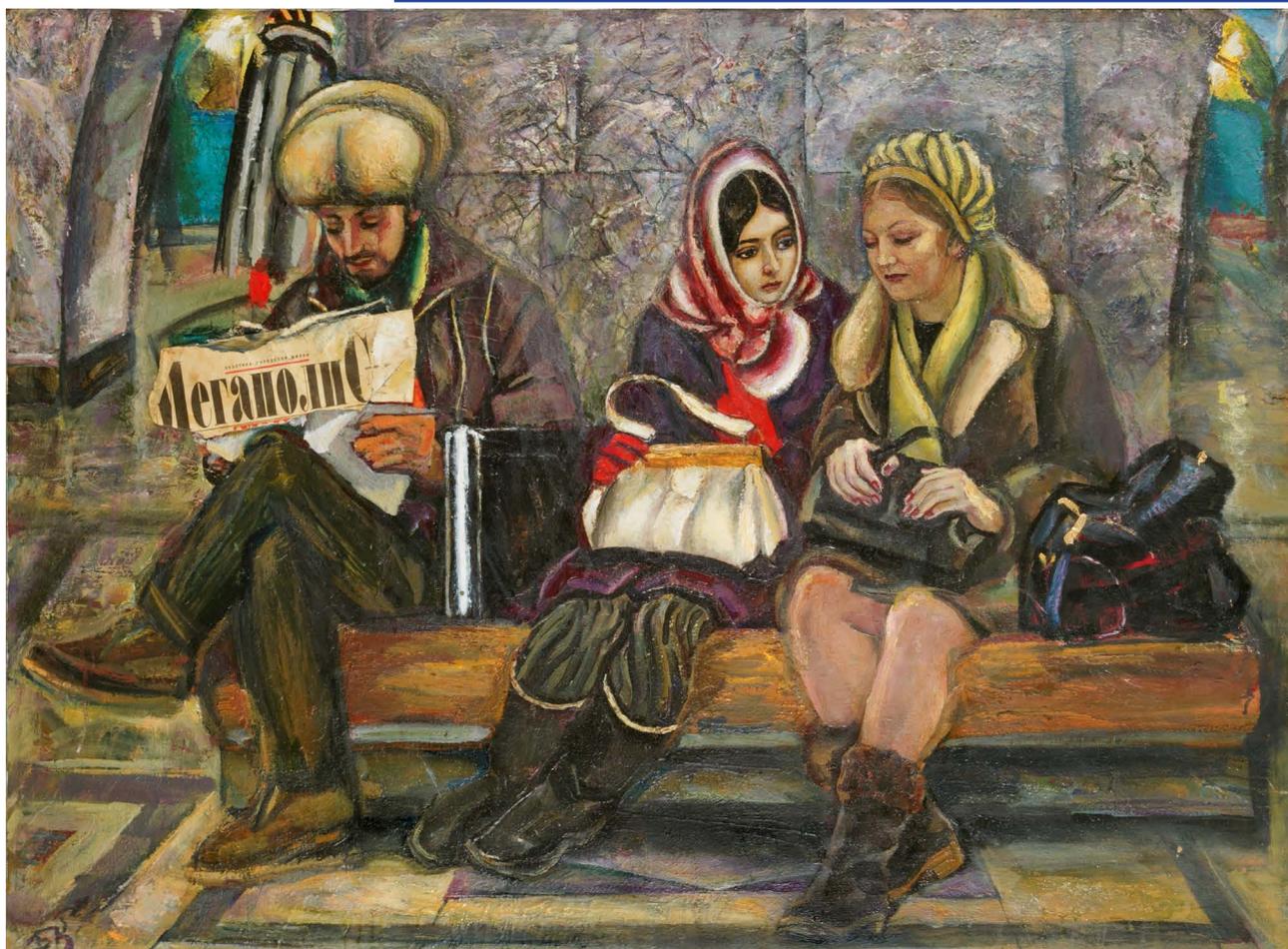
А. Г. Коржевский. Перцы

А. Г. Коржевский. Соки-воды

А. Г. Коржевский. Новая станция метро

А. Г. Коржевский. Метро Меганолис

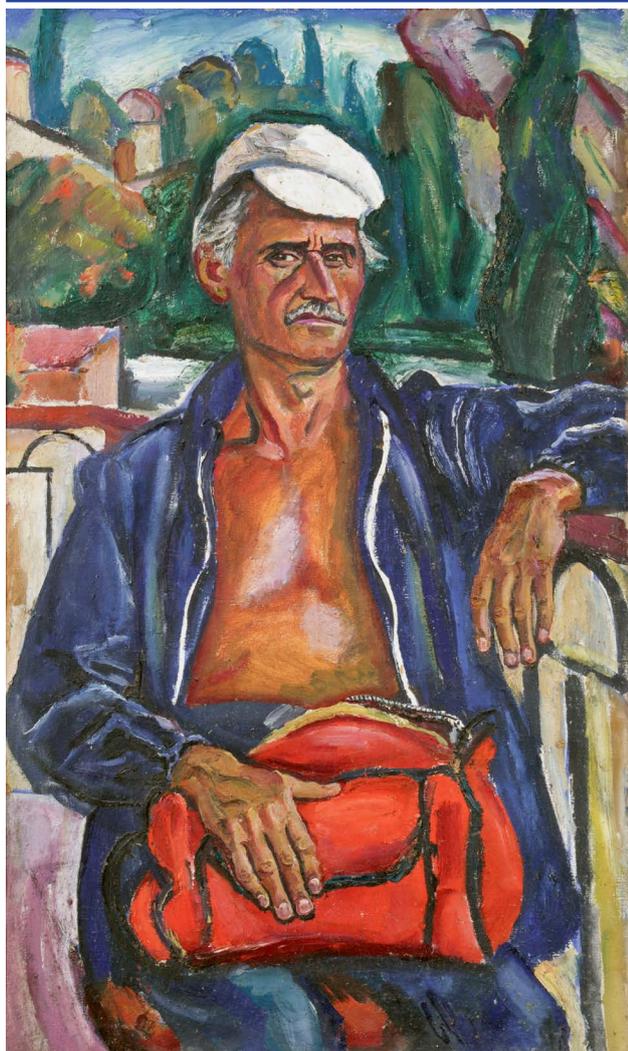
Гурзуфе находился Дом творчества художников, где брату всегда предоставлялась комната для работы. Здесь работа кипела с неиссякаемым энтузиазмом, я помогал ему таскать холсты и краски по горам. Пейзажи Крыма – это богатая находками область его творчества, здесь же он пишет и наполненные светом портреты и натюрморты. Море и родное южное солнце особенно возбуждали его дух. Здесь, в Гурзуфе он создал напряженный по цвету мой портрет. Он любил детей и писал их с удовольствием. «Бар у моря» (1990), «У причала» (1990), «Старый Гурзуф» (1990), «Крым. Горы» (1992), «Море и скалы» (1988), «Девочка с персиком» (1990), «Пинии в парке» (1991) – вот лишь немногие из картин, созданных им в Крыму.

Как-то мы с братом оказались на концерте Владимира Высоцкого (с ним, помню, был знаком Женя Лобанов, он и привел нас туда), сидели в первом ряду. Боря как всегда рисовал – сделал набросок с выступавшего

поэта. После концерта Женя познакомил нас с Высоцким, и Боря, симпатизировавший ему, предложил написать с него портрет, на что тот скромно ответил, что это ни к чему, но он подумает, и если надумает – позвонит. Боря пророчески заметил ему, что это нужно для истории, Высоцкий засмеялся, но так и не позвонил. Брат же не стал ему напоминать, а портрет все же написал по памяти и сделанному наброску, а потом показал его на московской выставке. Это было в 1976 году.

***

В 1978 году в залах Российского союза художников была устроена персональная выставка Бориса Коржевского, после которой ему было присвоено почетное звание – Заслуженный художник России. С выставки были закуплены некоторые работы: мой портрет купила Третьяковка; неизвестно куда ушел замечательный автопортрет на синем фоне; «Маяковский в РОСТА» попал в музей Ярошенко в Пятигорске; куда-то в провинциальный

А. Г. Коржевский. Портрет брата (1981)

музей продали напряженный по живописи «Натюрморт с телефоном».

Поездки брата в Италию и Испанию дали ему многое, особенно Испания. Там в музеях Мадрида и Толедо он изучал творчество восхищавшего его Эль Греко. Он копирует некоторые его произведения, стремится к углубленному пониманию творчества этого загадочного мастера, что открывает ему новые горизонты для совершенствования своей системы. Интенсивность цвета, превосходство колорита над рисунком, свободное широкое письмо хорошо прослеживается в работах этого периода (натюрморт «Фрукты на синем» (1998), «Бандерильеро» (1981), «Натюрморт с банкой папайи» (1979), «Южный натюрморт» (1988), «Портрет артиста Джулиано» (1987).

Борис мечтал поселиться и работать в этой стране, где, как он считал, его будут по-

нимать и ценить, где творить ему будет легко и вдохновенно. Он немного говорил и читал по-испански. Как южанин он любил обжигающее солнце и яркие краски. Уже в Москве брат пишет портрет Мигеля Сервантеса. Он боготворил «Дон Кихота», тщательно собирал для портрета необходимые материалы и хотел подарить портрет испанцам. Не успел.

Борис создал несколько выдающихся портретов Маяковского, многие годы не прекращая работать над его образом. Некоторые из этих портретов теперь в музеях. «Маяковский. Последние минуты» (1977-1985) и «Маяковский за работой» (1975) находятся в Государственном музее Маяковского. «Маяковский идущий» (1968-1980) и «Мистерия Буфф» (1972-2002) находятся в Московском музее современного искусства.

В течение многих лет художник работает над циклом картин под общим названием «Город». Это наша современность, как бы увиденная глазами великих мастеров Возрождения. «Соки-воды» (1978), «В метро. Мегapolis» (1978-1988), «На Маяковской. Москвичка» (1985), «Станция метро Маяковская» (1996), «Эскалатор. Час пик» (1997) и еще более десятка картин составляют этот цикл, который является, может быть, самым важным этапом в творчестве мастера.

В 1991 году Борис посетил Францию, где представил свои картины на групповой выставке. В 1992 году он участвует в выставке «Московские сезаннисты» совместно с М. П. Кончаловским, А. И. Сафохиним, Ш. И. Майсурадзе и др. На этой выставке были представлены картины его дочери, Юлии Коржевской. В 1998 году в Москве, в Центральном Доме художника, состоялась третья персональная выставка, отмеченная дипломом Российской академии художеств. Четвертая персональная выставка открылась в декабре 2000 года в залах Академии художеств, а 2002 году брат был избран членом-корреспондентом Академии, что при всем его равнодушном отношении к титулам все же придало ему бодрости и новых сил.

Ясность мыслей и простая мудрость учения Иисуса Христа приобщили Бориса к православной вере. Жизнь без Бога невозможна, соединение с ним необходимо человеку – так считал брат. Он начинает работать

над образом Христа – пишет большое полотно на тему Туринской плащаницы. Эта работа так и осталась незавершенной.

***

Р. С. Новый 2004 год мы встретили как всегда с надеждой, но он оказался для нас роковым. Пятого января я в последний раз встретился с братом в его мастерской. Он был расстроен, узнав о смерти художника Ивана

Сорокина, и сказал мне, что чувствует и свою скорую смерть, хотя по виду казался в полном здравии. На мои успокоительные слова не отреагировал, усмехнулся. Седьмого января он заболел, а 9-го я отвез его в больницу, где была сделана срочная операция, которой он не перенёс и скончался 10 января за полчаса до полудня. Мы похоронили его рядом с мамой на Хованском кладбище.

Использованная литература:

1. Коржевская В. И. Вместе с веком // Родная Кубань. 2005. № 2. С.112–138.
2. Коржевский А. Г. Мой отец Юрий Коржевский // Кубань: проблемы культуры и информатизации. 1999. № 2-3. С. 37-40.
3. Коржевский Б. На Острове Свободы. М.: Советский художник, 1967.
4. Коржевский Б. Суздаль [альбом]. М.: Советский художник, 1968.

References:

1. Korzhevskaya, V. I., *Vmeste s vekom* (Together with Century), *Rodnaya Kuban'*, 2005, no. 2, pp. 112-138.
2. Korzhevskiy, A. G., *Moy otets Yuriy Korzhevskiy* (My Father Yuriy Kovalevsky), in *Kuban': problemy kul'tury i informatizatsii*, 1999, no. 2-3, pp. 37-40.
3. Korzhevskiy, B., *Na Ostrove Svobody* (On the Island of Freedom), Moscow: Sovetskiy khudozhnik, 1967.
4. Korzhevskiy, B., *Suzdal'* (Suzdal): *album*, Moscow: Sovetskiy khudozhnik, 1968.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Коржевский, А. Г. В стороне от черного квадрата (Воспоминания о художнике Б. Г. Коржевском) [Электронный ресурс] / А. Г. Коржевский; публ. В. К. Чумаченко // Наследие веков. – 2016. – № 4. – С. 89-108. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/12/2016_4_Korzhevsky.pdf. (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Korzhevsky, A. G., *V storone ot chernogo kvadrata* (Vospominaniya o khudozhnike B. G. Korzhevskom) (Aside from the Black Square (Memories of Artist Boris G. Korzhevsky)), Chumachenko, V. K., Publ., *Nasledie Vekov*, 2016, no. 4, pp. 89-108. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/12/2016_4_Korzhevsky.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

КНИЖНОЕ РЕВЮ: РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

ЕРЕМЕЕВА Анна Натановна

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник
отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала
Российского научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачева

Краснодар, Россия

Anna N. EREMEEVA

Dr. Sci. (National History), Prof., Chief Researcher,
Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch,
Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage
Krasnodar, Russia
erana@mail.ru

«Кузница кадров» российской военной элиты в условиях Первой мировой и Гражданской войн

Рец. на книгу:

Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии
1914-1922. М.: Книжница, 2014. 768 с.
ISBN 978-5-903081-24-0

Рецензируется книга, посвященная последнему и наиболее драматичному периоду существования главного военного вуза Российской империи — Императорской Николаевской военной академии. Первая мировая война, Революция 1917 г. и Гражданская война кардинально воздействовали на учебный процесс, политическое сознание преподавателей и слушателей. 1918-1922 гг. были временем неоднократных перемещений Академии по Востоку России. Анализ материалов семнадцати российских и зарубежных архивов позволил автору произвести тщательную реконструкцию деятельности Академии как учреждения и как коллектива. Большое внимание уделено стратегиям выживания в условиях политических трансформаций.

Ключевые слова: высшее военное образование, Императорская Николаевская военная академия, Первая мировая война, Революция, Гражданская война, эвакуация, военно-политическая деятельность, стратегии выживания.

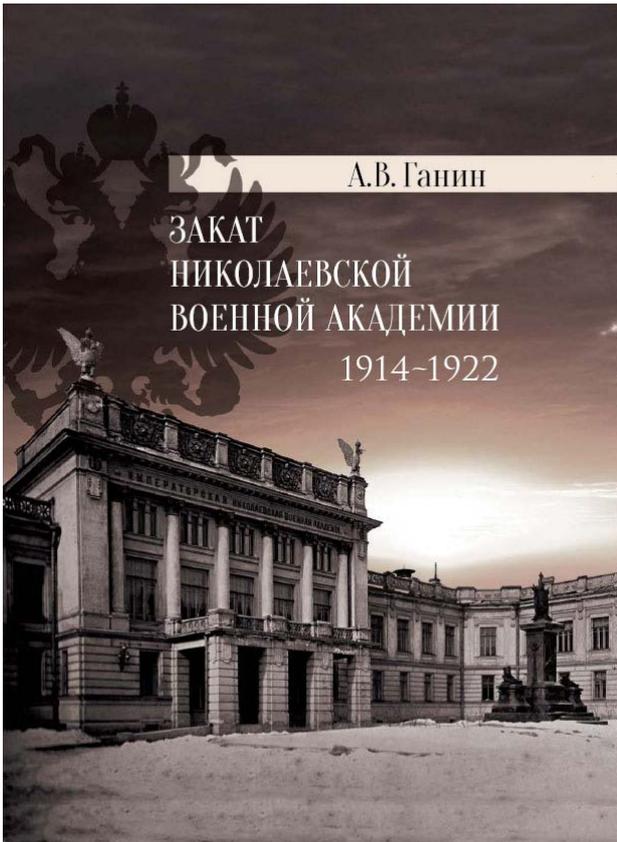
“Source of Manpower” of Russian Military Elite in the First World and Civil Wars

Review of the book:

Ganin, A.V., *Zakat Nikolaevskoy voennoy akademii 1914-1922* (The Sunset of the Nicholas Military Academy 1914-1922), Moscow: Knizhnitsa, 2014, 768 p.
ISBN 978-5-903081-24-0

The reviewed book is devoted to the last and the most dramatic period of existence of the main higher military educational institution of the Russian Empire – the Imperial Nicholas military academy. The First World War, Revolution of 1917 and the Civil War had a powerful effect on the educational process, the political consciousness of teachers and students. 1918-1922 was the time of repeated displacements of the Academy for the East of Russia. Analysis of materials of 17th Russian and foreign archives has allowed the author to make a detailed reconstruction of the activities of the Academy as an institution and collective. Great attention is paid to the survival strategies of the institution in the conditions of the political transformations.

Keywords: higher military education, the Imperial Nicholas military academy, First World War, Revolution, Civil War, evacuation, military and political activity, survival strategies

В преддверии столетних юбилеев Первой мировой войны, Революции 1917 г. и Гражданской войны была издана книга молодого, но уже известного военного историка, доктора исторических наук А. В. Ганина «Закат Николаевской военной академии 1914-1922». Это результат его десятилетней кропотливой работы в семнадцати отечественных и зарубежных архивах, историографических изысканий.

В монографии произведена реконструкция последнего периода существования Императорской Николаевской военной академии – кузницы элитных военных кадров дореволюционной России.

События 1914-1922 гг. привели к значительным трансформациям в деятельности Академии. Именно они и стали предметом исследования. Автор поставил задачи воссоздать особенности подготовки выпускников военных лет и определить ее уровень, дать оценку настроений преподавателей и слушателей в динамике, сформулировать причины перехода их в антибольшевистский лагерь, проанализировать взаимоотношения руководства Академии с различными политическими режимами, роль преподавателей в по-

литической жизни, в том числе на Востоке страны.

В первой, по сути вводной, главе представлены основные тенденции развития Академии в предвоенные десятилетия. Вторая глава посвящена периоду Первой мировой войны, когда Академия в связи с мобилизацией свернула деятельность; учебный процесс был воссоздан (в связи с острым дефицитом кадров Генштаба) лишь в ноябре 1916 г. и продолжался до середины 1919 г. (в Петрограде и на Востоке страны). Подробно описано воздействие Февральской революции на ситуацию в Академии. А. В. Ганин отмечает «проникновение революционных нововведений в форме различных комитетов, демонстрацию лояльности новым властям со стороны руководства Академии» [1, с. 75].

В отдельной главе рассматривается «беспрецедентная по своему характеру» смена руководства весной–летом 1917 г., когда начальник Академии генерал В. Н. Камнев (Петерс) оказался скомпрометирован, обвиненный в связях с распутинским окружением и в хозяйственных злоупотреблениях. Процесс выборов показан в контексте политизации корпуса офицеров Генерального штаба, развития революционных событий. Последствия избрания главой Академии «не генерала и даже не профессора», но «ловкого и гибкого» полковника А. И. Андогского трактуются как спасительные для учебного заведения в период революционных потрясений.

Тщательно воссоздана ситуация накануне и после октябрьских событий, коммуникация руководства Академии с большевистскими лидерами, адаптация к новым условиям до эвакуации и в Екатеринбурге, где к лету 1918 г. возобновилась учебная деятельность. В этом же городе находилась в заключении семья Николая II. Несколько слушателей формально подчинившегося советской власти учебного заведения разрабатывали планы освобождения бывшего императора и его близких.

В ситуации, когда Урал перестал быть тыловым районом и превратился в прифронтной, вопрос о судьбе Академии обострился в высшей степени. Часть ее была эвакуирована в Казань. Описывая «драматический переход академии на сторону антибольшевистских

сил в Екатеринбурге и Казани», А. В. Ганин подчеркивает, с одной стороны, добровольность случившегося, с другой – фактор случайности, характерный для времени, когда «судьба... играла людьми»: значение «стечения обстоятельств, неразберихи, царившей на Урале и в Поволжье» [1, с. 248].

Уже первая половина «академической одиссеи» (Екатеринбург – Пермь – Казань – Самара – Челябинск – Екатеринбург – Томск) свидетельствовала о беспрецедентной, даже учитывая условия Гражданской войны, «мобильности» данного учебного заведения. Особое значение имел томский период. Оказавшись в центре научно-образовательного пространства Востока России, преподаватели Академии не столько дополнили и укрепили его, сколько выступили в роли заметных акторов военно-политического процесса. Так, А. И. Андогский и его соратники сыграли немаловажную роль в приходе к власти А. В. Колчака. Преподаватели заняли руководящие посты в антибольшевистских вооруженных формированиях. В то же время пришлось отвечать на неизбежные упреки и обвинения по поводу сотрудничества с большевиками. Именно в Томске окончательно завершилась учебная деятельность Академии. «Дальневосточный финал» (Томск – Харбин – Владивосток – остров Русский) стал апогеем лавирования между различными политическими режимами, необходимым для физического выживания сотрудников и сохранения имущества Академии.

Автор представил подробные профессиональные и личностные характеристики преподавателей Академии. Отмечается, что ее личный состав претерпел радикальные изменения в 1914-1922 гг. Вполне закономерными были проблемы с материальным обеспечением, выплатой пенсий и проч. При этом учебное заведение за счет высокой степени хозяйственной самостоятельности и политической гибкости руководства представляло собою «своего рода оазис организованности и сравнительного благополучия на фоне общей разрухи и запустения» [1, с. 420].

Использованная литература:

1. Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии 1914-1922. М.: Книжница, 2014.

Выпускники ускоренных курсов академии 1917-1919 гг., по мнению А. В. Ганина, «значительно уступали по полученной подготовке выпускникам довоенного времени, однако они вполне могли нести обязанности младших офицеров Генерального штаба, которых остро не хватало воюющей армии» [1, с. 444]. Они внесли немалый вклад в военное строительство в конце Первой мировой войны и, особенно, в годы Гражданской войны.

Характеристики учебного процесса, внутренней жизни и приведенный в последней главе книги анализ научно-исследовательской, издательской и музейной деятельности свидетельствуют о схожести общих тенденций в функционировании Академии и других вузов, особенно длительное время находившихся на несоветских территориях. Тогда не были исключением миграционные практики (вспомним хотя бы о массовых перемещениях на Восток профессоров Казанского и Пермского университетов). Преподавательский состав пытался обеспечить привычную деятельность вузов. Защищались диссертации, издавались учебники и научные труды. Многие профессора занимали значимые позиции в различных ведомствах (правда, не в военном). Руководство гражданских вузов, как и возглавлявший Академию А. И. Андогский, с целью решения чисто утилитарных вопросов, обеспечения стабильной работы вверенных им учреждений, демонстрировало желание сотрудничать со всеми находившимися в тот или иной момент у власти режимами [см. 2].

В обширном Приложении представлены созданные на основе архивных данных биографические справки на 58 преподавателей и служащих Академии периода 1918-1922 гг., их мемуары, материалы делопроизводства.

Рецензируемая книга, учитывая удачное сочетание научности и популярности в изложении, представляет интерес не только для специалистов, но и для всех, интересующихся историей военного образования, Первой мировой и Гражданской войн.

References:

1. Ganin, A. V., *Zakat Nikolaevskoy voennoy akademii 1914-1922* (The Sunset of the Nicholas Military

2. Еремеева А.Н. Вузы российских регионов в условиях гражданского противостояния (1917–1920) // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2013. № 3. С. 88-92.

Academy 1914-1922), Moscow: Knizhnitsa, 2014.

2. Eremeeva, A. N., *Vuzy rossiyskikh regionov v usloviyakh grazhdanskogo protivostoyaniya (1917–1920)* (Regional Higher Schools in the Conditions of Civil Confrontation (1917–1920)), in *Alma mater* (Vestnik vysshey shkoly), 2013, no. 3, pp. 88-92.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Еремеева, А. Н. «Кузница кадров» российской военной элиты в условиях Первой мировой и Гражданской войн [Электронный ресурс] / А. Н. Еремеева // *Наследие веков*. – 2016. – № 4. – С. 109-112. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/12/2016_4_Eremeeva.pdf. (дата обращения дд.мм.гг). – Рец. на кн.: Ганин А. В. *Закат Николаевской военной академии 1914-1922*. М.: Книжница, 2014. - 768 с.

Full bibliographic reference to the article:

Eremeeva, A. N., «Kuznitsa kadrov» rossiyskoy voennoy elity v usloviyakh Pervoy mirovoy i Grazhdanskoj voyn (“Source of manpower” of Russian Military Elite in the First World and Civil Wars), Review of the book: *Zakat Nikolaevskoy voennoy akademii 1914-1922* (The Sunset of the Nicholas Military Academy 1914-1922), Moscow: Knizhnitsa, 2016, *Nasledie Vekov*, 2016, no. 4, pp. 109-112. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/12/2016_4_Eremeeva.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

СЕРОВА Майя Игнатьевна
доктор исторических наук, профессор,
независимый исследователь
Краснодар, Россия
Maya I. SEROVA
Dr. Sci (Theory and History of Culture), Prof.,
Independent Researcher
Krasnodar, Russia
anatoly.kryukow@yandex.ru

Свет древних куполов

Рец. на книгу:
Трехбратов Б. А. Золотые купола: православное
зодчество домонгольской Руси. Краснодар:
Периодика Кубани, 2016.

В рецензии рассмотрено содержание книги известного кубанского историка Б. А. Трехбратова «Золотые купола: православное зодчество домонгольской Руси», посвященной храмовой архитектуре Древнерусского государства и русских княжеств, образовавшихся после его распада. Автор рецензии отмечает достоинства работы, среди которых точность в отношении описания архитектурных форм храмовых сооружений, применение сравнительных методов при исследовании православных церквей и соборов, всесторонний анализ форм монументального и станкового видов искусств, которыми владели русские мастера и которые применялись при отделке храмов. Кроме того, книга позиционируется как учебное пособие, содержит учебно-методический инструментарий, что позволяет с ее помощью систематически изучать историю отечественной культуры. Идея преемственности культуры народа проходит через весь рецензируемый труд и в этом смысле является достижением его автора.

Ключевые слова: христианство, православное зодчество, Киевская Русь, феодальная раздробленность, храмовая архитектура, восточные славяне, Новгород, Псков, Владимиро-Суздальское княжество.

Light of Ancient Doms

Review of the book:
Trehbratov, B. A., *Zolotyie kupola: pravoslavnoe zodchestvo domongol'skoy Rusi* (Golden Domes: Orthodox Architecture of Pre-Mongol Rus), Krasnodar: Periodika Kubani, 2016.

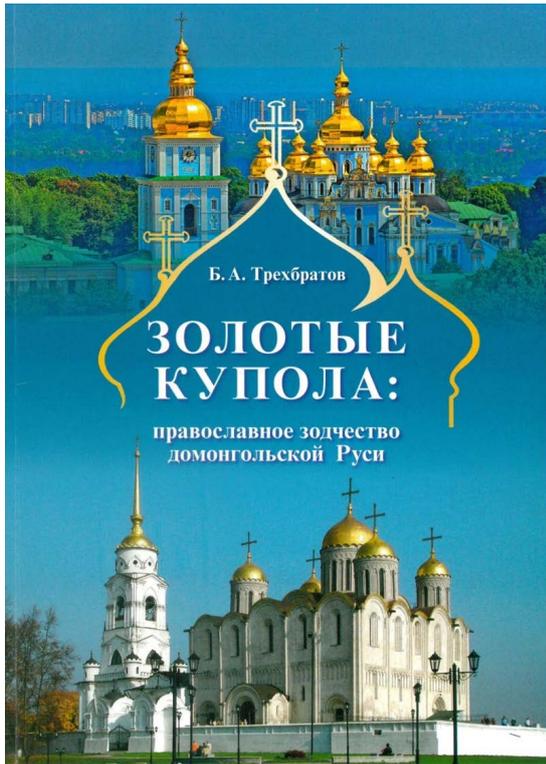
In the review, the content of the book by the famous Kuban historian Boris A. Trehbratov «Golden Domes: Orthodox Architecture of Pre-Mongol Rus» is considered. The reviewed book is devoted to the temple architecture of the Old Russian State and Russian principalities formed after its disintegration. The author of the review emphasizes the merits of the work, including accuracy in describing the architectural forms of temple structures, the use of comparative methods in the study of Orthodox churches and cathedrals, a comprehensive analysis of the forms of monumental and easel art that the Russian masters used to decorate churches. In addition, the book is positioned as a textbook, contains educational and methodological tools, which allow to study the history of Russian culture systematically. The idea of the continuity of the culture of the people passes through the entire peer-reviewed work and in this sense is the achievement of its author.

Keywords: Christianity, Orthodox architecture, Kievan Rus, feudal fragmentation, temple architecture, Eastern Slavs, Novgorod, Pskov, Vladimir-Suzdal principality.

Проблемы истории христианства, особенно его православной ветви, имеют свою обширную и многогранную историографию, между тем появление новой научной работы, в которой затрагиваются вопросы, имеющие отношение к прошлому православной церкви в нашей стране, не

остаётся без внимания исследовательского сообщества.

Именно к таким работам относится книга известного в нашей стране историка, крупного ученого, профессора Бориса Алексеевича Трехбратова, вышедшая в 2016 г. Это научное исследование ярким

лучом осветило еще одну грань названной проблемы, вызвало интерес специалистов-историков, архитекторов, культурологов, искусствоведов, археологов и не только, а всех тех людей, которые интересуются историей Древней Руси. Для студентов-гуманитариев, школьников-старшеклассников (и не только их) труд Б. А. Трехбрата – глубокое, интересное произведение, выполненное на хорошем полиграфическом уровне: книга богато иллюстрирована семьюдесятью шестью цветными, изображениями (порой уникальными) памятников древнерусской архитектуры, а также шестьюдесятью шестью черно-белыми иллюстрациями, сопровождающими текст.

Итак, Древняя Русь. Славяне. Христианство. X-XIII века.

В названный период времени Древнерусское государство совершенно закономерно входило в общеевропейский процесс христианизации в ущерб уходящей языческой культуре, и это явление, как пишет автор, было прогрессивным [2, с. 1]

Автор книги акцентирует внимание читателя на зодчестве домонгольской Руси и связанной с ним живописи и скульптуре. Именно эти виды искусства славян складывались и развивались в тяжелых внешнепо-

литических условиях того времени – борьбе с бесконечными набегами и войнами с кочевыми племенами. Поэтому все, что было связано с развитием христианства и строительством храмов, соборов, церквей, совмещалось с военными действиями и во внешних формах строения отражало суть событий, а именно – стены возводились в том числе и с учетом оборонительных функций зданий.

Ценной стороной исследования является точность в отношении описания архитектурных форм храмовых сооружений (знаменитых Золотых ворот в Киеве, церковью Благовещения, Успения святой Богородицы (Десятинной церкви) и др.) – автором приводятся точные размеры: высота, ширина стен, пилястров и других архитектурных элементов культовых построек.

Особенностью природы славянского мира было утверждение и развитие крестово-купольного типа храмовых строений. Этот тип прослеживается автором в процессе анализа материала на каждом их этапов исследования.

Особый интерес в книге вызывает описание создания трех Софий-Софийского собора в Киеве (1017 – 1032 гг.), Софийского собора в Полоцке (1044-1066 гг.), Софийского собора в Великом Новгороде (1045-1050 гг.).

София Киевская – памятник древнерусской архитектуры, политический и религиозный центр Древней Руси, сооруженный в годы правления Ярослава Мудрого. Автор книги детально описывает и иллюстрирует весь процесс строительства собора. Вызывает восторг и гордость труд славян-горододелцев (такой термин приводит автор [2, с. 17]). София Киевская – это действительно выдающееся произведение искусства. Автор книги всесторонне анализирует примененные формы монументального и станкового видов искусств, которыми владели русские мастера, неустанно развивавшие их. Блестательные мозаики, фрески и другие росписи собора – не только украшения, но и утверждение величия и значимости складывающейся государственности.

Столь же тщательно исследован и Софийский собор в Полоцке, являвшийся первым православным храмом на северо-западе Руси. Автор определяет его как памятник монументального древнерусского церковного

зодчества с чертами романской архитектуры [2, с. 27].

Софийский собор в Новгороде – это, по определению автора книги, один из наиболее выдающихся памятников древнего русского зодчества, имеющий мировое значение. [2, с. 28]. Тщательное изучение внешних и внутренних особенностей строений Новгородской Софии позволило исследователю провести ее сравнение с Софией Киевской и сделать вывод о том, что разница между двумя церквями прослеживается не только в конструктивных особенностях, но и в своеобразии художественного замысла – она проще, лаконичнее и строже [2, с. 3]: у Киевской Софии 13 глав, у Новгородской – 5.

Храмы Древней Руси были не только главными соборами православия, но и крупными культурно-просветительскими центрами, местом формирования и выражения общественного народного самосознания. В соборах совершался обряд "посаждения" на великое княжение, соборы служили и усыпальницей князей и их семей: в Киевском Софийском соборе сохранился мраморный саркофаг Ярослава Мудрого. В соборах же были и библиотеки, тайники, где хранилась казна и сокровища великих князей, были устроены мастерские художников-миниатюристов и переписчиков книг [2, с. 17].

Автор книги отметил своим вниманием такое явление общественной жизни Древней Руси, как надписи и рисунки на стенах соборов. Эти надписи – граффити сделаны самими жителями Новгорода, посетителями храма и передают определенные черты быта и языка населения города. Наносились названные граффити заостренными металлическими или костяными предметами, писалами. Эти факты, изученные Б. А. Трехбратовым, свидетельствуют и подтверждают известную в нашей истории теорию о широком распространении грамотности среди населения. Вспомним историю берестяных грамот!

Жители древнерусских городов не только оставили свои подписи – они принимали участие в строительстве тех же храмов. Более шестидесяти разных видов ремесел были известны нашим предкам в Древней Руси!

Внимание автора книги специально обращено на период феодальной раздробленности, когда храмовое строительство

продолжалось в отдельных землях, городах, отложившихся от Киева. Характерной чертой этого периода было формирование славянских школ древнерусской архитектуры.

Можно выделить ряд особенностей этого периода, присущих славянам. Во-первых, храмы строились преимущественно самими славянами. Во-вторых, во фресках преобладал «звериный стиль», который стал господствующим в древнерусской архитектуре XII столетия [2, с. 52] – орнаменты с фантастическими птицами на фасаде зданий, растительный орнамент на стенах, пилястрах. В-третьих, выраженная графичность лиц. В-четвертых, сочетание крупных белых, розовых, голубых, оливковых цветовых пятен в цветовой гамме росписей [2, с. 54]. В-пятых, творцы фресковых росписей изображали князей в полном парадном древнерусском княжеском одеянии XII в. Это уже не византийский император, а истинно древнерусский князь [2, с. 54-55]. Наконец, в-шестых, господствующим остается кресто-купольный стиль строительства храма. [2, с. 54-55]. Таковы Кирилловская церковь, церковь Благовещения, и Пятницкий храм, находящиеся в Чернигове [2, с. 56-57]. Автор книги с удовлетворением отмечает оригинальность объемно-пространственной структуры Пятницкой церкви, не имеющей аналогов в византийском и западноевропейском зодчестве. [2, с. 58]. Вся красочность и праздничность внешнего вида храма соответствует народному мировосприятию, отражающему произведения славянского прикладного искусства [2, с. 58-59].

Автор внес огромный вклад в разработку поставленной проблемы, выделив в качестве самостоятельного вопроса о формировании владими́ро-суздальской школы зодчества в домонгольской Руси. Борис Алексеевич пишет: «Лесные земли Ростово-Суздальского княжества долгое время являлись глухой окраиной Киевской Руси» [2, с. 75]. Не утрачивая самобытности общественного строя и культуры, славяне бывшей окраины, а уже в XII в. формирующегося центра будущей государственности приняли христианство. Великий историк XIX в. С. М. Соловьев утверждает, что данный акт славяне совершили «во столько и в таких формах, в каких русские хотели принимать ее (Византии – М. С.) влияние [1, с. 260].

Тщательно и достоверно анализируя строительство Спасо-Преображенского собора

в Переславле-Залесском, церкви Бориса и Глеба в Кидекше, построенные при Юрии Долгоруком, а также Успенского собора во Владимире, церкви Покрова на Нерли и других храмовых комплексов, возведенных Андреем Боголюбским, автор книги выделил характерные архитектурные признаки белого храмового зодчества Владимиро-Суздальской земли. К ним относятся: 1. Выбор места для строительства храмов. Чаще всего – учет оборонительных поясов местности, т. к. битвы не прекращались, или же, наоборот, важным фактором служила широта и гладь заливных лугов, как в случае строительства церкви Покрова на Нерли, который «историки и искусствоведы называли храмом-лебедью, плывущим по волнам времени» [2, с. 87]. Во всех случаях, как утверждает автор книги, «древние зодчие умело выбирали место, сооружая здание или целый ансамбль в гармонии с природой» [2, с. 66]. 2. Оковка стен, пилястров и других архитектурных частей прорезной золоченой медью, которая «ярко блестела на солнце и поражала воображение современников» [2, с. 80]. 3. Свободное и светлое пространство внутри храмов. Это достигалось размещением в стенах многих окон, через которые лился поток света. 4. Высотность. Храмы всегда стремительно уходили вверх. Так, Успенский собор во Владимире, построенный при Андрее Боголюбском, по своей высоте (32,3 м) превосходил Софийский собор Киева и Новгорода [2, с. 81]. 5. Внутренняя роспись и иконостасы создавались руками и мыслью великих русских мастеров – Андрея Рублева и Даниила Черного, правда роспись их относится

уже к пятнадцатому веку [2, с. 79-83]. В иконах и фресках этих мастеров отражалось глубокое проникновение в смыслы и суть христианской веры. Это был расцвет национальной школы русской живописи.

Перелистывая страницы книги Бориса Алексеевича Трехбрата, читатель раскрывает для себя широкую гамму сведений о начале, развитии и совершенствовании приемов восточнославянских типов архитектурного зодчества. Эти типы имеют общие и особенные черты, присущие творчеству древних русских мастеров, но в своей совокупности ярко и образно представляют целостную картину формирования и утверждения славянского зодчества Древней Руси домонгольского периода, который стал базовой характеристикой для зодчества будущих времен. Идея преемственности культуры народа проходит через весь труд историка и в этом смысле является достижением автора книги. Спасибо великое ему за это.

Исследование профессора Б. А. Трехбрата позиционируется как учебное пособие, поэтому вполне оправданным представляется наличие раздела «Вопросы и задания» для читателей. Этот методический прием позволяет не только читать книгу, но и изучать ее, что в еще большей мере способствует постижению истории нашей Родины, воспитанию чувств гордости, любви и уважения к нашим предкам, жившим в далекой древности и творившим прекрасное для себя и нас с вами. Золотые купола Древней Руси путеводят народ и в XXI веке.

Использованная литература:

1. Соловьев С. М. Сочинения. Т. 1. М.: Мысль, 1988.
2. Трехбратов Б. А. Золотые купола: православное зодчество домонгольской Руси. Краснодар: Периодика Кубани, 2016.

References:

1. Solov'ev, S. M., *Sochineniya* (Works), vol. 1, Moscow: Mysl', 1988.
2. Trekhbratov, B. A., *Zolotye kupola: pravoslavnoe zodchestvo domongol'skoy Rusi* (Golden Domes: Orthodox Architecture of Pre-Mongol Rus), Krasnodar: Periodika Kubani, 2016.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Серова, М. И. Свет древних куполов [Электронный ресурс] / М. И. Серова // Наследие веков. – 2016. – № 4. – С. 113-116. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/12/2016_4_Serova.pdf. (дата обращения дд.мм.гг). – Рец. на кн.: Трехбратов Б. А. Золотые купола: православное зодчество домонгольской Руси. Краснодар: Периодика Кубани, 2016.

Full bibliographic reference to the article:

Serova, M. I. Svet drevnikh kupolov (Light of Ancient Doms), Review of the book: *Zolotye kupola: pravoslavnoe zodchestvo domongol'skoy Rusi* (Golden Domes: Orthodox Architecture of Pre-Mongol Rus), Krasnodar: Periodika Kubani, 2016, *Nasledie Vekov*, 2016, no. 4, pp. 113-116. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/12/2016_4_Serova.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

КРЮКОВ Анатолий Владимирович
кандидат исторических наук, ученый секретарь
Южного филиала Российского научно-исследовательского
института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева
Краснодар, Россия
Anatoly V. KRYUKOV
Cand. Sci. (National History), Academic Secretary, Southern Branch,
Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russia
anatoly.kryukow@yandex.ru

«Достойны того, чтобы о них знали и помнили...»

Рец. на книгу:

Канат'ева Н. С. Астраханское старообрядчество
и сектантство XIX в. в культурном контексте гу-
бернии. Астрахань : Сорокин Р. В., 2013. 150 с.

Рецензируемая книга представляет собой сборник очерков, посвященных проблемам истории старообрядчества и религиозного сектантства в Астраханской губернии. Автору книги удалось найти сюжеты, не отраженные в региональной историографии и касающиеся деятельности православных миссионеров в среде религиозных диссидентов, семейно-бытовой стороне жизни старообрядцев и специфическим элементам культуры представителей этой религиозной конфессии. Обширный и обстоятельный очерк отражает вехи истории христововерия на астраханской земле. Большое внимание автор уделила роли личности в деле религиозного служения. Показаны сложность и трагизм положения людей, которые, оставаясь русскими по своей этнической принадлежности, тем не менее являлись чужими в религиозном отношении для большинства своих соотечественников, разделявших догматы господствующей церкви.

Ключевые слова: православие, старообрядчество, христововерие, русское религиозное сектантство, Астраханская губерния, Русская православная церковь, миссионерская деятельность, радение, начетчик, антиминс, книжность.

«Worthy of Being Known and Remembered ...»

Review of the book:

Kanat'eva N. S. Astrakhanskoe staroobryadchestvo i sektantstvo XIX veke v kul'turnom kontekste gubernii (Astrakhan Old Belief and Sectarianism of the 19th Century in the Cultural Context of the Province), Astrakhan: Sorokin R. V., 2013, 150 p.

The peer-reviewed book is a collection of essays on the problems of the history of the Old Believers and religious sectarianism in the Astrakhan province. The author of the book succeeded in finding stories that are not reflected in regional historiography and concerning the activities of Orthodox missionaries among religious dissidents, the family and household side of life of the Old Believers and specific elements of the culture of representatives of this religious denomination. The extensive and detailed sketch reflects the milestones of the history of the Christ-believers (Khlysts) in the Astrakhan land. Great attention was paid to the role of the individual in the matter of religious service. Author of the book shows the complexity and tragedy of the situation of people who, while remaining Russians in their ethnicity, nevertheless were strangers in a religious sense for most of their compatriots who shared the dogmas of the ruling church.

Keywords: Orthodoxy, Old Believers, Christ-believers, Russian religious sectarianism, Astrakhan Province, Russian Orthodox Church, missionary activity, radenie, reader, antimention, bookishness.

Изучение истории старообрядчества и русского религиозного инакомыслия в регионах Юга России за последние два десятилетия было отмечено достаточно интенсивной разработкой разнообразных тематических направлений этой поистине необъятной проблемы, включающей в себя множество аспектов: от демографической и социологической составляющих до вопросов религиозной догматики и обрядности. Серьезное приращение научных знаний было достигнуто, в частности, благодаря работам А. И. Зудина, Е. Н. Кумпан, Н. Н. Великой, Т. Г. Письменной (Краснодарский край), С. В. Павлюк, О. И. Самариной, (Ставропольский край), Ю. С. Храмовой (Кабардино-Балкарская Республика), Ф. М. Кулиева (Республика Северная Осетия - Алания) и др.

Наблюдаемая в географическом разрезе, современная историографическая ситуация позволяет сделать вывод о том, что история сектантства и старообрядчества в различных регионах исследована неодинаково: в ряде историко-культурных районов Юга России, несмотря на наличие общин староверов, имеющих глубокую историю, соответствующие комплексные исследования вообще не проводились. В некоторых случаях довольно неплохо изучены частные аспекты проблемы, поскольку проведение обобщающего исследования затруднено фактографическим дефицитом или скудостью источников, вовлеченных в научный оборот. Астраханская область, как представляется, является одним из таких регионов.

Появление общин старообрядцев в Астраханском крае относится к самому началу церковного раскола: именно тогда, в 1653 г. один из ближайших сторонников протопопа Аввакума, настоятель Успенского собора в Костроме Даниил был сослан в Астрахань. В последующем ряды староверов южной окраины Российского государства пополнялись благодаря беглецам из внутренних областей страны, спасавшихся от усиливавшихся со временем репрессий.

Проникновение в регион различных направлений русского религиозного сектантства произошло в конце XVIII в. и было связано с деятельностью Семена Уклеина, основателя молоканства, который довольно долго вел

свою проповедь в Волго-Ахтубинской пойме, результатом чего стало не только обращение жителей села Пришиб на р. Ахтубе в молоканскую веру, но и массовое переселение представителей этого направления русского богоискательства в низовья Волги. В XIX в. состав течений религиозного инакомыслия пополнился субботниками (в том числе герами-талмудистами) и христововерами (хлыстами).

Несмотря на, казалось бы, достаточно глубокую и богатую фактами историю, старообрядчество и религиозное сектантство в Астраханском крае до последнего времени не были объектом пристального внимания исследователей. Исключение составляют работы Я. С. Гринченко [2], Е. В. Арслановой (Пауновой) [1], посвященные главным образом вопросам традиционной культуры староверов, и О. Ю. Редькиной [4], давшей в свое время общий обзор истории религиозного сектантства в регионе.

На этом фоне весьма своевременным явилось появление книги Н. С. Канатъевой «Астраханское старообрядчество и сектантство XIX в. в культурном контексте губернии», увидевшей свет в 2013 г. и, как представляется, благодаря своему тематическому охвату ставшей важным историографическим фактом макрорегионального значения.

Книга в структурном отношении представляет собой сборник из восьми очерков, посвященных различным аспектам истории староверия в Астраханской губернии, за которыми следует довольно объемное обозрение, отражающее историю, особенности догматики и обрядности астраханских христововеров. Завершает книгу обширный глоссарий, достаточно важный раздел, позволяющий неподготовленному читателю понять подчас достаточно своеобразные идеи, свойственные приверженцам направлений русского богоискательства, уяснить доктринальную разницу между ними, понять мотивы, двигавшие русскими староверами и сектантами, упорно не желавшими отказываться от своей веры, несмотря на церковное порицание и преследования властей.

Материалы книги, посвященные старообрядчеству, можно условно разделить на три тематических направления, первое из которых касается миссионерской деятель-

ности Русской православной церкви среди последователей староверия. Рассмотрению подверглись, в частности, публичные диспуты миссионеров со старообрядцами, при этом отмечается, что их проведение «не принесло ощутимых результатов почти за два столетия применения» [3, с. 17]. Автором проанализирована работа Свято-Троицкого братства и его преемника – Астраханского Кирилло-Мефодиевского братства, большое внимание уделено личному вкладу миссионеров в дело возвращения инакомыслящих в лоно православной церкви. Энтузиазм и самоотверженность священнослужителей, людей зачастую весьма незаурядных, во многом обеспечил успех православной миссии в Астраханском крае. Талантливым епархиальным миссионером М. Н. Гусакову и Е. А. Кочергину посвящен один из очерков, вошедших в сборник.

Второе тематическое направление книги можно условно охарактеризовать как «социально-семейное», – эта сторона жизни староверов отражена в двух очерках, один из которых посвящен женщинам в старообрядчестве, особенностям их социального положения и их роли в общинной жизни. Автор отмечает, что женщины в ряде случаев «были наставницами и начетчицами» [3, с. 51]. Особенно ярким в этом отношении пример начетчицы беспоповской общины безбрачников села Раздор Евгении (Явлении), которая хорошо читала, вела службы, фактически будучи более способной в деле проведения обрядов, чем сам руководитель общины. Другие факты также подтверждают вывод исследователя о том, что основными характеристиками, отличавшими последовательниц староверия были «численное преобладание, высокий авторитет, отправление религиозных треб и активная (и успешная) деятельность по вовлечению в раскол православных» [3, с. 51].

Сходный по тематической окраске очерк посвящен истории семьи астраханских староверов купцов Сапожниковых, игравшей важную роль в общественной жизни города Вольска и Астрахани XIX – начала XX вв. Особенно значительна фигура Петра Семеновича Сапожникова, который жертвовал средства не только на сооружение старообрядческих храмов, но и на украшение православных церквей. Его сын Алексей также немало сделал для

местной православной епархии. При этом он, будучи убежденным старообрядцем, не побоялся в 1836 г. открыто высказать саратовскому губернатору свое недовольство закрытием скитов и монастырей староверов, отметив, что «раскол ожесточится и преисполнится такой ненависти, которой еще не было» [3, с. 64].

Третий тематический кластер очерков состоит из сюжетов, связанных со специфическими элементами старообрядческой культуры: старообрядческой книгой в Астрахани, тайному языку старообрядцев и особенностям использования антиминов (антимисов) в старообрядческих церквях. Автор книги раскрыла факты из биографии астраханских книжников-старообрядцев (П. П. Шибанова, И. Е. Емельянова, Е. Ф. Панкратова) – личностями образованными, яркими, неординарными, оказывавшими огромное влияние на своих единоверцев, сделавшими немало для сохранения староверческой книжности, сотрудничавшими с учеными-археографами, исследовавшими старообрядческие книжные собрания.

Тайный язык старообрядцев, имевший хождение и в Поволжье, использовался ими для связи между собой в тех случаях, когда необходимо было скрыть истинный смысл передаваемой информации от властей, представителей церкви и вообще всех непосвященных. Многочисленные примеры убеждают в том, что этот язык является прямым наследником литорей («тарабарской грамоты») – тайного письма древнерусских книжников, возникшего еще в XIII в., и с точки зрения современной криптографии является одноалфавитным шифром подстановки, достаточно простым для расшифровки современными техническими средствами, однако у неподготовленного и зачастую не слишком грамотного читателя в XIX или XX веках ее понимание вызвало бы существенные затруднения. Кроме того, данный метод скрытия смысла текстов дополнялся более сложным приемом — иносказанием, использованием метафор, что делало правильное восприятие текста практически невозможным. Наличие достаточно сложных систем кодирования информации подчеркивает уникальность культуры староверов, а происхождение этих систем подтверждает ее

живую связь с традициями древнерусского летописания и книжности.

Отдельным и довольно слабо изученным вопросом, имеющим отношение к обрядности последователей «древнего благочестия», является вопрос об антиминсах (антимисах), изготовленных и освященных в соответствии с каноническими правилами. Автор тщательно исследовала вопрос об отличиях пореформенных антиминсов от старообрядческих антиминсов, определив при этом, что с возникновением «Австрийской (Белокриницкой) иерархии старообрядцы в провинции столкнулись с проблемой приобретения мощей для положения их в антиминсы, что приводило ко всякого рода казусам» [3, с. 92]. Кроме того, достаточно долгое время антиминсы для староверов не освящались в виду отсутствия архиерейских чинов, которым по канону определено проводить соответствующий обряд, поэтому «в старообрядческих центрах использовались старые антиминсы неясного происхождения» [3, с. 92]. Изучив взгляды современных староверов на эту проблему, автор установила, что единого мнения об их использовании у них до сих пор не сложилось.

Обширный по объему обзор посвящен интереснейшему направлению русского религиозного богоискательства — секте христововеров, последователей которой чаще называли «хлыстами». В очерке подробно изучены различные версии происхождения этого учения, исповедание которого было сопряжено с ритуалами мистико-экстатического характера, и приведены серьезные аргументы в пользу мнения о его вызревании из старообрядчества беспоповщинских согласий. Значительное внимание уделено также проблемам догматике хлыстов и вопросу морали и нравственности в общинах христововеров, который зачастую вызывал ожесточенную негативную реакцию дореволюционных церковных и светских авторов. Важнейшей частью жизни религиозных диссидентов были различные пищевые запреты и специфические формы обрядности (радения).

Уникальнейший материал был вовлечен автором в научный оборот при изучении истории астраханских христововерческих общин, самыми многочисленными из которых были «корабли» в г. Царева, селах Оленичеве

и Глубокий Овраг. При этом в публикации достаточно четко прослежены различия хлыстов Царева, относившихся к херсонскому «единоверческому» направлению секты и тяготевших к беспоповщинскому староверию от более радикальных сектантов с. Оленичева, исповедовавших кавказско-тамбовский вариант христововерия (на Северо-Западном Кавказе он именовался «катасоновщиной» — по фамилии основателя Перфила Петровича Катасонова). Огромный интерес для исследователей представляет подробное описание радения, приведенное автором целиком по свидетельству мнимого сектанта, внедренного в ряды общины православным миссионером. Следует согласиться с общим выводом о том, что «в Астраханской губернии... сектанты чувствовали себя достаточно свободно, несмотря на умелое и изобретательное противодействие епархиальных миссионеров и местных священников», кроме того, «астраханская хлыстовщина была ярким и неординарным явлением, отличаясь особенностями, присущими населению края в целом — свободомыслием и некоторым радикализмом» [3, с. 121].

Язык всех опубликованных очерков — динамичный, яркий насыщенный. Автор будто ведет диалог с читателем, обстоятельно погружая его в среду изучаемого предмета, постепенно знакомя с разнообразными фактами и обстоятельствами, разрешая попутно возникающие вопросы и противоречия.

В качестве пожелания автору можно рекомендовать расширение источниковой базы исследований за счет большего включения туда неопубликованных документов, например из фондов Государственного архива Астраханской области и центральных архивохранилищ.

В целом книгу вполне можно назвать удавшейся. Религиозно-исторические реконструкции принадлежат к числу довольно непростых объектов исследования, особенно в ситуации, когда последователи той или иной доктрины по разным причинам скрываются от властей или общества. Автор смогла раскрыть важные вехи истории старообрядчества и русского религиозного сектантства на Астраханской земле, показать сложность и трагизм положения людей, которые, оставаясь русскими по своей этнической принадлежности, тем не

менее являлись чужими в религиозном отношении для большинства своих соотечественников, разделявших догматы господствующей церкви. Вместе с тем книга проникнута духом уважения к приверженцам религиозного инакомыслия, на протяжении веков сумевшим сохранить грамотность, стремление к просвещению и даже подниматься до высот религиозной философии в условиях практически полного отсутствия доступа к систематическому образованию, тем самым обогащая

неповторимым содержанием сокровищницу великой русской культуры. Духовный подвиг и постоянство в вере, крепнущее в условиях борьбы за нее, вызывают восхищение даже сегодня, в век безверия и тотального рационализма, поэтому имена выдающихся деятелей русского старообрядчества и богоискательства, равно как и деяния верных своему долгу талантливых миссионеров и священнослужителей Русской православной церкви достойны того, чтобы потомки знали и помнили их.

Использованная литература:

1. Арсланова Е. В. Обряды жизненного цикла старообрядцев-липован Астраханской области (родильно-крестильные и похоронно-поминальные). Астрахань: Сорокин Р. В., 2010.
2. Гринченко, Я. С. Культура старообрядцев Нижнего Поволжья. Дис... канд. ист. наук. – Волгоград, 2011.
3. Канат'ева Н. С. Астраханское старообрядчество и сектантство XIX в. в культурном контексте губернии. Астрахань: Сорокин Р. В., 2013.
4. Редькина О. Ю. Старое русское сектантство на Нижней Волге и Дону в XVIII–XX вв. // Геоэкономические и этнокультурные особенности хозяйственного развития Прикаспия и Приазовья в XVIII–XX вв.: сб. науч. ст. Волгоград: изд-во Волгогр. ун-та, 1999. С. 117–131.

References:

1. Arslanova, E. V., *Obryady zhiznennogo tsikla staroobryadtsev-lipovan Astrakhanskoy oblasti (rodil'no-krestil'nye i pokhoronno-pominal'nye)* (Rituals of the Life Cycle of the Old Believers-Lipovans of the Astrakhan Region (Maternity-Baptismal and Burial-Funeral)), Astrakhan': Sorokin R. V., 2010.
2. Grinchenko, Ya. S., *Kul'tura staroobryadtsev Nizhnego Povolzh'ya* (Culture of the Old Believers of the Lower Volga Region), Cand. Sci. Dissertation (National History), Volgograd, 2011.
3. Kanat'eva N. S. *Astrakhanskoe staroobryadchestvo i sektantstvo XIX veke v kul'turnom kontekste gubernii* (Astrakhan Old Belief and Sectarianism of the 19th Century in the Cultural Context of the Province), Astrakhan': Sorokin R. V., 2013.
4. Red'kina, O. Yu., *Staroe russkoe sektantstvo na Nizhney Volge i Donu v XVIII–XX vekakh* (Old Russian Sectarianism in the Lower Volga and Don in the 18th – 20th Centuries), in *Geoekonomicheskie i etnokul'turnye osobennosti khozyaystvennogo razvitiya Prikaspiya i Priazov'ya v XVIII–XX vekakh: sel. papers*, Volgograd: izdatel'stvo Volgogradskogo universitetata, 1999, pp. 117–131.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Крюков, А. В. «Достойны того, чтобы о них знали и помнили...» [Электронный ресурс] / А. В. Крюков // Наследие веков. – 2016. – № 4. – С. 117–121. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/12/2016_4_Kryukov.pdf. (дата обращения дд.мм.гг). – Рец. на кн.: Канат'ева Н. С. Астраханское старообрядчество и сектантство XIX в. в культурном контексте губернии. Астрахань : Сорокин Р. В., 2013. 150 с.

Full bibliographic reference to the article:

Kryukov, A. V., «Dostoyny togo, chtoby o nikh znali i pomnili...» («Worthy of Being Known and Remembered ...»), Review of the book: Kanat'eva N. S. *Astrakhanskoe staroobryadchestvo i sektantstvo XIX veka v kul'turnom kontekste gubernii* (Astrakhan Old Belief and Sectarianism of the 19th Century in the Cultural Context of the Province), Astrakhan: Sorokin R. V., 2013, *Nasledie Vekov*, 2016, no. 4, pp. 117–121. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/12/2016_4_Kryukov.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ “НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ” ЗА 2016 ГОД

LIST OF ARTICLES AND MATERIALS PUBLISHED IN THE JOURNAL «HERITAGE OF CENTURIES» DURING 2016

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Колонка главного редактора ..... № 1-4

СПЕЦИАЛЬНЫЕ РУБРИКИ:

ГОД РОССИЙСКОГО КИНО ..... № 1

А. В. Кривоконь

Провинциальная публика и кинематограф в начале XX века ..... № 1

А. В. Зотова

Кино в военном Ленинграде ..... № 1

Т. В. Коваленко

«Соединяя воспитание с материальным производством ...»:
практика пропаганды научно-популярного кино на селе ..... № 1

Н. А. Костина

Детские кинотеатры в региональной культурной политике 1960-х гг. .... № 1

Г. А. Нагаева

Экологическая тема в отечественном кинематографе:
региональный опыт ..... № 1

О. И. Бычкова

Герой нашего времени: ценности в зеркале российского телесериала ..... № 1

«СТРОКИ, ОПАЛЕННЫЕ ВОЙНОЙ...» ..... № 2

Б. И. Тетуев, А. А. Маккаева

Образ Сталинграда в повести К. М. Симонова «Дни и ночи» ..... № 2

В. К. Чумаченко	
«Нет ничего лучше и прекраснее родины» (Письма Олексы и Прасковьи Кирий сыну Алексею на фронт)	№ 2
М. А. Хакуашева	
Творчество Али Шогенцукова в контексте времени	№ 2
Н. Н. Петрова-Хорина	
Великая Отечественная война и кубанская пресса	№ 2
А. И. Слуцкий	
Великая Отечественная война в архивных документах художника Александра Ерофеевича Глуховцева	№ 2
Д. С. ЛИХАЧЕВ: ЭКОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА	№ 3
С. В. Рыжова	
Истоки формирования личности и научных интересов Д. С. Лихачева	№ 3
О. И. Бычкова	
Д. С. Лихачев о взаимосвязи ценностей, экономики и культуры	№ 3
СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ: НАСЛЕДИЕ И ОБЩЕСТВО.....	№ 4
А. М. Бугаев	
История народов Северного Кавказа как составная часть их культурного наследия	№ 4
Е. Ф. Кринко	
Роль национальных музеев Северного Кавказа в сохранении культурного наследия региона	№ 4
А. И. Джопуа, В. А. Ньюшков	
Из истории археологических исследований на территории современной Абхазии	№ 4
А. Ю. Скаков	
Перспективы сохранения историко-культурного наследия народов Северного Кавказа: вызовы и угрозы	№ 4
АНТРОПОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ	
П. С. Волкова	
Культура в пространстве бытия: интерпретация и реинтерпретация	№ 1
К. П. Карагода	
Интерпретация визуальных образов крика в истории искусств	№ 1
З. А. Кучукова	
Эстетика «черного юмора» в романе Ремарка «На западном фронте без перемен»	№ 4
Л. Н. Рягузова	
Мотив изгнания в творчестве В. Набокова.....	№ 4
А. А. Гуцалов	
Становление художника. Переписка молодого Н. К. Рериха с В. В. Стасовым и Л. М. Антокольским.....	№ 4

CAUCASICA. КУЛЬТУРЫ ЮГА РОССИИ

Г. Г. Гиберт, Д. А. Ныркова

Кавказ в дореволюционном документальном кино ..... № 1

В. Е. Науменко

Творчество Ахмедхана Абу-Бакара в кинематографическом измерении ..... № 1

Л. П. Голикова, М. В. Шаройко

Кавказские события в художественно-публицистическом творчестве
русских писателей XIX в. .... № 2

И. В. Сирица

Зарождение и развитие органов политического розыска
в Кубанской области и Черноморской губернии ..... № 2

БИОГРАФИКА

С. П. Шендрикова

Гражданская война в судьбе Фаины Раневской
(к 120-летию со дня рождения актрисы) ..... № 1

О. М. Фадеева

«В актерской карьере мне “чертовски” повезло,
начиная с театра в Геленджике...»:
Геленджик в творческой судьбе Георгия Миллера ..... № 1

А. Н. Еремеева

«Русские итальянки» – борцы за мир и равноправие: выставка, посвященная
Анне Кулишевой и Анжелике Балабановой в миланском музее Рисорджименто ..... № 1

В. Х. Акаев

Искусство Махмуда Эсамбаева: путь от народной лезгинки до чародея танца ..... № 4

А. И. Газдиев

Али Хашагульгов: судьба и творческое наследие ..... № 4

ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ЮГА РОССИИ

В. В. Бондарь, О. Н. Маркова

Памятник архитектуры регионального историзма
«Здание магазина «Янтарь» в Геленджике: история обретения и утраты ..... № 1

Е. В. Брацун

Адыгский культурный след на карте старого Краснодара (Екатеринодара):
к истории дома статского советника К. Т. Улагая ..... № 1

Н. Г. Ловпаче

Культурно-исторические объекты закубанской ветви
Великого шелкового пути ..... № 3

Б. М.-Г. Харсиев

Средневековая архитектура горной Ингушетии
на великом торговом пути: проблемы практического сохранения
и использования древнего наследия ..... № 3

В. Е. Науменко

Деятельность кубанских историков

по охране культурного наследия региона (XIX – начало XX века) ..... № 3

НАШЕ НАСЛЕДИЕ: МУЗЕИ ЮГА РОССИИ

Т. В. Юрченко, Н. А. Корсакова, Б. Е. Фролов

Реликвии Кубанского войскового музея –

коллекция серебряных китайских украшений периода династии Цин ..... № 3

Ж. М. Аппаева

Из истории кадрового обеспечения музеев Кабардино-Балкарии ..... № 3

М. Г. Плиева

Ю. Н. Либединский и Кавказ. К истории одного портрета ..... № 3

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ КУЛЬТУР

О. В. Спачиль, Е. Ю. Третьякова

Иронические функции шекспировских аллюзий

в «Скучной истории» А. П. Чехова ..... № 2

МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ, ДОКУМЕНТЫ

Ф. П. Куценко

Фёдор Гладков: письма на Кубань ..... № 4

А. Г. Коржевский

В стороне от черного квадрата ..... № 4

КНИЖНОЕ РЕВЮ: РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

Н. И. Швец

Кубань – территория кино ..... № 1

А. В. Крюков

Научные издания Южного филиала Института Наследия ..... № 1

И. И. Горлова

Суровая правда солдатских треугольников ..... № 2

И. Ю. Васильев

Вечное послесказание ..... № 3

А. Н. Еремеева

«Кузница кадров» российской военной элиты

в условиях Первой мировой и Гражданской войн ..... № 4

М. И. Серова

Свет древних куполов ..... № 4

А. В. Крюков

«Достойны того, чтобы о них знали и помнили...» ..... № 4

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

А. Э. Иоффе

Бессмертный полк..... № 2

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

К юбилею профессора В. К. Чумаченко ..... № 1

При создании обложки было использовано изображение: «Сентинский культурно-археологический комплекс 04» автора Alkasatkin (Own work). Лицензия CC BY-SA 3.0 (<http://creativecommons.org/licenses/by-sa/3.0>).
Адрес изображения: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/2/26/%D0%A1%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%BE-%D0%B0%D1%80%D1%85%D0%B5%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BF%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81_04.JPG

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

№ 4 (8)
2016

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ
ЮЖНОГО ФИЛИАЛА ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

ISSN 2412-9798

16+

Сетевое издание

Выходит четыре раза в год

Учредитель: АНО Центр духовного развития и патриотического воспитания
«Родные традиции»

Издатель: Южный филиал ФГБНИУ «Российский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

Главный редактор: Горлова И. И., e-mail: ii.gorlova@gmail.com

Адрес редакции: 350063, г. Краснодар, ул. Красная, д. 28, оф. 28

Телефон: +7 (861) 268-22-98

E-mail: heritage.krasnodar@gmail.com

Издание зарегистрировано в Роскомнадзоре.

Регистрационное удостоверение: Эл № ФС 77 - 62997 от 04. 09. 2015

Присланные в редакцию материалы публикаций рецензируются в соответствии с Порядком рецензирования рукописей и не возвращаются авторам.

Все права на любые материалы, опубликованные в настоящем издании, защищены в соответствии с российским и международным законодательством об авторском праве и смежных правах.

Использование материалов, размещенных в настоящем издании, допускается при условии обязательного указания точной гиперссылки на журнал «Наследие веков». Гиперссылка делается на оригинальный адрес публикации (URL). При воспроизведении материалов не допускается искажение смысла используемого текста.

Название журнала на русском языке: Наследие веков

Транслитерация названия журнала: Nasledie vekov

Название журнала на английском языке: Heritage of Centuries

Дизайн сайта <http://heritage-magazine.com>:

Т. В. Коваленко

Верстка html-версии журнала:

Т. В. Коваленко

Дизайн pdf-версии журнала:

Т. В. Коваленко, А. В. Крюков

Компьютерная верстка pdf-версии журнала:

А. В. Крюков

Дизайн обложки: А. В. Крюков

Редактура пристатейных списков литературы на русском языке:

Т. В. Коваленко, А. В. Крюков, А. А. Гуцалов

Редактура пристатейных списков литературы на английском языке: А. В. Крюков,

А. А. Гуцалов

Редактура аннотаций на английском языке:

А. В. Крюков

Издание индексируется:

- в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), (договор 714-11/2015).

Страница издания: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56593

- в системе Google Scholar.

Ссылка: https://scholar.google.ru/scholar?start=10&q=heritage-magazine.com&hl=ru&as_sdt=0,5

Номер сверстан: 26. 01. 2017

Размещен в сети Интернет: 27. 01. 2017

Гарнитура: Cambria

Формат: 210x297

Усл. печ. л.: 14,784

Уч.-изд. л.: 10,6

Размер файла в формате pdf: 8,429 Mb